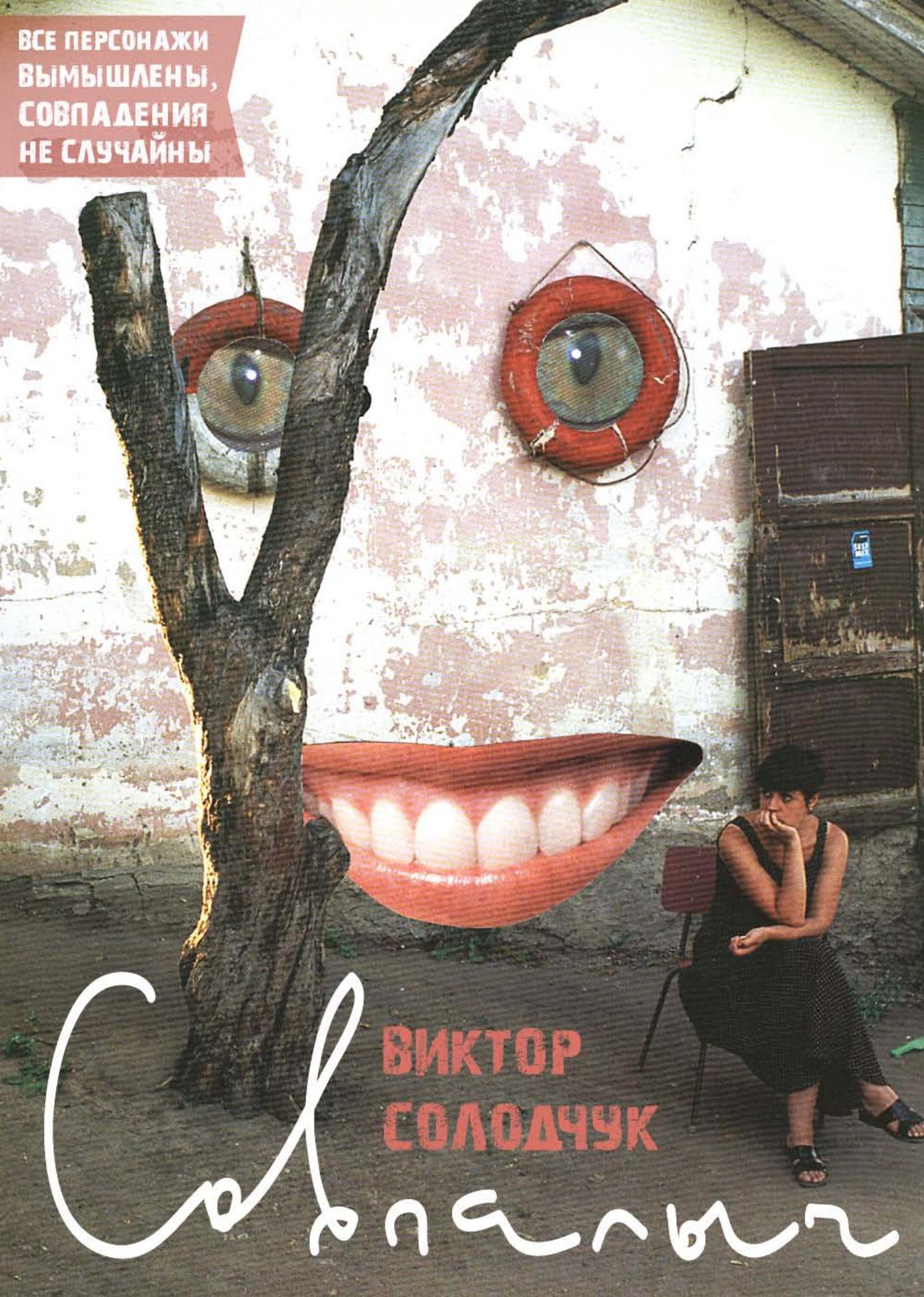

ВСЕ ПЕРСОНАЖИ
ВЫМЫШЛЕННЫ,
СОВПАДЕНИЯ
НЕ СЛУЧАЙНЫ

ВИКТОР
СОЛОДЧУК

Сладкая
память

ISBN 978-5-9903494-1-4

Виктор Солодчук

СОВПАЛЫЧ. М.: Издатель Виталий Кивачицкий, 2012 год

Редакторы:

Екатерина Ваншенкина

Дмитрий Гайдук

Художники:

Александр Дельфинов

Евгений Кемеровский

Аркадий Насонов

Страница проекта на facebook

www.facebook.com/Sovpalych

Тридцатилетний неудачник Арсений Романов безуспешно пытается написать книгу хотя бы о чем-нибудь и принимает предложение загадочного пенсионера записать с его слов повесть о путешествии в Гималаи и других неизвестных фактах последней мировой войны. Очень скоро жизнь главного героя начинает пересекаться с сюжетом его рукописи. Необычная работа, тюремная камера, психдиспансер, поиск клада по принципу шахматной партии, разбитое сердце, обретенная надежда, большие деньги - как бы вы продолжили этот список?

© Солодчук В.А., автор, 2012

© А. Дельфинов, иллюстрации, 2012

© Е. Кемеровский, иллюстрации, 2005

© А. Насонов, иллюстрации, 2012

© Жора Кочегаров, оформление, 2012

© Издатель Виталий Кивачицкий, 2012

e-mail: bitarii@gmail.com

Виктор СОЛОДЧУК

СОВПАЛЫЧ

Книга посвящается Марку и Льву, а также отцам и дедам.
Все события и персонажи вымышлены, совпадения не случайны.

В иносказании выраженное и проявляемое равнозначны, если выраженное (не являющееся предметом, о котором идет речь) и угадываемое (предмет, о котором идет речь) связаны между собой в силу того, что одно из них представляет собою общее, а другое — частное, или же одно — причину, а другое — следствие.
(Анандавардхана, «Дхваньялока»)

— Вижу, мне снова придется пылесосить тебе уши! — воскликнул Карлсон. — Ты ничего не слышишь!
— Что ты говоришь? — переспросил Малыш.
(Астрид Линдгрен, «Малыш и Карлсон»)

Предисловие к русскому изданию

Вы уже слышали сказку о золотой рыбке? Перелистните страницу. Кому знакома легенда о жизни у самого синего моря, пускай пропустит предисловие, а кто помнит миф о трех желаниях — вообще может не читать книгу дальше.

Тем же, кто никогда не слышал (где вы, ускользнувшие из невода детской сказки загадочные существа?) предание о старике, наблюдавшем за сетями, пришло время услышать эту древнюю и поучительную историю.

Было так. Некий человек всю жизнь следил за сетями, и достиг в своем ремесле совершенства. День за днем всё было как всегда: утром старик спал до полудня, после чинил старые сети и плел новые, а вечером, лишь только солнце цвета старой моркови пряталось за верхушками дальних маслин, шел домой пить чай и травяные отвары. После полуночи он входил в море и выбирал добычу из сетей так тихо, что ни одна собака не слышала плеска.

С годами из жизни старика исчезло время. Сестренка Утро берегла его сон и отгоняла мух и слепней, братишки День и Вечер были подмастерьями, а сестрица Ночь ждала на берегу с уловом. Сложно сказать — что именно ловили сети. Все зависело от множества случайностей, которые тоже много от чего зависели. Сами знаете.

В молодые годы в сети попадает одно, а в зрелые — другое. В старости — опять ловится то же, что и в молодости, только значительно реже и почему-то гораздо крупнее.

А в целом, это был всегда ожидаемый улов, состоящий из вещей знакомых и понятных. Только однажды в сетях оказалось нечто совершенно иное — ни ранее, ни потом подобного не видели ни старик, ни его семья.

Тяжелая рыбка, как бы и в самом деле отлитая из червонного золота, подпрыгивала на мокрой ладони. Даже темнеющая на берегу Ночь заметила этот блеск.

— Отпусти меня, старик, — попросила рыбка. — А я тебя отблагодарю, ведь в моих силах исполнить любые три твои желания.

— Мудрости, радости и здоровья, — с этими словами старик осторожно опустил ладонь с рыбкой в теплую светящуюся воду.

— Ты просишь о вещах несовместимых, но пусть будет по-твоему, — сказала рыбка и ушла в глубину сверкающей молнией.

Никто больше не видел ни рыбку, ни старика. Его братья и сестры живут среди нас и будут жить во веки веков, как и эта сказка. Пока дети помнят Рассказ о Наблюдавшем-За-Сетями, они знают: следует каждый миг быть готовым к счастливому случаю, чтобы в нужный момент с тобой сбылись именно твои мечты, а не чьи-то ещё.

Вот и вся последующая книга об этом, а точнее — о случайных совпадениях, любви, путешествиях и войне. И о том, как отличить одно от другого.

**(Сергей Журавлев, детский писатель.
Марс, кратер Скиапарелли.)**

Глава 1

Осаждённая Москва. Аптека и библиотека. Профессор Тремор.

Слагаемое меняется от перемены мест.

(А. Романов, «Неолит»)

Наверное, все началось в тот ноябрьский вечер, когда поезд доставил меня в столицу. Платформа шла под уклон, подошвы скользили по ледяной корке, и сбавлять ход приходилось очень плавно, чтобы остановиться точно под башней Киевского вокзала, где, как могло показаться, никто никого никогда не провожал и не встречал.

Привокзальная площадь цепенела в тройных объятьях холода, мрака и тишины. Безлюдный пейзаж был слегка разбавлен военным патрулем, да еще промелькнувшее цыганское семейство навело на мысль, что между разными местами всегда можно найти что-то общее. Столицы смотрятся как близнецы в период строительного бума и после налета бомбардировщиков. Осажденные врагами города вечернеют одинаково тревожно.

Москва выглядела испуганной и недоверчивой, словно дикий котенок без мамы.

Честно сказать, большая война стала для меня неожиданностью. Встречая в газетах новости о миротворческих акциях, я никак не мог предположить, что всем этим лишенным инстинкта самосохранения юнцам с бритыми затылками, утратившим чувство реальности седоусым служивым в широких лампасах — всей этой сверкающей орденами и погонами помойке снова позволят расплескаться по странам и континентам.

Отчего вменяемые люди неожиданно для самих себя принимают выворачивать друг другу внутренности всеми известными науке способами? Непостижимо. Как так получается, что миллион человек подчиняется общему приказу смертельно ненавидеть другой миллион человек? Необъяснимо. Как вообще возможно сменить уют свободной жизни на кошмар казарменного существования?

Мирное время тяготеет к войне и наоборот, поэтому рано или поздно все сражения заканчиваются. Главы правительств подписывают невнятные соглашения и делят территории, а мир зализывает раны, полагая с уверенностью хронического наркомана, что эта ремиссия уж точно станет последней. Потом людям объясняют — кто победил, а кто — наоборот, и мы не знаем, что лучше для нас: победить или быть побежденными. Ведь выигрывает тот, кто не играет и соблюдает нейтралитет — от латинского «*neuter*» — «ни тот, ни другой». И что бы сейчас ни заявляли обе стороны, подписанный под Сталинградом мирный договор стал великой победой вменяемого человечества и поражением безумных президентов, премьер-министров и королей.

Впрочем, забегая вперед. Когда я прибыл в Москву, война только лишь разгоралась. Многим событиям еще предстояло произойти, а в некоторых из них мне пришлось принять самое прямое участие.

Возле лежащего на площади аэростата, похожего на притянутого к земле Гулливера, меня нашел молчаливый водитель, и через минуту наш «BMW» выруливал в сторону Можайского шоссе — туда, где пролегал передний край обороны. Согревшись на кожаных подушках, я стал думать о предстоящей встрече с полковником Синичкиным, чье имя было указано в телеграмме. Вопросы копошились в голове, не находя ответа. Догадки и предположения сгорали в протуберанцах активности головного мозга, но продолжали плодиться, как лабораторные дрозофилы.

Первое. Для чего понадобился в столице Иван Харламов, 29 лет, сотрудник торгового представительства в Бомбее, фармацевт, заведующий амбулаторией имени Цельсия? Врачей в дипкорпусе всегда недоставало, и от мобилизации я был, к счастью, освобожден. Второе. Почему вызов пришел не по линии иностранных дел, а из Адмиралтейства? И загадка на десерт: что за особое задание (в телеграмме так и было написано — «особое») можно поручить человеку, прожившему пять лет в аптеке?

Если курить редко и только хорошие сорта, вовремя возникшая папироса всегда поможет в трудный час найти ответ или, по крайней мере, точно сформулировать вопрос. К сожалению, ни первый «Эверест», ни прикуренный следом второй, ясности в мое положение не внесли. Слабым сизым завитком расплывалась версия путаницы в документах и удивительного совпадения обстоятельств — маловероятного стечения времени, места, человека и события. Тогда я уже знал, что порой так случается.

«Как с отличием окончившего школу, зачислить на подготовительное отделение Медицинского университета, с предоставлением стипендии и места в общежитии», — глядя куда-то в сторону, когда-то объявил директор школы, которая отнюдь не считалась элитарным учебным заведением. Назвать мой аттестат отличным было так же справедливо, как окрестить советского писателя Алексея Толстого зеркалом русской революции. То есть — похоже, конечно, но в целом неточно.

В университете я встретил того, кто изменил мои представления о мире, природе и человеке. Профессор Александр Романович Краснов, читавший курс электрохимии мозга, легкой рукой открыл передо мной врата храма науки и стал моим научным руководителем.

Молодым хирургом Краснов был призван на русско-японскую войну, взят в плен, но быстро обрел свободу после того, как избавил от мигрени знаменитого генерала Мисимо Руки. Вернувшись домой и столкнувшись с неприязнью соотечественников, Александр Романович долгое время работал в домашней лаборатории. В зенит звезда ученого взшла перед первой войной, когда была напечатана его монография «Мир вероятностных видений». Студенты окрестили Краснова нежным именем «Тремор» за употребление словесного оборота «тремор души моей». Тремор неплохо играл на рояле, увлекался классической музыкой, был неистовым библиофилом и обладал тонким литературным вкусом. Но все же, главной страстью Александра Романовича всегда оставалась наука. Свободное от преподавания время Тремор отдавал поиску новых способов передачи информации без помощи слов.

Опыты, в которых нередко участвовал и я, были чрезвычайно увлекательными. Например, группа из нескольких человек укладывалась на ковер. Выключался свет, задергивались шторы, и в полумраке каждый пытался самым подробным образом вспомнить все, что происходило за последнюю неделю. Данные заносились в общий журнал. В результате, иногда человек вспоминал события, происходившие не с ним, а с лежащим рядом соседом, или не происходившие вовсе. Такие сеансы обыкновенно сопровождалась музыкой: виолончелями и скрипками приглашенного квартета, прелюдиями профессорского рояля или записями граммофона. В другой раз мы должны были разъехаться по разным адресам, и точно в девять вечера синхронно выполнить комплекс гимнастических упражнений Мюллера. Однажды, одновременно с гимнастикой потребовалось петь любимую профессором «Дубинушку». Сам Тремор в это время пунктуально включил в своем кабинете пластинку с записью Шаляпина.

Потом профессор исчез. Ходили слухи, что кто-то видел как багровеющим апрельским утром Александра Романовича в пальто, накинутом на пижаму, вывели из его дома по Варсонофьевскому переулку, и находились утверждавшие, что в тот же день профессора расстреляли как врага народа. Другие утверждали, что Трemor жив, но получил большой срок и теперь работает в секретном учреждении. Во всяком случае, больше его никто не видел. Я часто вспоминал своего научного руководителя колдующим над микрофонами и таблицами в лаборатории, степенно восходящим по мраморным ступеням учебного корпуса или запросто угощавшим меня чаем в преподавательском буфете.

Тем временем в мою жизнь снова явились удивительные события. Теперь уже я сам, только изнутри, толкнул тяжелую дверь храма науки, за которой заседала комиссия по распределению. Запрос на место провизора для посольской аптеки в Бомбее оказался единственным и на мое имя. Остальных выпускников стезя анестезии увела в Поволжье и Казахстан. Я не успел изумиться новому повороту судьбы, как пересек Центральный Китай и благополучно добрался до Индии.

Круг моих обязанностей в торгпредстве ограничился прививанием прибывающих и санитарным контролем в порту. Эта синекюра отнимала не более двух часов в день, и поначалу я не находил себе места. Однако, обнаружив на чердаке обширную библиотеку, принадлежавшую ранее исследователю Индии мещанину Серафиму Гренкину, я стал проводить все свободное время среди книг.

В то время все часто менялось — одни книги объявляли важными, другие сжигались. Я никогда не понимал, что именно в данный момент подлежит уничтожению — и торопился читать все подряд. Тем более что разобраться среди множества стеллажей было непросто.

Со времен Гренкина библиотека постоянно пополнялась, но ее содержимое не было систематизировано. Медицинские труды знаменитого Ван Дер Эра, напечатанные в конце XVIII века, стояли рядом с подшивкой журнала «Бастурма» и разрозненными томами сочинений Боборыкина. В пределах одного и того же стеллажа хранились модные, но сомнительные произведения господина Фрау, брошюры его ученика и ниспровергателя доктора Нахтштерна «Миф и фимиам», изданные одной книгой «Протоколы сиамских близнецов» и «Рассказ о неуравновешенном», грамматика цыганского языка 1938 года, набор копеечных книжечек с приключениями сыщика Игната Пинкодера, чешский комикс «Крала при дворе Зеленых гор», подарочный вариант «Слова о пауке Игоре» с великолепными акватинтами неизвестного художника, современная методичка «Огненная гигиена сталевара» и белорусский перевод древних трудов Аль-Бируни. Полное собрание материалов Вселенских соборов, дополненное и расширенное бесконечной перепиской Оригена ибн Флавия с делегатами Никейских конференций, разбрелось по стеллажам, словно пыталось спрятать свое двадцатитомное тело от костра просвещения.

Карты, справочники и атласы на русском, немецком, испанском и английском языках были перемешаны с лекциями доктора Шильдера и потрепанными подписками «Лекарственного Пузырька» за 1893 год. На одной полке соседствовали «Вопросы словоглотания» с профилем вождя Приживальского в венчике из соколиных перьев, «Жизнь и альтернатива» Розенберга, а также книга поучений раввина Шекедьгрубера «Моя Борода», запрещенная как в Германии, так и в СССР. Шеренгами выстроились поэтические сборники, черно-белые комиксы, научные монографии, альбомы репродукций Парижского Салона, альманахи Британского и Стокгольмского Географических Обществ, а также подшивки многочисленных газет.

К счастью, немалую часть библиотеки составляли труды по медицине, в чтение которых я погрузился в первую очередь, обнаружив и упомянутую выше монографию своего научного руководителя. Продвигаясь вглубь книжных кварталов, ежедневно вываливая в память тысячи строчек, я не задумывался тогда об опасности, которую влечет за собой любое неумеренное потребление, и теперь понимаю меньше половины того, что знаю, и знаю намного больше, чем помню.

Я бы совсем закопался в книгах, но тут появился Левон Сурьяниан — пятидесятилетний француз армянского происхождения, владелец небольшой гостиницы недалеко от порта. Левон оказался приятным и образованным собеседником, а его финансовый гений порождал невероятные проекты, неизменно приносящие прибыль. Юность моего друга совпала с пиком кобальтовой лихорадки, он провел три года на Желтых Песках и был среди тех восьмисот добровольцев, которые видели загадочное «Тяжелое Облако». Левон играл в карты на пляжах Рицы, под видом канареек продавал в Кушке крашенных анилином воробьев, участвовал в сомнительных операциях Азиатского Общества «Нормандия» и читал в Сан-Диего пронзительные лекции о вреде алкоголизма. Всегда выглядевший безукоризненно, Сурьяниан был для меня образцом джентльмена, а его нелюбовь ко всему английскому только дополняла этот образ. Следует добавить, что тогда мало у кого в Индии вызывали симпатию подданные Ее Величества. Левон часто обсуждал со мной события в Пенджабе и Калькутте, желая индусам скорейшего обретения независимости. Мы подолгу засиживались в плетеных креслах на террасе гостиницы, играя в шахматы, глядя на звезды над портом и дегустируя сложные коктейли, искусству составления которых Левон посвятил немалую часть своей жизни.

Состав напитков не держался в тайне, но употреблению каждого из них соответствовало стечение определенных погодных условий, времени года, дня недели и, кажется, лунной фазы. Смесь тростникового и капустного сока с водкой подавалась, например, при растущей луне, всегда вечером, никогда весной, никогда в понедельник. Десертное вино с пломбиром пили исключительно на закате. В полуденную жару Сурьяниан потягивал виски, утверждая, что следует примеру носителей красных шерстяных мундиров. В полнолуние вечер непременно заканчивался шартрезом, в новолуние — бенедиктином. Ром со сливками и мятой, несколько сортов пива и лимонад мы пили в субботу, вишневым соком с водкой — в воскресенье.

Очередная папироса оказалась последней и показалась лишней. Убедившись в этом после нескольких затяжек, я погасил ее и на всякий случай спрятал в нагрудный карман, превозмогая подкатившую голодную тошноту. Все чаще машину останавливали для проверки документов, и всякий раз водитель предъявлял новые путевые листы (помню, что в одном из них значилась перевозка бидонов с молоком). Как ни странно, нас легко пропускали, и с каждой минутой мы приближались к городским окраинам. Фары выхватывали из темноты редкие фрагменты строений и голые скользкие деревья. Провалы домов с темными окнами, перекрытые заграждениями площади и безлюдные улицы ничем не напоминали довоенную Москву, просторную и светлую, как вздох после плача, и уж тем более это не было похоже на шумный и разноцветный Бомбей. Провалы домов с темными окнами, перекрытые заграждениями площади и безлюдные улицы ничем не напоминали довоенную столицу, светлую и просторную, словно вздох после плача, и уж тем более это не было похоже на шумный и разноцветный Бомбей. Мокрый снег с дождем налипал на лобовое стекло, и шофер, вынужденный вести машину почти вслепую, тихо ругался. Образ оставленной Индии медленно стекленел под московским

небом, укладываясь в аккуратные стопки воспоминаний. Чтобы отвлечься от безрадостной картины за окном, я принялся перебирать в памяти события последних семидесяти двух часов.

...улицы ничем не напоминали довоенную столицу, светлую и просторную, словно вздох после плача

Почти не верилось, что всего три дня назад я оформлял в бомбейском порту отправку советского сухогруза «Святой Владимир Маяковский» с грузом белого пакистанского риса для Управления ресторанов Ленинграда. Обычная процедура заняла не более часа, и я собирался переждать полуденную жару в гостинице Сурияниана. Разобравшись с накладными и пожелав капитану семь футов под килем, я вскоре сидел за столиком кафе, поглощая прохладный сок свежеежатого ананаса, куда Левон добавил немного коньяка.

— Совсем каплю, дорогой, исключительно для дезинфекции, вам же известно, какой здесь нездоровый климат, — он улыбался, наблюдая разводы в своем бокале.

За столиком в дальнем углу громко рассмеялись. Там сидел полный мужчина средних лет с молодой дамой. Они безудержно хохотали, по-видимому, не в силах остановиться. Несмотря на гримасу смеха, искажившую лицо, барышня показалась мне очень привлекательной. Острые скулы, выразительные губы и волевой подбородок делали ее похожей на Грету Гарбо и были словно высеченными из камня, а рыжие волосы выглядели неестественно медными на фоне ослепительно белой кожи. Сияющий взгляд скользнул по нашему столику, и она опять забилась в приступе смеха. Девушка мне понравилась. Ее спутник, напротив, сразу вызвал острую неприязнь. Его внешность напоминала изображение сатира: увенчанный лысиной непропорционально большой лоб резко сходил в микроскопический подбородок, рыжая седеющая борода росла клочками, а короткие ножки контрастировали с широкими плечами и массивным животом.

— Какая-то безрассудная парочка из Европы, — мой взгляд был замечен Левоном, который по праву хозяина знал здесь все обо всех. — Приехали утром, на базаре решили попробовать веселящие грибы, а теперь растерялись — сам понимаешь, дорогой.

На ней было легкое сари, купленное, по всей вероятности, на одном из местных рынков. Попытавшись устроиться

удобнее, она чуть приподнялась в кресле. Мелькнула мраморная щиколотка, и я отвел глаза. Конечно же, после многочисленных занятий в анатомическом театре, женское тело не представляло для меня загадки. Я прекрасно мог представить, как продолжились стройные ноги моей vis-a-vis, и отлично понимал, чем они увенчались. Но впервые в жизни мне было сложно смотреть на женщину глазами медика. Сердце мое заплескалось, словно от камфорной инъекции.

— Приехали, — впервые за время поездки обратился ко мне водитель. Перед глухими воротами, украшенными плоскими остриями, стоял огромный белый полушубок, из глубины которого выглядывал часовой. Ствол его автомата был направлен прямо в наше лобовое стекло. Еще один полушубок обошел автомобиль вокруг, пошарил острым лучом фонаря в салоне и заглянул в багажник. После этого ворота поползли в сторону.

В большом ангаре меня встретил бритый наголо человек в белом халате, наброшенном на военную форму. Это и был полковник Синичкин, который сразу же приказал звать его исключительно по имени и отчеству, Сергеем Александровичем. Мы пошли по слабо освещенному коридору, выложенному разноцветным кафелем, отчего место напоминало станцию метро. Вдоль стен чернели массивные стальные двери. Периодически от главного тоннеля отходили другие, более узкие и темные. На этих перекрестках висели светофоры, в которых было почему-то по четыре фонаря — под красным, желтым и зеленым иногда светился голубой. Наконец, мы остановились около небольшой двери, обитой толстым материалом, должно быть, для лучшей звукоизоляции.

— Прошу, — Сергей Александрович повернул ручку.

Кроме кровати и низкого столика с двумя креслами в комнате ничего не было. Белые плафоны потолка излучали мягкий свет. Все это сильно напоминало номер в недорогой гостинице, сходство дополнялось тихим шипением бачка в туалетной комнате. Оглянувшись, я увидел, что остался один: Синичкин закрыл дверь снаружи. Я разбежался и врезался в дверь плечом. Бесплезно. Вдобавок, с моей стороны на двери отсутствовала ручка. Почему-то сразу вспомнился исчезнувший Краснов.

«Арестован!» — явилась первая мысль. — «Глупости, зачем было для этого вызывать в Москву?» — слабым транквилизатором вспрыснулась вторая. — «Как зачем? Чтобы допросить». — Внутренний диалог становился все более неприятным.

«Что бы ни случилось, врач должен сохранять спокойствие, иначе руки его будут трястись, и он не сможет ни сделать инъекцию, ни даже вскрыть ампулу» — всплыли в памяти поучения Александра Романовича. Я вытянул руки и посмотрел на ладони. Пальцы не дрожали.

В нагрудном кармане смердела почти целая папироса, а в боковом — нашлась коробка спичек. — «О чем меня допрашивать? Ерунда какая-то», — страх понемногу стал отступать, когда я опять обратил внимание на дверь без ручки. — «Но если станут допрашивать о том, чего я не знаю?» — последнее предположение так потрясло, что я выронил уже раскрытый коробок, где на этикетке «Панч» лиловым химическим карандашом было выведено «3-18, Kirchen». И память опять отбросила меня на три дня назад.

— Похоже, Иван, на вас положили глаз, — сказал Левон.

— Кто? — не понял я, сокрушая вилкой огромный скрипящий эклер.

— Наша гостья за столиком напротив. То и дело поглядывает. Кажется, вы ей понравились.

Я поднял глаза и сразу же встретился взглядом со спутницей рыжебородого. Несколько секунд (они, как пишут в романах, показались мне вечностью!) мы смотрели друг на друга. Потом она повернулась к собеседнику и достала из портсигара тонкую сигарету. Толстяк принялся шарить в своих карманах, вероятно, в поисках зажигалки. Неожиданно для себя, я вскочил, побежал, в руке сжимая спички, но не сделал и трех шагов, как зацепился за ножку стула и растянулся на полу. В результате падения коробок оказался почти у ног толстяка. Внимательно и брезгливо глядя на меня, он поднял его и зажег спичку. Чувствуя, как краснеют щеки, я вернулся на место, ощущая предательское тепло внутри глазниц. К счастью, никто не смеялся.

— Неплохо, дорогой, — слова доносились откуда-то издалека. — Теперь вы поразили самое ее сердце.

— Вы так думаете? — спросил я, сглотив нервный комочек огорчения.

— Конечно. Можете поверить моему опыту, вы ее потрясли координацией, — белогвардейские усики Сурьяниана шевельнулись от легкой улыбки.

— Левон, прошу вас не вспоминать о моей неловкости, — в этот момент я почти ненавидел своего друга, барышню в сари, ее кавалера, а более всего — себя.

— Ну-ну, не изводитесь, друг мой, выпейте-ка лучше, — с моего молчаливого согласия Левон долил мне коньяка. — Я и не думал шутить с вами. Вы ей понравились, это заметно. Кстати, они остановились в моей гостинице. Ее зовут Кирхен. Хотите, я вас представлю?

— Нет, — пробормотал я. — Она меня совершенно не интересует.

— Иногда «нет» значит нет, — понимающе кивнул Сурьяниан. — Не то позвоните ей.

Мой друг недавно установил в гостинице телефонную станцию, чем необычайно гордился.

— Благодарю вас, — сказал я и окончательно успокоился. — Она не в моем вкусе.

Распрощавшись с Левоном, я встал, чтобы вернуться в порт, не замечая, что злополучная парочка также направилась к выходу. «Вот черт! — мелькнула мысль. — Не хватало еще столкнуться в дверях».

Конечно, все так и произошло. Проходя рядом, толстяк, как мне показалось, злорадно усмехнулся. Девушка задержалась и протянула мой коробок.

— Спасибо, — произнесла она по-английски с едва уловимым акцентом. В моей груди будто лопнул тугой шар, наполненный теплым сиропом, который стал разливаться по венам и артериям. В Индии не принято говорить «спасибо» — там считается, что люди помогают друг другу не ради благодарности. И пока я искал подходящую для ситуации фразу, что-то вроде сложного английского «не стоит благодарности» или крепкого американского «забудем это, мисс», она в два легких шага догнала рыжего и принялась что-то ему рассказывать.

Лопатками и позвоночником чувствуя смеющийся взгляд Сурьяниана, я быстро пошел по направлению к порту, где меня и отыскала срочная телеграмма из Москвы. Не попрощавшись ни с кем, следующим утром я трясся по железной дороге в Дели, чтобы вместе с дипломатической почтой лететь в Стамбул, а оттуда, минуя осажденную Одессу, добираться до Москвы.

Содержимое коробка просыпалось на лакированную поверхность, и я машинально принялся выкладывать из спичек дикобраза, пытаюсь размышлять логически. Предположим, причиной вызова является моя работа в Бомбее. Но бумаги в порядке, сейф опечатан, претензий нет. Значит, не это. Контакты с иностранцами? Кроме Левона, я ни с кем не общался, а прекрасная репутация позволяла моему другу открыто встречаться и с моим непосредственным начальством, и с наместником вице-короля, и с английскими таможенниками. Что же тогда?

Увлеченно выкладывая из спичек фигуры, я достал из кармана еще один коробок, чтобы добавить недостающие иголки дикобразу, диким образом образовавшемуся на столе в окружении ряда финиговых пальм. Эти пальмы еще называют слоновыми, за их размеры.

Вспомнилась давно услышанная история, случившаяся, как утверждал рассказчик, в Ботаническом саду. Там в огромной деревянной бочке росла большая финиговая пальма. Весной бочку выкатывали из оранжереи, а с наступлением первых холодов — закатывали обратно. Но однажды весеннее перемещение оказалось невозможным, потому что за зиму корни проросли сквозь бочку и вошли в грунт. Тогда в оранжерее выкопали большую воронку и посадили в нее пальму вместе с бочкой. Почувствовав землю, дерево стало тянуться вверх, за несколько лет доросло до прозрачного потолка, выдавило наружу несколько стеклянных блоков и засохло. Поучительная история, не так ли?

Докурив папиросу, я опустил на кровать, почувствовал, как сильно устал, и моментально уснул.

Когда через неопределенное время я открыл глаза, на потолке все так же мягко светились белые пластины. Может быть, из-за этого света секундой ранее мне приснилось белое пространство, по которому вдаль уходила фигурка человека. Белое, по-видимому, было снегом, потому что человек неуклюже размахивал лыжными палками. Собственно, больше ничего и не запомнилось, кроме, пожалуй, странного моего сожаления о том, что этот уходящий человек чему-то так и не научился.

На столике обнаружился завтрак. Из чашки кофе с молоком валил густой пар, и это значило, что кто-то входил совсем недавно. Наскоро сделав несколько упражнений гимнастики Мюллера и умывшись, я заставил себя съесть омлет с ветчиной, пару гренок с абрикосовым джемом, выпил кофе, после чего снова стал бодрым и готовым к любым сюрпризам судьбы. Вышагивая по комнате (пять полных шагов в ширину и семь неполных — в длину), я уже не чувствовал опасений, предвосхищая, что новый день принесет много интересного. Просчитав периметр еще и по диагонали (чтобы практически проверить знаменитую теорему), я показался себе похожим на медведя в клетке зоопарка, и снова занялся художественным выкладыванием спичек на столе. Так как иголок для дикобраза все равно не хватало, я решил разобрать пальмы. Теперь полтора десятка спичек оказались лишними. Аккуратно размещая на столе деревянные палочки с зелеными головками, я выложил под дикобразом имя «K I R S H E N».

Все еще удерживая ощущение белоснежного сна, кроме удаляющейся фигурки на белом снегу я смутно вспомнил еще что-то — не то имя, не то звание, которое я носил, но ни имя, ни звание мне, на самом деле, не принадлежали. Еще в этом сне звучала песня, торжественная мелодия сопровождалась грустными стихами в японском стиле — что-то о вишнях в саду, белых облаках и родном доме. Я пытался вспоминать дальше, однако безуспешно.

— Ну что, Харламов? Вспомнили? — спросил кто-то за спиной.

Я оглянулся и увидел человека, встречи с которым так ждал все эти годы. Передо мной стоял профессор Тремор собственной персоной.

— Это что же, *Hystrix leucura*? — кивнул профессор на спичечные узоры. — Красивый иглошерст. Исходя из подписи, следует полагать, что это самка?

Не веря собственным глазам, я не сумел произнести ни слова. Профессор, кажется, разделял мое чувство, и тоже молчал. На фоне немой сцены в проеме двери возник бритоголовый Сергей Александрович. Не обращая на нас внимания, он подошел к столу, достал из кармана маленький фотоаппарат и сфотографировал спичечного дикобраза. Теперь на Синичкине был не белый халат, а черная военная форма, вполне обычная, только вместо командирских кубиков в его петлицах отсвечивали маленькие серебряные волки.

Глава 2

Мантра для понедельника. Медитации Романова. Кое-что об африканских слонах.

Шел я лесом — видел чудо

Два крестьянина сидят

Зубы новые, вставные —

Шоколадный торт едят.

(Нижнесаксонская частушка)

— Волки мешают возводить замок, — помахивая портфелем, альфа-самец «Царь-банка» Алимов высматривал на бульваре свободную скамейку. — Людей жрут. Я поэтому первый уровень не могу пройти.

На Малиновом бульваре сгустился летний вечер. Сквозняки шныряли под скамейками, прогибались остывающие крыши домов, за чугунными звездами и свастиками бульварной решетки урчали в пробке автомобили.

— Ну и на здоровье. Пускай жрут! — Клейн, бета-самец того же банка, переложил из руки в руку пластиковый пакет, в котором глухобрякнуло и стихло содержимое. — Я знаю эту игру, — «Индюльгенция» называется. Лишних отправляешь в лес, их волки едят и оставляют строителей в покое... Вот скамейка свободная.

— Людей мне и так не хватает. Работать некому.

— Так ведь рычажок «налоги» надо на минимум поставить, а «развлечения» — на максимум, тогда и народ подвалит. Покопайся в настройках.

— Все-таки неудобно в четверг на скамейке, — Алимов оглянулся по сторонам. — Пятница — другое дело.

— Да хоть понедельник, — Клейн достал из пакета две бутылки темного «Ева Браун». — Знаешь, может быть, это и не мое дело, но ты совсем одичал за игрушками своими.

— При чем здесь игрушки?

— Я разве не вижу, чем ты на работе занимаешься? — Клейн скovyрнул зажигалкой колючую пробку и передал бутылку Алимову. — Лично меня от этих стратегий тошнит, — добавил он. — Доставай, что еще у нас там есть.

На скамейке появились большая водка, вакуумная закуска, пластиковые стаканы и минералка.

— Дни недели — это для строителей из твоей игры, — сообщил Клейн, открывая закуску. — Так ими управлять проще: условный рефлекс вырабатывается. Я когда это понял, сразу себе понедельничную мантру придумал: «Послезавтра пятница будет послезавтра». Соответственно, вторничная мантра: «Завтра пятница будет послезавтра», или: «Послезавтра пятница будет завтра».

— Что у вас на прошлой неделе произошло? — подцепив ненадежной вилкой дольку семги, сменил тему Алимов. — Кто-то уснул, я слышал, прямо у компьютера.

— Да уж. Глупо вышло. Ты с Романовым был знаком? С Арсением?

— Это ваш гамма-самец? Так, здоровались. Только почему «был»? Он что, умер?

— Хуже, — Клейн налил по полстаканчика и с треском открыл круглую прозрачную коробку с маринованной спаржей. — Уволили его. За медитацию. Ну, будем здоровы.

— За что? — переспросил Алимов, чувствуя, что от выпитого язык мгновенно стал меньше, но тверже, а голова — наоборот.

— За медитацию, — повторил Клейн и достал из кармана вибрирующий мобильник и несколько секунд не спешил принимать звонок. — Так. Интересное совпадение. — Да, привет. Нет, пятьсот не могу. Триста. Триста рублей, говорю, могу. А ты где? Давай, мы здесь рядом на скамеечке сидим. Угадай — кто звонил?

— Романов? — Алимов сосредоточенно пытался налить поровну и понемногу. Последнее оказалось невозможным: водка глухо ударила в два белых дна, стаканы стали мягкими и тяжелыми.

— Угадал! — Клейн взвесил стакан в руке. — Только заговорили о нем. Ну, давай, за совпадение.

Алимов вылил в себя полный стакан и надолго застыл, плотно сжав губы.

— Не пошло? Ты закусывай, — посоветовал Клейн. Преодолевая спазм, он запил водку колючей минералкой, и не теряя времени на поиски вилки, руками выгнул из целлофана соленый огурец.

Оба закурили и стали смотреть на пустой бульвар. Небо уже затянулось вечерней своей пеленой без луны и звезд, и казалось, было выкрашенным в одинаковый цвет со свинцовыми урнами, фонтанирующими отходами дня.

— С Романовым мы на одном курсе учились, — нарушил тишину Клейн. — Отмороженный тип, на получение диплома пришел в тельняшке. Представляешь? Ректор был в шоке. А в банк его взяли, потому что у него английский в совершенстве. Так бы хрен, — Клейн икнул. — Только зачем ему английский на гамма-уровне? Его, кстати, недавно жена бросила. Уехала в Штаты.

— А что значит — «за медитацию уволили?» — спросил Алимов.

— Говорю тебе, он сонный какой-то. Я еще в университете заметил. Сидит на лекции и вроде бы спит, приглядишься — конспектирует. Когда Вера уехала, совсем потерянным стал. Ну и заходит, значит, в операционный зал наш новый доминирующий.

— Алексей Николаевич?

— Ну да. Наш новый доминирующий самец. И видит такую картину: сидит гамма Романов на рабочем месте, с закрытыми глазами. Он его спрашивает: «Романов, вам плохо?» — А этот, не открывая глаз: «Мне — хорошо». Ну и уволили его через полчаса. Вообще-то, был обеденный перерыв. И если бы Романов открыл глаза, ничего бы не случилось. Но он же не объяснил ничего, доминирующий в шоке был. Я считаю, что если человек отмороженный, то это все, гаси свет, — продолжал Клейн, — никогда не знаешь чего от него ждать. Вот он позвонил только что и попросил пятьсот рублей. Человек без работы, чем отдавать будет? — пьяный Клейн звучал все громче, и Алимов оглянулся по сторонам. Бульвар оставался насквозь пустым.

— Салют, — послышалось из-за спины.

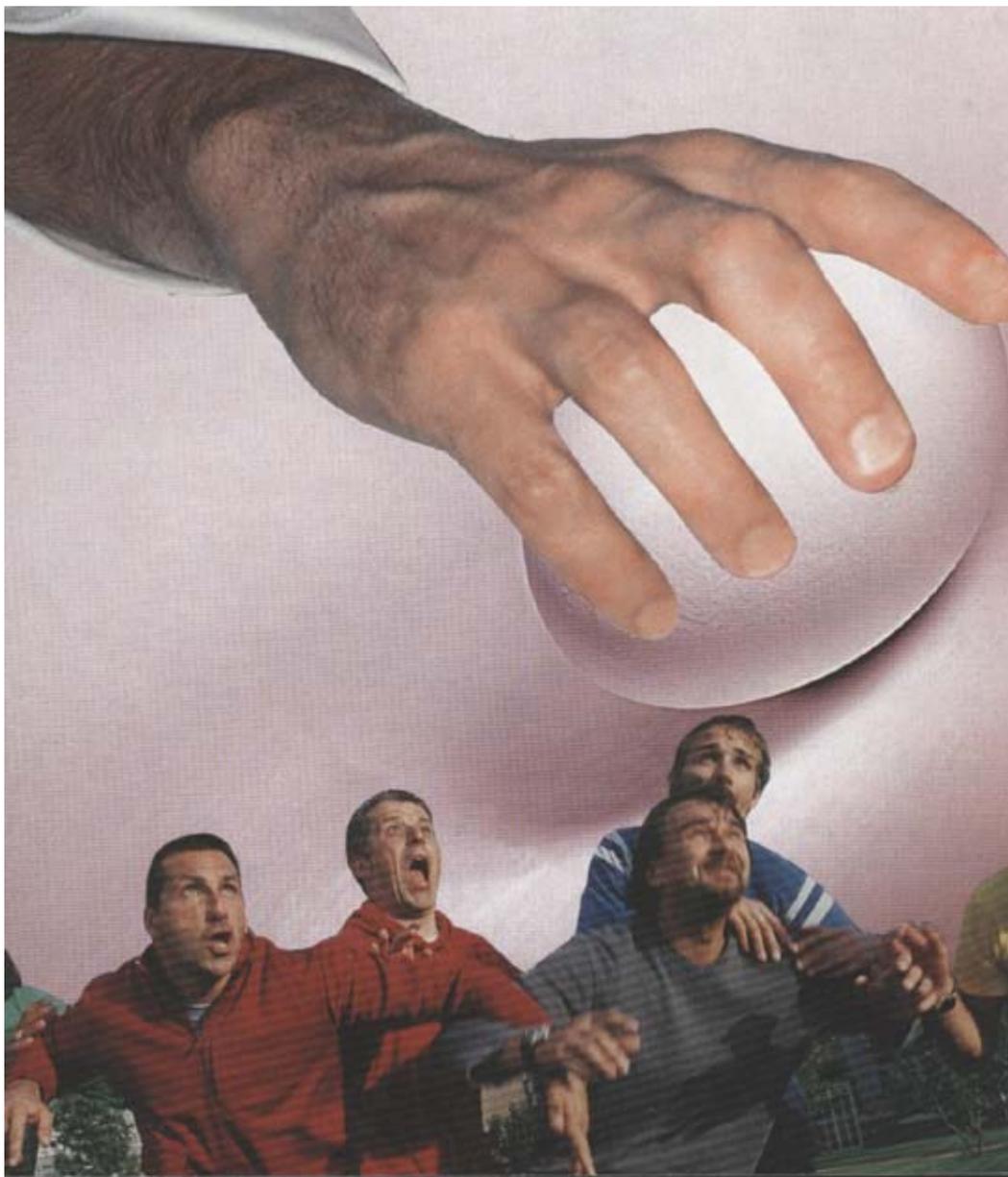
Клейн издал звуки, необходимые для приветствия, и Алимов тоже пожал руку высокому светловолосому субъекту, при ближайшем рассмотрении оказавшемуся уволенным за медитацию Арсением Романовым.

— Вот, держи, — Клейн протянул Арсению три сотенные бумажки и стакан водки. — Извини, никак не получается наливать понемногу. Ты работу нашел?

— Нет еще.

— А ищешь?

— Нет еще, — Романов выпил, взял вилку и стал внимательно выклеивать микроскопические остатки спаржи.

Любой олигарх, жертвуя крупную сумму на благотворительность, не сомневается, что деньги будут украдены.

— Что собираешься делать? — заботливо спросил Алимов.

— Я книгу написал.

— Молодец! — Клейн подмигнул Алимову. — И как будет называться? — Название — это самое главное.

— Пока не знаю. Может быть, «Хакер кармы». Или — «Хакеры Третьего Рейха».

— У нас не издадут с таким названием, — поморщился Клейн. — О чем хоть книга?

— О случайных совпадениях. О том, что некоторые случайности — это знаки, а некоторые — обычное стечение обстоятельств. И как отличить одни от других.

— И как же?

— Там целая система, — неохотно ответил Арсений. — Даже не система, а игра. Долго рассказывать. Четырежды в сутки надо фиксировать самое сильное впечатление и синхронизировать его с данными других людей.

— Ну, ты загнул, — похвалил Клейн. — А дальше?

— Дальше описывается путешествие спецслужб в Гималаи. Неизвестные факты истории, но сюжет основан на реальных событиях — меня один знакомый консультирует. Например, он рассказал такой реальный случай, имевший место в самом начале войны. В Москве уничтожали архивы. Враги на окраинах города, настроение у всех соответствующее. И вот рано утром, как обычно, люди слышат по радиоточке вместо сводки новостей — от первой ноты до последней «Полет Валькирии». Идеологическая диверсия. Первый известный в истории случай взлома сети.

— Это что — реальный факт? — недоверчиво спросил Клейн. — Или это у твоего соседа Вагнер в голове заиграл?

— Слушай, а кому все это нужно? — поинтересовался Алимов. — Ну, в смысле — война. Кто станет это читать? Ветераны? Так их почти и не осталось.

— Зависит от того, как написано, — ответил Романов. — И вообще — есть произведения, которые начинают читать лет через сто.

— Я знаю, что будут читать через сто лет, — объявил Клейн. — Только такие книги, где все происходит зимой. Или в вечной мерзлоте. Короче, где снег описывается, морозы... Из-за глобального потепления станет так жарко, что теплые образы будут вызывать чувство отвращения. Но это еще не скоро, пока можно хоть о чем. Вот вы читали последнего Беляшова?

— Нет, не читал, — Арсений рассеянно смотрел перед собой. — Не купил еще.

— Это который последний? — отозвался Алимов. — «Шантаж»? Я купил. На тумбочке лежит у кровати. Так, пролистал. Может, и читать не стану. Какой-то детектив, даже на Беляшова и не похоже.

— Не детектив. То есть, сюжет там, может, и детективный: журналист шантажирует миллиардера и собирает на него досье, начиная с детского сада. Только не темные факты биографии — компромата и так полный Интернет, а наоборот. Благородные поступки, помощь инвалидам, забота о близких, честная уплата налогов, вообще все. Вплоть до того как миллиардер макулатуру в школе собирал. Сначала он пытается убить журналиста, а когда не получается, выплачивает десять лямов зеленых, потому что воспоминания о собственной человечности мешают ему работать. И вообще — жить.

— Почему? — спросил Алимов.

— Ну, представь себе. У тебя в кармане сто баксов.

— Легко, — сказал Алимов. — Даже и представлять не надо.

— Идешь ты по улице, и видишь, что умирает от голода ребенок. Потратишь пятерку? Купишь ему поесть? Купишь. И не потому, что ты такой хороший, а потому что ты человек. Теперь вообрази, что идешь ты дальше, и видишь бездомную семью. Проявишь человечность? Дашь им пятьдесят тысяч баксов на домик в сельской местности? Не дашь. Почему?

— Потому что у меня стольник в кармане... без пяти.

— А если у тебя в кармане миллион долларов?

— С какой радости я должен им домик покупать? Пусть сами заработают.

— Правильно. Пятеркой из сотни ты легко поделишься, а пятьдесят тысяч из миллиона — зажмешь. Хотя и то, и другое — пять процентов от имеющейся у тебя суммы. Вот и получается — чем больше у тебя денег, тем меньше в тебе человечности.

Смакуя общее внимание, Клейн долго прикуривал сигарету. Выдержав паузу и насладившись растерянным взглядом Алимова, он продолжил:

— Теперь слушаем внимательно. Предположим, что ты мультимиллиардер. У тебя есть доступ к реальной информации. В том числе ты можешь узнать, сколько детей прямо сейчас умирает от войны, голода и болезней. Но можешь ли ты проявить человечность и помочь им? Нет! Потому что твой ум, привыкший к оперированию большими числами, подскажет тебе, что из сотен миллионов ты способен помочь только малой процентной доле. Незначительной.

— Ну, не знаю, — вздохнул Алимов. — Мне кажется, миллиардерам ничто человеческое не чуждо. Вон, конверты с белым порошком им присылают. И мировые проблемы они пытаются хоть как-то решать. Благотворительность, например...

— Пытаются, — Клейн вдохновлено прикурил одну сигарету от другой. — Сейчас расскажу. Во-первых, эти конверты сейчас всем шлют. Второе. Любой олигарх, жертвуя крупную сумму на благотворительность, не сомневается, что деньги будут украдены. Либо сразу, либо на том этапе, когда за эти деньги начнут что-либо покупать. Потому что он прекрасно знает, что в цене любого товара заложена спекулятивная составляющая.

— Это называется «прибыль». Из нее налоги платятся. И зарплаты учителям.

— Верно. Только прибыль составляет девяносто процентов цены. Долго объяснять не хочу, скучно это все. Главная причина в том, что одна и та же вещь в одном и том же месте одновременно стоит и десятку, и сотню, и миллион. Все зависит от того, сколько за нее готовы платить.

— Какая вещь?

— Да любая, даже никому не нужная, хоть слоновье говно. Казалось бы, в зоопарке оно просто так лежит. Но приди мы завтра и попроси у сторожа — он ответит «без проблем, сейчас соберу, десять рублей кило». Уже не бесплатно.

— Спрос рождает предложение, ничего удивительного, — сказал Алимов.

— Допустим, сторожа мы не нашли и обратились к начальнику сектора млекопитающих, профессору такому-то. По-нашему, это где-то уровень бета-самца. Профессор просит вместо слова «говно» говорить «экскременты». Далее, он объясняет, чем именно африканские слоны отличаются от индийских: они более лопухие; но самое существенное отличие состоит в том, что африканские слоны не приручаются, а значит — сбор экскрементов затруднен. И решить вопрос он соглашается по цене сто рублей за килограмм.

— Я понимаю, к чему ты клонишь — посредники во всем виноваты.

— Слушай дальше. Представим, что профессора мы тоже не нашли и вышли на директора зоопарка. Так директор объявит нам цену уже по тысяче за килограмм.

— Проще найти сторожа и взять по десятке, — сделал вывод Арсений.

— Ошибаетесь, ребята. Проще как раз будет с директором. Во-первых, можно опять говорить «говно», он поймет. А во-вторых, заключаем с зоопарком ни к чему не обязывающий договор намерения на покупку партии экскрементов по цене тысяча рублей за килограмм с учетом НДС общим весом пять тонн с оплатой равными траншами в течение десяти лет. И берем килограмм двадцать бесплатно. На пробу. Директора это устраивает — он учитывает реализацию пяти тонн в качестве доходов будущих периодов, вписывает пять миллионов себе в баланс, берет под них кредит в банке и покупает в зоопарк еще парочку слонов. На всякий случай. Так вот, в результате нашей операции, двадцать килограмм, которые мы взяли у директора, и есть реальное говно. А пять миллионов — спекулятивная составляющая. Теперь дальше...

— Может быть, закроем тему? — Алимов только сейчас заметил, что на протяжении всего разговора о слонах он не сделал ни глотка.

— Я заканчиваю. Берем двадцать килограмм, красим в цвета флага прогрессивной африканской республики, ведущей борьбу с глобализацией. Рассылаем текст на французском языке, показываем объект в Венеции, и продаем благотворительному фонду миллионов за пять. Заметь, из одного и того же куса говна спекулятивная составляющая возникает как минимум дважды. А в благотворительном фонде...

— Ты, вроде, рассказывал о том, как миллиардеры мировые проблемы решают?

— Так я к этому и веду. По идее, решать проблемы они должны самым логичным способом. Если количество людей

сократить раз в сто, то остальных можно вполне обеспеченно трудоустроить. Как в твоей игре. Но сначала всех лишних — в лес.

Потом все смотрели в темное небо. Невероятно желтая луна вышла из-за облаков, осветив спинки дальних скамеек. Промчался шальной троллейбус, пьяный смех донесся на излете, и снова стало тихо. От выпитого на голодный желудок Романова слегка подташнивало.

«Настоящий джентльмен, — думал Арсений, — питается исключительно овсянкой без соли и сахара, чтобы при необходимости принимать любую гадость без последствий».

— Смотри, он опять... — шепнул Алимов. — Медитирует...

Арсений поднялся и, не оглядываясь, медленно побрел вниз по бульвару. Он прошел мимо ресторана «Ханжа» и пересек по диагонали пустую площадь.

— Эй! — крикнул Клейн ему вслед. — Когда деньги отдашь?

— Можешь тише себя вести? — попросил Алимов. — Люди вокруг.

— Не переживай. Это всего лишь слова! — глаза Клейна блеснули под очками. — Только незаписанные и неподписанные. От них ни толку, ни вреда, ни вообще каких-нибудь последствий быть не может. Вот послушай, — и Клейн громко произнес длинную несвязную фразу, состоящую, в основном, из нецензурных синонимов.

— Закурить не найдется?

К скамейке придвинулись две юркие тени. Лица незнакомцев были почти неразличимы в контражуре фонаря. Но вместо того, чтобы взять предложенную сигарету, первая тень сверкнула полуметровым ножом и приказала:

— Быстро деньги все сюда.

Вторая тень коротко и сильно ударила Клейна в живот. Бутылка упала со скамейки и разбилась.

— Тихо стоять, понял? — приказал Алимову крепыш в черной майке и опустил на голову согнувшегося Клейна веснушчатый кулак.

«Скоро это закончится», — думал Алимов, когда существо в бейсболке обыскивало его карманы. И действительно — спустя минуту тени растворились в темноте, напоследок повелев сидеть тихо. Некоторое время все так и сидели — тихо и бездумно.

— Блин... — подал голос Клейн. — Я аж протрезвел. Вот твари. Документы... Телефон... — Клейн то и дело шмыгал носом, подтягивая вишневые сосульки. — Господи, если ты есть! Почему ты такой гад?

Пронзительный свет ослепил Алимова и осветил скамейку.

— Добрый вечер, — сказала тень в камуфляже. — Документы предъявите.

За первой тенью вырисовались еще две с маленькими черными автоматами в руках. Клейн стал хлопать себя по нагрудному карману, размазывая кровь по рубашке. У Алимова задрожали руки.

— Только что были документы, но теперь... — стал оправдываться Клейн.

Проходя мимо магазина дамских аксессуаров, пьяный Романов отметил, что в светящейся зеленым, красным, желтым и голубым неоновой надписи «СУМКИ! ПЕРЧАТКИ И ЗОНТЫ!» перегорела и погасла третья буква в первом слове.

Глава 3

Команда «Гаммаруса». Совпалыч. Девушка из отдела симпатической связи.

Пять утра
за полчаса сменю маршрут
Дождь пройдет
когда меня не будет тут.
(David Bowie, “Angeles have gone”)

Еще в прошлом веке наука установила, что долгое пребывание в замкнутом помещении может вызывать галлюцинации. Поэтому, когда я услышал тихое пение, некоторое время предпочитал полагать его плодом собственного воображения. Но стоило прижать ухо к переборке, как музыка зазвучала громче и я смог разобрать слова:

Пять утра
Куда-то едут поезда
Мне пора
Сойти с маршрута навсегда

Несколько человек стройно подтянули припев, и стало понятно, что песня звучит не впервые.

Я никогда тебе не расскажу
Как и с чего я сегодня схожу

Пение сопровождалось аккомпанементом нежного гитарного перебора и мягким барабанным ритмом. Мелодии припева вторил какой-то духовой инструмент, возможно кларнет или флейта.

Пять утра
Мой ангел едет в Никуда
Я солгу
Что буду ждать его всегда
Так всю жизнь
То годы вверх, то годы вниз
В пять утра
Сойду с маршрута навсегда

Неизвестный исполнитель еще перебирал струны, но все тише повторялась незатейливая гармония: ля-минор, до-мажор, соль-мажор, ля-минор, до-мажор, соль-мажор... Наконец, музыка стихла, и за переборкой послышались голоса.

— Эх, Саблин, всю душу вымотал своими страданиями.

— Всеволод Абрамович, откуда у вас душа? Вы же комиссар!

Звонкий голос принадлежал исполнителю.

— Вот в том-то и дело, Саблин, что комиссар, — прозвучал ответ твердым, но доброжелательным тоном. — А ты такую непристойность в кубрике развел, «расскажу — схожу — сию, жу-жу-жу», — передразнил он.

— Рифму не смог найти? И потом, все эти ангелы, поезда, дожди — это разве для воина песня? Тьфу! Давай, другую спой, Саблин, а то пойдешь трюм от соляры отдраивать.

— Какую же другую? — голос исполнителя, казалось, дрожал от обиды.

— Да разве их мало народ сложил? Ну-ка, гони инструмент сюда.

— О, сейчас Абрамыч споет... — послышались радостные голоса. — Давайте, товарищ комиссар, покажите класс салагам!

— Сейчас, сейчас... — польщенный комиссар подстраивал гитару. — Что за мода на шестиструнке играть?

И струны зазвенели так громко, что всякая необходимость прижиматься ухом к переборке исчезла. К тому же, комиссар пел сильным и хорошо поставленным баритоном.

Я — волна под луной
Ты — луна над водой
И ничто
не удержит нас вместе
Дольше ночи одной
Только ночи одной
Мы будем с тобою
Ночью одной

Песня Абрамыча оказалась классическим танго. Я и сам не заметил, как принялся в такт шевелить пальцами ног, стараясь не выбиваться из ритма.

Ты устанешь так жить
Я стану пить или есть
И ничто
не удержит нас дольше
Ночи одной
Только ночи одной
Мы будем с тобою
Ночью одной

Вместе с последним аккордом за переборкой что-то сильно затрещало. Раздалось громкое шипение, а вслед за ним из динамиков раздался голос:

— По местам стоять, к всплытию! Приготовиться к продуву главного балласта!

Послышался топот десятков пар ног, спешащих донести свои тела до предусмотренных расписанием мест. Все делалось молча, и даже хлопок переборку чувствовалась выучка крепко спаянной дальними походами команды. Издалека донесся голос комиссара:

— К сведению команды! Девятнадцатого числа состоится общее собрание. На повестке дня два вопроса: международное положение и учение о карма-йоге. Также предлагаю третьим пунктом обсудить пиздострадание курсанта Саблина. Явка обязательна!

Покорнейше прошу прощения за то, что описание подводной лодки появится прежде разъяснения обстоятельств, благодаря которым я оказался на борту — слабеющая память все чаще решает за меня сама, транслируя воспоминания с неотвратимостью телевизора. Все, что я могу теперь — вовремя переключать программы, так и сейчас сделаю. Дважды я позволил себе заблуждаться вперед, и впредь обещаю придерживаться хронологии, но сейчас еще раз прошу меня извинить, тем более что речь идет о «Гаммарусе», самом удивительном корабле, который я когда-либо видел.

В Бомбее мне доводилось наблюдать английские субмарины, и даже бывать на некоторых по долгу службы. Возможно, со стороны «Гаммарус» тоже напоминал удлиненную утятницу, но во всем остальном он был другим. Прежде всего, бросались в глаза размеры: по палубе смогли бы в ряд проехать три грузовика.

Спустившись по винтовой лестнице с палубы внутрь, я был потрясен. Ожидая увидеть привычные километры электрических проводов и воздушных магистралей, облепленных тысячами измерительных приборов, я оказался в просторном холле, отделанном деревом и зеркалами. В центре холла стоял гигантский подсвеченный аквариум, населенный рыбами всевозможных цветов и размеров. На стенах висело множество фотографий, где были запечатлены члены экипажа, их семьи и даже домашние питомцы. Часть экспозиции занимали снимки из дальних походов: острова с нависающими над водой пальмами, пингвины и белые медведи, тропические бабочки, водопады, заливы, реки, горы, — все это вызвало желание скорее отправиться в путь.

Увиденные в дальнейшем интерьеры могли принадлежать салону первого класса роскошного пассажирского судна — коридоры были выстелены мягкими ковровыми дорожками, вдоль инкрустированных пробкой и деревом стен висели изящные светильники, в гигантской кают-компании было вдоволь места не только для желающих полистать книги и журналы, но и для любителей бильярда и пинг-понга. По субботам кают-компания легко превращалась в кинозал.

Постепенно я начал понимать причину, по которой Краснов настоял на моем подводном путешествии. Именно здесь я смог подготовиться к возложенной на меня ответственной миссии. Ну а теперь — обо всем по порядку.

Приступая к описанию того, что я увидел и узнал, я не сомневаюсь, что мой рассказ может показаться вымыслом. Впоследствии многие обвиняли Краснова в подтасовке фактов, так как больше никто не смог повторить его опыты с теми же результатами. Даже доброжелатели склонялись к мысли, что разработанная профессором система — всего лишь художественная метафора, за которой ученый предпочел утаить свое фундаментальное открытие. Что же, чистота эксперимента — это в принципе понятие относительное, тем более, когда речь идет об экспериментах над людьми.

Производя опыт, ни один ученый не может освободить его от факта собственного наблюдения. Таким образом, в числе условий, влияющих на конечный результат, будет и сам экспериментатор, и его намерения, и мысли, и сны. В конечном итоге мы видим не то, что наблюдаем, а лишь отражение, видоизмененное в линзах наших ожиданий, представлений и теорий. Впрочем, я не ставлю перед собой задачи убедить маловеров. Мой рассказ вовсе не посвящен открытию Краснова, в чем читатель сможет легко убедиться, когда прочтет книгу до конца.

Итак, первый день в Москве подарил мне радостную встречу с моим научным руководителем и наставником. Наконец я мог поделиться с Тремором радостями и печалью, а также предположениями и гипотезами относительно описанных выше опытов, в постановке которых имел честь ему ассистировать. Немного стесняло общество полковника Синичкина, внимательно слушающего каждое мое слово и время от времени делающего пометки в блокноте. Наконец, когда мой сбивчивый рассказ был закончен, бритоголовый Сергей Александрович вежливо попрощался и оставил нас с Красновым наедине.

— Дорогой Иван Иванович, — сказал профессор. — Я очень рад, что не ошибся, когда предложил именно вашу кандидатуру для выполнения задания. И мне до слез приятно видеть, что вы не забыли университетские развлечения. Однако спешу вам доложить — хотя поиски шли в правильном направлении, ответ мы искали не в том месте.

— Какое задание, Александр Романович? — я задал вопрос, затаив дыхание. — Это как-то связано с вашими работами?

— И да, и нет. Задание вы получите завтра от Синичкина. Но до этого момента мне необходимо кое-что вам объяснить и показать. И не только необходимо, но и совершенно не терпится это сделать. Ведь именно вы способны все оценить. Прошу за мной.

Мы прошли по уже знакомому коридору и свернули в один из примыкающих аппендиксов, который заканчивался тупиком. В торце этого тупика над дверью сиял красный фонарь четырехцветного светофора. Тремор вставил в щель рядом с дверью медный прямоугольник с хаотично просверленными отверстиями, и красный свет сменился голубым. Толстая овальная дверь с высоким, до колена, порогом открылась, и мы вошли в небольшое помещение, немногим просторнее того, в котором я провел сегодняшнюю ночь. Стены комнаты до самого верха занимали приборы с множеством светящихся датчиков, а в центре стоял белый роуль.

Наверное, когда я взглянул на профессора, мои глаза были совсем дикими, потому что он, предваряя многочисленные вопросы, сразу стал объяснять:

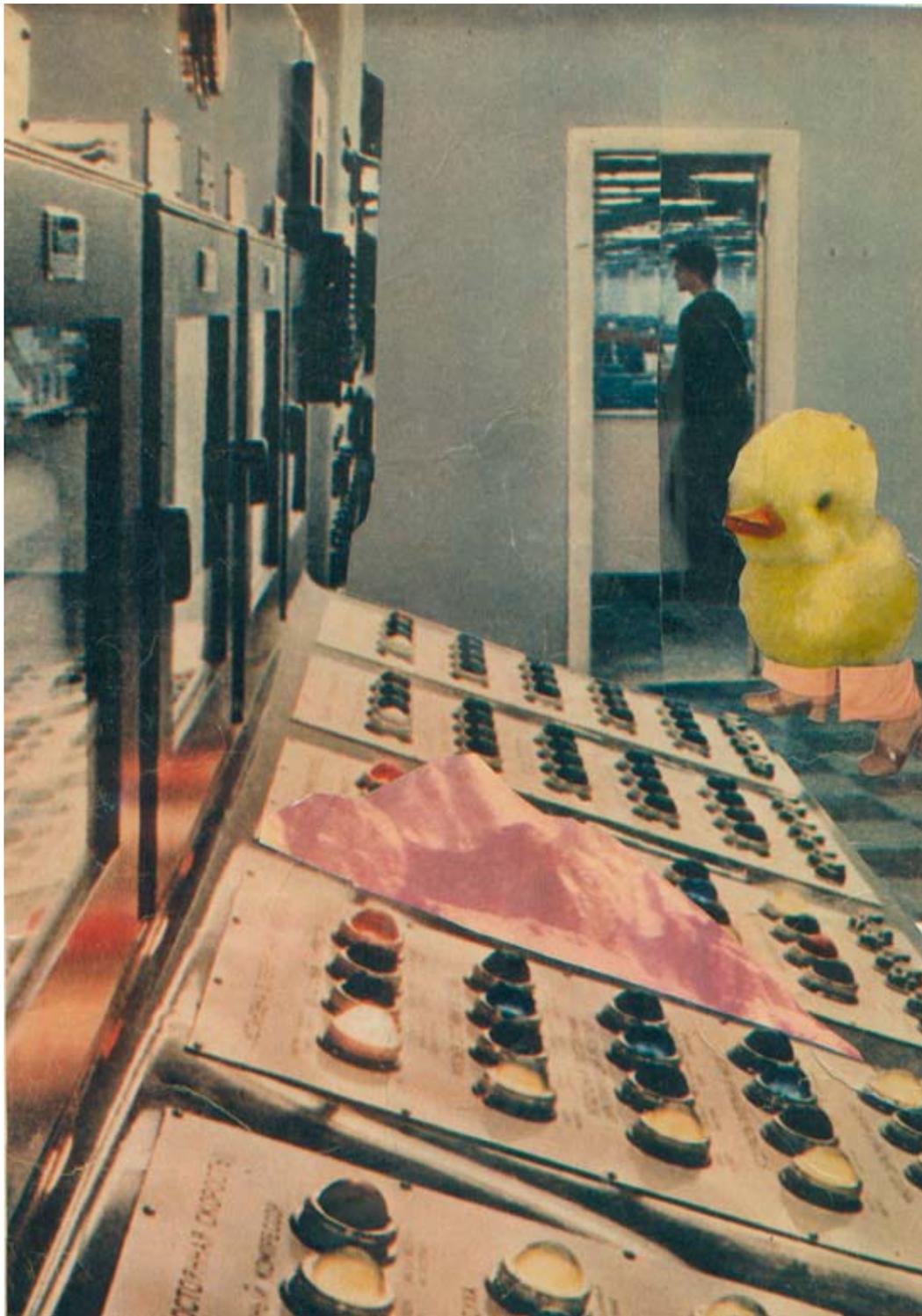
— Вы находитесь в центре управления. Сюда приходит информация из всех крупных городов нашей страны, а также сведения из-за рубежа. Здесь сообщения анализируются и обрабатываются. Помните наши университетские опыты? Мы были на правильном пути, но слишком увлеклись версией коллективной памяти. Это направление работы заморожено как не имеющее практического значения.

— Что же имеет значение?

— Система синхронизации случайных совпадений, кратко именуемая «совпалыч». В том, что мы, находясь в разных

местах, одновременно делали гимнастику Мюллера или пели «Дубинушку», таился путь к великому открытию. Но только сейчас удалось получить результат. Это может показаться смешным, но ключ к решению задачи дала именно граммофонная запись Шаляпина.

Как вы знаете, «Дубинушка» — моя любимая песня в репертуаре Федора Ивановича. И вот, прослушивая, возможно, в тысячный раз это гениальное произведение, я осознал очевидное. Известно, что артель бурлаков пела эту песню, когда тянула по реке баржу или судно. Одновременный припев «ухнем» помогал им делать совместное усилие, иначе груз не сдвинулся бы с места.

— Вы находитесь в центре управления. Сюда приходит информация из всех крупных городов нашей страны, а также сведения из-за рубежа. Здесь сообщения анализируются и обрабатываются

Таким образом, — Тремор перешел с дружеского тона на более привычный лекторский ритм, — за счет ключевого момента «ухнем», они синхронизировали свои действия. Это понятно.

Но никто никогда не пытался увидеть ситуацию наоборот. Если ключевой момент «ухнем» может определять простейшее действие, то и само действие определяет ключевой момент. Иными словами, в определенной системе координат и отношений становится неважно, что от чего зависит — бурлаки от «ухнем» или «ухнем» от бурлаков. Имеет значение лишь только точка их объединения, именно она позволяет перемещать баржу, то есть, влиять на материальный мир. Эта точка, где причина и следствие совпадают, называется «совпалыч» и является основным понятием системы

синхронизации. Это тоже, надеюсь, несложно понять. Далее. До сих пор мы рассматривали лишь простейшее действие — синхронную работу десятка бурлаков. Однако синхронные действия в мире одновременно совершает множество людей.

...в определенной системе координат и отношений становится неважно, что от чего зависит — бурлаки от «ухнем» или «ухнем» от бурлаков

— Делают гимнастику?

— Например. Но и гимнастика — это слишком просто. Десятки тысяч человек сейчас произносят слово «алло» в телефонную трубку. Сотни тысяч в данный момент курят папиросу. Миллионы одновременно просматривают одни и те же заголовки в утренней газете. Десятки миллионов человек в новогоднюю ночь держат в руке бокал с шампанским в момент с двадцати трех часов пятидесяти девяти минут пятидесяти девяти секунд до двадцати четырех часов ровно. И, наконец, три миллиарда человек сейчас делают вдох, а другие три миллиарда — выдох.

— Кажется, я понимаю. В момент «совпалыча», когда причина и следствие одинаково зависят друг от друга, их можно поменять местами.

— Именно так! Таким образом, речь идет об освоении границы иррационального. «Бог начинается там, где кончаются наши представления о Нем», — написал Аполлоний Ареопагит. В этом смысле, мы говорим сейчас о поиске Бога. Остальное — математические формулы и статистика. Честно сказать, практическое применение «совпалыча» мне не так интересно. Этим у нас занимается целый штат специалистов под руководством Синичкина. Я вам проведу экскурсию. Пойдемте.

— Профессор, еще один вопрос. Для чего здесь рояль? Вы трансформируете совпадения в звуковые колебания? Или

наоборот?

— Рояль? — Александр Романович подошел к инструменту. — Рояль — это для души.

И вдавив педаль в пол, профессор взял несколько аккордов знаменитой мелодии:

Эх, дубинушка, ухнем!

Эх, зеленая, сама пойдет, сама пойдет!

В течение последующих часов Тремор показал мне несколько отделов лаборатории и познакомил минимум с полусотней человек. Я был поражен тем, насколько широки возможности применения открытия Краснова.

Был здесь, например, отдел, занимавшийся массовыми изданиями — книгами, газетами и журналами. Специалисты отдела размещали в крупнотиражных «Известиях» кроссворд, состоящий исключительно из вопросов по механике, и вскоре на предприятиях отмечалось резкое повышение производительности. Вопросы по астрономии меняли интенсивность приливов и отливов. В отделе политической технологии изучалась взаимосвязь всех «да» сказанных по телефону и результатов выборов в Сенат Соединенных Штатов. Один из специалистов, с которым мне удалось немного пообщаться, работал над синхронизацией футбольных матчей и гигиены. «Чем больше они будут кричать «судью на мыло», тем чаще будут умываться», — гордо заявил он.

К завершению экскурсии голова моя гудела, как щепелин «Гинденбург», но я крепился. Из увиденного сильнее всего поразил отдел симпатической связи, в котором работало всего два человека — юная пара. Их комната не была похожа на все остальные, а скорее напоминала номер для новобрачных в гостинице Сурьяниана.

На окрашенных в цвет подгоревшего молока стенах висели несколько пейзажей известных мастеров, как мне показалось, подлинных. Пол был застелен дорогим ковром, на маленьком столике громоздились фрукты и сладости, а у стены возвышалась огромная кровать под полупрозрачным балдахинном, из-под которого выглянула едва одетая очаровательная девушка, а вслед за ней — симпатичный молодой человек. Юноша соскочил с кровати, поздоровался с нами и пригласил выпить чаю. Судя по голосу, ему было не больше двадцати лет. Девушка сверкнула глазами в мою сторону и стала громко выставлять на стол дополнительные чашки. Видно было, что эта пара находится в состоянии полной эйфории.

Сославшись на неотложные дела, мы отказались от угощения и покинули этот райский уголок.

— Полковник Синичкин обнаружил их всего месяц назад, — объяснил профессор. — Парочка целовалась на скамейке перед Большим театром, совершенно не обращая внимания на воздушную тревогу. Оказалось, что они всего третий день как знакомы. Мы предложили им работу и предоставили все необходимое. Как видите, они совершенно счастливы и, кажется, вылезают из постели, только чтобы выпить чаю.

— А в чем заключается их работа?

— Быть вместе. Мы не в силах найти этому математическое обоснование, но «совпалычи» влюбленной пары — это нечто особенное. Стоит им оказаться в разных комнатах, как в их головы начинают приходить одинаковые мысли и образы. Они разговаривают, смеются и плачут одновременно. Они дышат в унисон даже когда спят. И, судя по их отчетам, им все чаще снятся одинаковые сны.

— Остается лишь позавидовать, — я вспомнил ослепительную щиколотку колена рыжей Кирхен и вздохнул. — Это рай на земле.

— Не спешите никому завидовать, — Краснов, кажется, угадал мое настроение. — Особенно здесь. Очень скоро начнется второй этап эксперимента. Им придется надолго расстаться. Вероятно, навсегда.

— Жалко.

— Эта пара на многое способна. Два юных любящих сердца стоят целой армии.

— ?

— Этот юноша окажется через месяц в одной из европейских столиц и сведения, которые он достанет, будут важными.

— А она?

— Останется здесь, чтобы принимать его информацию. После стадии одинаковых снов данные обычно поступают без помех. И пока они будут настроены друг на друга, они не встретятся. Даже после войны.

— Они знают о том, что их ждет?

— Конечно. Я ведь сказал — они не только смеются, но и плачут одновременно.

На следующий день меня вызвал Синичкин — как выяснилось, его кабинет находился на верхнем ярусе лаборатории. Дверь туда открывалась из главного входа с турникетом, где обычно в учреждениях размещаются вахтерские, которые раньше назывались швейцарскими комнатами. Там полковник угостил меня крепким чаем, и, не откладывая в долгий ящик, приступил к делу.

— Все, что я имею право вам сейчас сказать — ваша миссия может значительно приблизить конец войны и сэкономит жизни миллионов человек. Есть еще вопросы?

— Что я должен делать?

— Пока что только вернуться в Бомбей. Завтра вы в одиннадцать-тридцать вылетаете в Ленинград. А из Кронштадта поплывете на подводной лодке. Перед тем, как сойдете на берег в Арамболе, капитан лодки Беспрозванный даст вам окончательные инструкции.

— Но не быстрее ли в Индию на самолете?

— Я тоже так считаю, — нахмурился полковник. — Но профессор Краснов настоял, чтобы вас доставили именно таким путем. Ему виднее.

— Сергей Александрович, — я все же позволил себе задать еще один вопрос. — Почему я?

— Стечение ряда обстоятельств. Во-первых, мы не выпускаем из вида никого из участников ранних экспериментов Краснова. Но главное — сам профессор вас рекомендовал, еще в школе. Поэтому вас и направили в университет, и распределили в Бомбей. Нам был необходим человек в Индии. Желаю удачи.

Прощаясь на аэродроме, Александр Романович крепко пожал мою руку.

— Привет капитану Беспрозванному. И вот еще, просили вам передать. Я разжал пальцы. На ладони поблескивали два серебряных ворона, соединившие концы крыльев.

— Это от девушки из отдела симпатической связи, — сказал он. — На счастье.

Глава 4

Барсонофьевский. Вера. Явление Иваныча.

Ангел без рекомендации — хуже чорта.
(Московская поговорка)

В пятницу около полудня на колокольне Малинового монастыря ударил колокол. С полузакрытыми глазами, Арсений прошлепал сквозь огромную квартиру босиком в столовую, потоптался по холодному полу, щелкнул кнопкой электрочайника и угас в кресле. От вчерашней водки еще кружилась голова, но скоро организм ожил и захотел пить, есть и курить. Триста рублей, полученные у Клейна, лежали рядом с доверху забитой пепельницей и пустой пачкой от сигарет. Супермаркет «Шорты. Шторы. Шпроты» находился за углом и работал круглосуточно.

— Сахар, молоко и сигареты, — подсчитывал Арсений, выходя из квартиры. — Это сто пятьдесят. И еще сто пятьдесят — чай для Иваныча.

Возле дома, как жаба на бережок, выбрался на тротуар пухлый фиолетовый автомобиль с темными стеклами, рядом с которым стоял сам Алексей Николаевич Дамианский, один из трех доминирующих самцов «Царь-банка».

— Здравствуйте, Романов, — Дамианский протянул руку. — Вы разве в отпуске? Или больничный взяли?

— Я, собственно, уволился неделю назад, — удивился Романов. — Вы сами ведь сказали заявление писать.

— Вот и правильно, что уволились, — сказал Дамианский. — У нас к вам предложение. Готовы обсудить?

— Наверное, — ответил Арсений. Чувство голода исчезло. — «Чего он хочет, интересно?», — подумал, глядя на галстук доминирующего.

— Хочу предложить участвовать в проекте, который, возможно, вас заинтересует, — как бы подслушав его мысли, сказал Алексей Николаевич. — Садитесь в машину, поговорим по дороге, — добавил он тоном, не терпящим ни возражений, ни дальнейшего промедления.

Вопреки обещанию поговорить, ехали молча. За окном мелькнула Сталинградская арка проспекта Роммеля. Широкоплечий водитель ловко маневрировал, пока не вырулил на шоссе, где прибавил скорости. Доминирующий отдавал по телефону распоряжения, и Арсению показалось, что о нем, клюющим носом на кожаных подушках заднего сидения, забыли. Неожиданный хохот вывел его из рассеянного состояния и заставил прислушаться.

— Клейн и Алимов? Как они сами это объясняют? Как «еще не видел»? — голос Дамианского стал серьезным и угрожающим. — Так выясни и сообщи. Идиотизм! — последнее было обращено к сидящим в машине. — Представляете, сотрудники нашего банка Алимов и Клейн этой ночью задержаны по подозрению в совершении квартирной кражи. Как вам это нравится?

Между тем, проехали дачный поселок, свернули на грунтовую дорогу и долго пробирались вдоль леса. Скоро машина остановилась перед железобетонной стеной, окруженной обвисшей колючей проволокой. «Похоже на остатки завода», — подумал Арсений.

— Скажите, — обратился к нему доминирующий, — как вы отнесетесь, если мы предложим вам здесь поработать?

— Здесь? — пожегся Арсений. — На этом заводе? Разве он еще действует?

— Вы же его видите, — сказал доминирующий. — Значит, действует. Смотри здесь, — строго приказал он водителю. — В случае чего — сам знаешь.

Водитель кивнул.

— Это не завод, — Дамианский быстро шел по едва заметной тропинке вдоль обвисших гирлянд колючей проволоки. — Когда-то здесь была военная часть. Совершенно секретный объект. Даже через шестьдесят лет стоило большого труда и невероятных денег, чтобы его купить. Ага, вот здесь... — он толкнул ногой покосившийся столбик с затертым номером. Один ржавый пролет рухнул, и доминирующий с неожиданной ловкостью пошел по лежащей проволоке, балансируя руками. — Кроме официально выплаченной балансовой стоимости, — ищущим сочувствия голосом продолжил он, — пришлось потратить на взятки...

Арсений не вслушивался и тащился следом, чувствуя, как под резиновыми подошвами пружинит густая сетка. Вскоре показалась свежая щель в стене. Протиснувшись вслед за удивительно подвижным Дамианским, он оказался внутри поросшего травой бетонного периметра, над которым со всех сторон нависал густой лес. Небольшое здание в центре было единственным строением среди кустов и ржавеющих развалин. Прямо под ногами юркнула и скрылась в траве изумрудная ящерица.

— По поводу денег. Что скажете, если мы предложим... — доминирующий профессионально сделал паузу... — порядка пяти тысяч долларов в неделю.

Арсений молчал. Теперь голова кружилась не с похмелья, а от аромата трав, в разнообразии населявших территорию завода.

— Хорошо. Можете дать ответ, когда узнаете, что именно вам придется делать, — по-своему оценил его молчание Алексей Николаевич. — Что же, сейчас узнаете. Все, пришли.

При ближайшем рассмотрении серое здание оказалось еще приземистее: крыша начиналась на высоте поднятой руки. Удивительно толстая овальная дверь с высоким, до колена, порогом была приоткрыта. Небольших размеров помещение, заставленное металлическими шкапами, бочками с песком и железной рухлядью, освещалось только за счет солнечных лучей, проникавших сквозь решетки под потолком. С облупившихся стен свисали провода, а дальний угол заполнила откровенная свалка с битым стеклом, истлевшими ватниками и уже непонятно чем. Сюрреалистическую картину дополнял растрескавшийся рояль. Судя по многочисленным пустым пузырькам под ногами, помещение относилось к разряду тех самых неопределенных мест жительства, дающих приют отверженным и беспаспортным.

— Толщина стен позволяет выдержать прямой ядерный удар, — гордо произнес Алексей Николаевич. — Надеюсь, до этого не дойдет. Не обращайтесь внимания, — кивнул он на мусор. — Место охраняется не хуже, чем космодром в Плесецке. Чужие сюда не попадают. Все это, — доминирующий наступил на флакон из-под одеколона, — для маскировки. Кстати, если встретите здесь божжей, знайте, что все они в звании не ниже майора. Опытнейшие сотрудники. А теперь прошу внимательно меня выслушать, — очень серьезным тоном сказал Дамианский. — Перед вами, Романов, открываются

бескрайние перспективы, по сравнению с которыми пятерка в неделю — не более чем условность. Так сказать, проявление доброй воли с нашей стороны. Прошу взглянуть сюда. Что вы видите?

Он указал на большой железный ящик, встроенный в стену. Внешне ящик был похож на огромный сейф, только без всяких признаков двери. Никаких обозначений, букв или ярлыков Арсений не заметил. Справа на уровне глаз из ящика торчала длинная ручка, похожая на рубильник.

— Это... что-то для энергоснабжения, — попытался догадаться Романов. — Электроцит какой-нибудь...

— Черта с два — электроцит, — весело заявил Дамианский. — Если честно, нам до сих пор неизвестно что это, — признался он. — Непонятен сам принцип работы этого аппарата. Вскрыть его не удалось. Собственно, я уже перехожу к делу. Запоминайте. Один раз в день нужно приезжать сюда, чтобы потянуть эту ручку. Только один раз. И все. Больше ничего не требуется.

— Алексей Николаевич, можно задать один вопрос? — Арсений подошел к ящику вплотную и погладил его холодную поверхность.

— Сколько угодно вопросов. Вы хотите знать — для чего все это?

— Да, — сказал Арсений. — Что это за ящик?

— Дело в том, что об этом ящике (кстати, мы его так и называем) известно немного. Как я говорил, непонятен сам принцип его действия. Более того, мы не можем предугадать результат его работы. Известно только одно. Если потянуть за ручку, что-то происходит. Что-то обязательно где-то случается. Но что и где — предугадать нельзя. Все, что имею право рассказать. Теперь тяните ручку.

Романов подошел к ящику и взялся за рубильник. Краем глаза он успел заметить, что Дамианский сделал несколько шагов назад. Арсению показалось, что пение птиц снаружи, шум ветра и стрекотание насекомых разом прекратились. Тишину нарушали потрескивание мелкого мусора под ногами и громкое сопение Дамианского.

— Поехали, — неожиданно для себя произнес Арсений и слегка потянул рубильник, поддавшийся удивительно мягко, как ручка переключения передач в новеньком автомобиле. Ящик издал тончайший свист и мелко завибрировал. Свист становился громче с каждой секундой.

— Это все? — спросил Арсений и оглянулся.

Дамианский исчез. Вместе с ним растаяло в подступившей темноте и само помещение, и все что его окружало. Еще через секунду Арсений оказался на небольшой сцене, подсвеченной разноцветной рампой. Вместо футболки, джинсов и сандалий он был одет в серый пиджак с тонкой полоской, шею нежно сжимал шелковый галстук, а на ногах сверкали черные ботинки.

Попривыкнув к свету прожекторов, Арсений разглядел зрителей, и понял, что все чего-то ждут. Свист нарастал, вибрировал и срывался в неуловимые ухом пронзительные диапазоны. Ощущение страха стало сладким и липким.

— Алексей Николаевич! — крикнул Арсений, но вместо этого из его груди вынырнули слова песни:

Five — fifteen
I'm changing trains...

Зрители пришли в оживление и зашевелились. Свист сменился мягким электронным аккомпанементом, и Арсений дошел куплет до конца. Мелодия была грустной и смутно знакомой. Что-то заставляло его петь эту песню, перебрасывать микрофон из руки в руку, вскидывать вверх растопыренную ладонь, пятиться назад, перемещаться влево и вправо.

Сидящие в первых рядах мужчины в строгих черных одеждах и дамы в вечерних платьях виделись не то чтобы смутно, но непривычно, как сквозь замочную скважину или полуприкрытые веки. Прищурившись, Арсений понял, что может видеть только одним глазом. Второй — не отсутствовал, но и не видел. В нем отражались лишь смутные тени, по краю плясали рваные блики и мерцали цветные огоньки, не имеющие никакого отношения к происходящему в зале. Арсений осторожно тронул этот глаз пальцем и почувствовал холод протеза. От прикосновения отблески сразу завертелись быстрее, и Арсений отдернул руку. Снова стало очень страшно.

— Алексей Николаевич! — закричал Арсений.

— Отпустите рычаг, скорее, — откуда-то из-под сцены послышался далекий голос Дамианского. Арсений ощутил холод рубильника, разжал пальцы и проснулся. Колокол Малинового монастыря ударил в последний раз.

В комнату врывались бравые ритмы Стардастера, чей диск с честным названием «Лучшее», как всем известно, разошелся шестимиллиардным тиражом и был признан иридиевым. Соседи слушали диск с утра до вечера, и это никому не мешало, так как название полностью соответствовало содержанию.

Свой сон о странном ящике Арсений не запомнил.

Припоминая вчерашний разговор о литературе, Арсений задумался о названии книги. «Хакеры третьего рейха» отражало суть, но создавало большую вероятность проблем с публикацией в силу причин понятных и простительных. Название «Хакер кармы» казалось слишком нарочитым, и к тому же с эзотерическим душком. Эзотерику Романов не любил, не без оснований предполагая в этой области большое число мистификаций. Иваныч советовал найти что-то лаконичное, но что именно, не сказал, и Арсений решил пока что об этом не думать. Триста рублей, взятые вчера у Клейна, лежали рядом с ключами от квартиры, чистой пепельницей и пустой пачкой от сигарет.

— Хлеб и сигареты, — рассудил Арсений. — Даже две пачки сигарет. Главное — чай для Иваныча.

На площадке висел легкий запах духов, круживший голову и натошак сводящий желудок.

По возвращении из магазина Романов заварил чай прямо в чашке и выхлебал его, заедая свежим лавашем. После он включил ноутбук и стал быстро печатать, сверяясь с записями в тетрадке. Через час он встал и отошел от стола. Лежа на диване, Арсений стряхивал пепел сигареты на древний паркет и сопротивлялся подкатывающим мыслям об уехавшей Вере. Он прокручивал в памяти все сказанное во время последнего телефонного разговора. Затянутый bestолковыми паузами, этот звонок не принес никаких результатов. Произнесенные слова, мгновенно пересекая тысячи километров, как будто встречали на дне океана облака ядовитых микроорганизмов и, отравленные ими, доходили до той стороны в совершенно измененном виде.

Когда они жили вместе, жена предпочитала описывать родственникам в Штатах придуманную жизнь, обеспеченную и

сытую. Каждые полгода она повышала Арсения в должности, с гордостью рассказывала о приобретении посудомоечной машины и планах покупки собственной квартиры в одном из кривых московских переулков. В действительности же все было совсем не так. Недавно пришедшие в банк дельта-самцы быстро обходили его по служебной лестнице, обзаводились связями и много зарабатывали. Два месяца назад Вера отправилась в Лос-Анджелес проведать маму и не вернулась. Арсений поначалу звонил ей каждый день, слова Веры становились все суше, все реже можно было застать ее дома, и в мамином голосе все чаще слышалась смесь раздражения и жалости. Когда Вера брала трубку, она уходила от прямых ответов и старалась поскорее закончить разговор. Романов звонил отовсюду: из дома, с работы, из гостей, — в последнем случае не предупреждая хозяев о перспективе получения крупных счетов за телефон. Потом квартиру снимать стало не на что, с работы Арсения уволили, друзья оплатили его счета и закрыли перед ним двери своих домов.

...с гордостью рассказывала о приобретении посудомоечной машины и планах покупки собственной квартиры в одном из кривых московских переулков. В действительности же все было совсем не так.

Пришедшая сама собой идея написать книгу поначалу выглядела изящным и простым выходом из тупика. Просидев сутки над первой фразой и едва не лишившись рассудка, Арсений стал записывать все, что приходило в голову. Утром следующего дня он перечитывал написанное, ужасался нелепым строчкам и удалял все до последней запятой. За недолгое время первая страница перенесла насколько ледниковых периодов, стиравших с ее лица очередную текстовую жизнедеятельность, и осталась практически пустой. Все изменил переезд в новую квартиру.

Вообще-то, квартира была не очень новой, а еще точнее — даже не была квартирой. Комната в расселенном доме, окруженном строительными лесами, — вот и все, на что Арсений истратил остатки выходного пособия. Новое жилище

обладало рядом значительных недостатков и примерно таким же числом несомненных достоинств. Во-первых, комнаты сдавались очень дешево. Во-вторых, дом находился в самом центре Москвы — Варсонофьевском переулке, короткой черточкой-тире соединяющем улицы Малую Лубянку и Рождественку. В-третьих, комната была просторной, а высокие потолки и большие окна мирило Романова со всеми неудобствами, которыми чревато полулегальное проживание в центре Москвы. В-четвертых, в квартире был телефон, с которого можно было звонить Вере бесплатно, потому что по всем реестрам в расселенной квартире уже никто не жил.

Незаконная жизнь доходного дома, построенного сто лет назад купцом первой гильдии Серафимом Гренкиным, началась с того момента, когда Миле Макаровой, супруге доцента Краснова — ответственного квартиросъемщика единственной нерасселенной квартиры в доме — пришла в голову гениальная идея обогащения за счет только что оставленных соседями сотен квадратных метров. Она распространила информацию по личным каналам, и через день в квартиры въезжали новые жильцы. Часть из них вскоре выезжала обратно из-за отсутствия в доме горячей воды. Прочие предпочитали принимать душ у знакомых или не принимали его вовсе. Со временем деятельная Мила договорилась о включении электроэнергии, и дом встрепенулся, словно старый инфарктник, получивший разряд в отделении интенсивной терапии.

Основная забота самопровозглашенного управдома теперь заключалась в том, чтобы дом на Варсонофьевском казался пустым и непригодным для жизни. Для этого Мила старательно сеяла хаос, разбрасывая на площадках поломанную мебель и строя баррикады из пустых коробок и газетного мусора. За ней послушно ходил беглый шахтер Кайло и периодически сбивал топором со стен древнюю вязь. Осколки мраморной лепнины Кайло расшаркивал ногами по углам или сбрасывал в лестничный пролет. Вечером он обходил все комнаты и проверял, хорошо ли натянута светомаскировка на окнах.

Владея единственной приватизированной квартирой в доме, Мила активно судилась с властями, требуя за свое выселение невозможно крупные компенсации. В незабвенном советском прошлом ответственный работник Комитета борьбы за мир, она вела войну по технологиям боевых марксистских отрядов Латинской Америки, не гнушаясь дополнять партизанские действия актами коррупции, политического шантажа и массовой пропагандой. Считалось, что старинное здание в стиле русский модерн должно было продержаться в нынешнем своем статусе еще полгода, а дальше шесть месяцев никто из его нелегальных жителей в будущее не заглядывал.

Иерархия квартир была строго вертикальной. На верхнем, пятом этаже, где находилась бескрайняя квартира предприимчивой Милы, площадку украшал фикус в треснувшей кадке, на окнах сохранились дореволюционные витражи, и дверные ручки отсвечивали нечищенной медью. Кроме самой Милы и доцента Краснова, здесь жили кухарка Таня, ее жених — крепкий шахтер Кайло, детский писатель Журавлев, а также дальний родственник Милы по сестринской линии художник Барбакару. Весь четвертый этаж занимали две огромные коммуналки, отданные под съемочную площадку малоизвестному режиссеру. Творческая группа не торопилась завозить декорации и ставить свет, занимаясь таинственными «пробами». Здесь всегда было тихо.

Недра третьего этажа, в зависимости от колебаний платежеспособности и времени суток, могли вмещать от двадцати до пятидесяти человек. Жильцы представляли собой, в основном, студентов близлежащего архитектурного института, а также их друзей или друзей их друзей. Пьянствующий детский писатель Журавлев, вселившийся одним из первых, сказал однажды, что баланс постоянно живущих на третьем этаже и временно ночующих равен соотношению провожающих и отъезжающих на Киевском вокзале в дни школьных каникул. А студентки третьего курса — художницы Ниточка и Пипеточка — утверждали, что такого количества типажей для эскизов не найти даже на переполненном футбольном стадионе. Романов же не замечал почти никого, подавленный кризисом семейной жизни. Витражей на площадке третьего этажа не было, а вот медные ручки здесь еще сохранились.

Одну комнату второго этажа занимали шесть украинских строителей, остальные пустовали. Именно до этого уровня находили в себе силы подняться коррумпированные и запуганные Милой комиссии, чтобы в новом акте засвидетельствовать свершившуюся пустоту дома.

Первого этажа не было: лестница сползала в объятия огромных размеров холла. На потрескавшемся потолке виднелись следы гигантской люстры, некогда освещавшей визитеров доходного дома. Теперь же боковая дверь в маленькую швейцарскую комнату была заколочена досками, а из подвала крепко тянуло запахом крысиного царства.

Арсений поселился на третьем этаже. Через пару дней ему стало казаться, что он прожил в этой комнате всю жизнь, а еще через пару дней появился Иваныч.

Произошло это так. Романов сидел за ноутбуком и пытался исправить неблагозвучное седьмое предложение. Всего предложений в романе было восемь, и дальнейшее развитие сюжета представляло загадку: писать было не сложно, но совершенно не о чем. Он взглянул в потолок и напечатал девятое предложение: «Стены в старых обоях восходили к потолку, словно квадратное, синее в полосу солнце». Время тонкой травинкой клонилось к горизонтالي пятнадцати ноль-ноль — в банке он как раз в эту пору делал небольшой перерыв, чтобы выпить кофе и съесть круассан с крыжовником. Зажав под мышкой полбатона белого и сунув в карман халата остаток пошехонского сыра и пачку сливочного масла, Арсений отправился навстречу судьбе.

На кухне сидел старичок в трикотажном спортивном костюме и потягивал чай из блюдца. На столе перед ним лежали на белоснежном платке серый хлеб и тончайшими дольками нарезанный шоколадный батончик. Обратив внимание на вошедшего Арсения, старичок отставил блюдце и отрекомендовался.

— Здравствуйте, молодой человек. Меня зовут Иван Иванович Харламов, к вашим услугам. Для краткости — можно Иваныч.

— Арсений... э... Александрович. Романов, — произнес опешивший Арсений. — Приятного аппетита.

— Благодарю, — вежливо ответил Иван Иванович. — Угощайтесь на здоровье. Вы, собственно, какими судьбами?

— Я здесь живу, — сказал Арсений, и аккуратно положил на краешек стола хлеб из подмышки. — А вы... тоже? Живете здесь?

— Мы все живем здесь, — старик налил Арсению полную чашку горячего чая. — Только здесь и живем. Где же еще? Или вы утверждаете, что мы живем не здесь, а там? Тогда обоснуйте.

— Ну, некоторые там живут, — обосновал Арсений, вспомнив о Вере. — Например, в книгах. Когда сочиняешь что-то, или читаешь, то непонятно что здесь, а что там — в твоём воображении.

— Это графоблудство. Правильный автор ничего не сочиняет, — строго сказал Иван Иванович. — Все должно на реальных событиях основываться. Вы, я вижу — автор?

— Да, — солгал Романов

— Ух, ты! — обрадовался Иван Иванович. — И что же вы пишете? Надеюсь, не роман своего поколения?

— Не знаю еще, — честно ответил Арсений.

Иваныч почему-то вызывал сильное расположение, и Арсений не заметил, как за пять минут выложил старичку все — о «Царь-банке», Вере, и неподдающейся первой странице.

— Все понятно, — сделал вывод Иван Иванович, когда Арсений умолк. — Зачем тогда писать взялись? На чудо надеетесь?

— Какое чудо?

— Мало ли чудес? Регулярно случаются. Да вот хотя бы. Видите это? — Иваныч держал в руках литровую банку с водой.

— Вижу. Вы что, сейчас ее в вино превратите?

— Зачем же? Вино и в магазине продается. Но я смогу вылить вам эту воду в карман, а сыра в кармане не будет.

Попробуем?

— Пожалуйста.

Оттягивая боковой карман халата, Арсений почувствовал, что от старичка у него начинает кружиться голова. Иван Иванович резко перевернул банку, и холодная вода потекла по ногам Арсения, образовав вокруг его шлепанцев солидных размеров лужу.

— Сыро, конечно, — глубокомысленно заметил Иваныч. — Но сыра, как я и обещал, в кармане нет. Вот вам и чудо. Слова не только слушать, их знать надо. И не только в лицо.

Не сходя с места, Арсений переминался с ноги на ногу, удивляясь не столько произошедшему, сколько своему совершенно спокойному к тому отношению. Как будто именно так все и должно было случиться: старичок на кухне, неожиданный разговор, лужа под ногами. Сунув руку в мокрый карман халата, Романов нашел там основную часть своего промокшего обеда.

— Должен вас разочаровать, Иван Иванович. Сыр в кармане есть! — Арсений медленно, одно за другим, будто карточный игрок, выкладывающий на стол победоносную комбинацию, положил рядом с половиной батона размякшее масло в фольге и брусок пошехонского сыра. — Вот! Сыр!

— В самом деле? — выглядящий удивленным, Иван Иванович надел очки и внимательно рассмотрел поочередно сыр, масло и хлеб. — Да, это сыр. Кажется, пошехонский сорт, неплохой.

— Вы говорили, что сыра у меня в кармане не будет, — Арсений наслаждался победой. — Вот же он, перед вами.

— Я о сырости говорил. А она к сыру прямого отношения не имеет. К тому же, я ведь не сказал, что сыра не будет на столе. Здесь много чего есть. Да вы, кстати, присоединяйтесь. Чай остывает. А с книгой, если хотите, я вам помогу.

— Поможете? — Романов почувствовал, что в его жизни опять назревают важные события. — А как?

— Я много повидал. Есть что вспомнить, детям нечего рассказать, — Иваныч, как могло показаться, шутил, но глаза его смотрели очень серьезно.

— Почему рассказать нечего?

— Когда-то нельзя было. Государственная тайна. Теперь и не поверит никто. Иных уж нет, как говорится. А те — долечиваются. Короче говоря, так. Если хотите, я буду вам рассказывать, а вы — записывать.

— Что рассказывать? — Арсений чувствовал, что порассказать старичок может немало.

— Неизвестные факты войны. Белые страницы, так сказать, — старичок хихикнул. — Я в особой лаборатории Военного Совета служил. Специальные задания, значит, выполнял. Все началось в один ненастный вечер, когда поезд доставил меня в столицу...

Когда Арсений пил вторую чашку, он уже не сомневался, что в лице Иваныча явилась сама судьба. Встреча не могла быть обычной случайностью. Старик был словоохотлив, речь его искрилась неожиданными оборотами, а обстоятельства жизни казались достойными описания не то что в книге, но даже и в кино.

— Я не претендую на гонорары, — сказал Иван Иванович. — Однако, молодой человек, бесплатно я вам помогать не стану.

— Но у меня... — Романов отряхнулся от мечтаний и ощутил отжатую влажность кармана. — Нечем вам платить.

— Много не возьму. Пачку черного чая в день, и через неделю ваша книга будет готова.

— Договорились, — Романов очень не хотел, чтобы старик в тренировочном костюме сейчас оказался очередным сновидением и унес с собою всякую надежду написать хоть что-нибудь.

Теперь Арсению оставалось только слушать и записывать воспоминания старого разведчика. Неделю подряд Иваныч заходил в одно и то же время, получал оговоренную пачку, заваривал себе невероятно крепкий чай и начинал рассказывать. Впоследствии Арсений лишь добавлял некоторые выдуманные подробности, представлявшиеся ему живописными. Текст быстро разрастался. Как и обещал старик, через неделю книга была написана.

Глава 5

Жизнь на Марсе. Пиздострадания курсанта Саблина. Карма-йога.

Какие чувства испытывают к слону паразиты, живущие на его поверхности? Большинство из них помнит, что слон — существо свободное, вовсе не обязанное питать собой колонию насекомых. Но под толстой кожей бьется доброе сердце, а интеллект слона занят вопросами более важными, чем состояние собственной поверхности. Слон делает добрые дела. Он помогает людям. Например, при вырубке лесов...

(Сергей Журавлев, «Письма из зоопарка».

Москва, 2013)

Дни и ночи фиксировались в бортовом журнале, незаметно собираясь в недели. Прозрачный стенд с картой в кают-компании неизменно светился неоном, и каждое утро вахтенный стирал линию оставшегося за кормой маршрута. Когда я спросил об этом у комиссара Абрамыча, он ответил мне загадочной фразой: «Что наверху, то и внизу».

Преодолев около десяти тысяч морских миль, мы уклонились от встречи с японскими субмаринами у берегов Мадагаскара, вошли в глубины Индийского океана и взяли прямой курс на Бомбей. По моим расчетам, сухопутный этап экспедиции мог начаться со дня на день.

Мне пришлось по душе нехитрые развлечения команды...

Представляя все сложности дальнейшего путешествия, я стал особенно ценить замкнутый уют каюты, возможность спать без ограничений и концерты в кают-компании. Подводники, как мне показалось, были готовы к появлению нового человека на борту. Во всяком случае, они спокойно отреагировали на образовавшегося пассажира и лишних вопросов не задавали.

На третий день путешествия меня поселили в четырехместной каюте номер семь, своими размерами почти не отличавшейся от купе поезда, но комфортом значительно его превосходившей. Отсутствие окна, которое на железной дороге является главным развлечением, компенсировала большая акварель — отливающий серебром и ультрамарином арктический пейзаж.

В каюте проживало еще три человека: комиссар Всеволод Абрамович Третьяк, акустик Петя Крутов и курсант Саблин. Гостеприимные моряки предложили мне занять почетную верхнюю койку, что, как потом выяснилось, было с их стороны знаком уважения. Вскоре я ближе познакомился со своими соседями. Мне пришлось по душе нехитрые развлечения команды, особенно лирический конкурс писем, отправляемых, как и положено, во всех портах, куда «Гаммарус» заходил пополнить запасы воды. Прочие забавы моряков сводились к пению в кубрике и настольным играм, из которых самая популярная выглядела как шахматная доска, расчерченная на шестьдесят четыре разноцветных квадрата. По этим клеткам игрок вел свою фишку, бросая игральную кость. От некоторых полей вели стрелки вверх, ускоряя, таким образом, продвижение фишки, а от каких-то — вниз, порой уводя игрока к самому началу. Задачей участника было добраться до одной из верхних клеток, откуда стрелка выводила за пределы доски.

В сравнении с шахматами, эта игра выглядела примитивной. Я не понимал той увлеченности, с которой команда, используя каждую свободную вахту, проводила время над доской. Поклонниками игры были все мои знакомые — курсант Саблин, комиссар Абрамыч, Петя Крутов и даже механик Стас Ларионов, известный своими шумными приключениями в каждом подходящем для хулиганства порту.

Капитан Беспрозванный по-прежнему оставался для меня неизвестной фигурой. Я слышал по радио голос, отдающий приказы, но никогда не видел его обладателя. Все функции оперативного управления выполнял комиссар. Моряки не упоминали имени Беспрозванного, а на мои вопросы отвечали уклончиво. Только однажды, 22 декабря, в день зимнего солнцестояния, совпавший с праздником пересечения экватора, хлебнувший добавочного спирта Саблин предложил тост «за капитана».

— Есть люди, у которых капитан внутри! — хором ответили моряки и сдвинули кружки.

Жизнь полусотни мужчин, чья свобода надолго ограничена замкнутым пространством — тема для отдельного описания. Скажу лишь, что атмосфера на борту царил веселая, звучали стихи и песни, но находилось время и для серьезных бесед один на один, и для общих собраний. На одном таком мероприятии мне довелось побывать. Но так как утром того дня произошло событие, едва не окончившееся для меня трагически, расскажу все по порядку.

Убедившись в чистоте горизонта, капитан объявил всплытие. Свободные от вахты моряки вышли на палубу, пользуясь случаем покурить. Стоял мертвый штиль. Безоблачное небо накрыло океан сверкающим куполом, лодка застыла на тонкой линзе воды, и о существовании времени напоминала только огромная тлеющая сигарка, которую из-за дефицита времени передавали по кругу все желающие, за исключением комиссара: выращиваемый Абрамычем горлодер мог курить только он сам.

— Товарищ комиссар, — обратился Саблин, — разрешите окуриться.

— Добро, — кивнул Абрамыч. — Но через пятнадцать минут погружаемся.

Как ни странно, охочих до купания оказалось немного. Когда я, Абрамыч и Саблин стали сбрасывать одежду, остальные бережно передавали по кругу медленно сокращающуюся «козью ножку», предпочитая в полной мере воспользоваться курительной оказией. Впрочем, комиссар аккуратно слез в воду по трапу, не выпуская из зубов самокрутку.

Я прыгнул с горячей кормы и сразу же наглотался океанской воды, от которой запершило в горле. Вынырнув на поверхность, я решил быстро проплыть вокруг лодки вслед за Третьяком, который уже заворачивал за форштвень. Комиссар загребал величавым брасом и высоко держал голову, распространяя сизый дым над зеленой пленкой океана. Саблин плыл следом за мной. Остальные наблюдали сверху и сопровождали Абрамыча грубоватыми флотскими шутками.

— Абрамыч, смотри рули глубины носом не обрubi!

— Ничего, он и без руля до Кронштадта дойдет, если акулы не сожрут.

— Комиссар сам кого хочешь съест, а уж акула к нему и на кабельтов не подойдет — больно махорка ядреная!

— Ржите, салаги, — беззлобно пыхтел Абрамыч, нос которого, и в самом деле, являлся главной достопримечательностью лица. — Вам акулу покажи — от страха до сороковой параллели океан изгадите.

Когда я доплыл до кормы и собрался вылезать, что-то сильно ударило меня по голове. Уходя под воду, я почувствовал, что теряю сознание. Даже теперь, после стольких лет, мне страшно вспоминать те мгновения, за которые передо мной пронеслась вся моя недолгая жизнь. Вот в детском саду я отказываюсь пить кипяченое молоко. «Надо выпить!» — грозно говорит воспитательница, и на мои губы налипают отвратительная молочная пенка. Самое удивительное, что наряду с воспоминаниями из собственной жизни, я увидел несколько эпизодов, никогда со мной не происходивших, и не могших произойти. Я — курсант военного училища. У нас строевая подготовка. Я стою с занесенной для церемониального шага ногой уже несколько минут. Мышцы сводит усталая судорога, а барабанные перепонки напрягает голос сержанта: «Выше носок!». А вот я куда-то ползу под грохот и лязг. Тот же сержант сует мне три связанные гранаты и тем же тоном приказывает: «Надо лечь под танк».

Первым, что я увидел, когда очнулся, были губы Абрамыча. Они находились всего в нескольких сантиметрах. Губы дрогнули, отчего меня пронзил острый запах чеснока, тесно прижались к моим губам, и я с отвращением замотал головой.

— Не надо, — попросил я не то реального комиссара, не то сержанта из недавней галлюцинации.

Случилось вот что: акустик Петя Крутов, также пожелавший освежиться, разбежался, вошел в воду «солдатиком» и пятками угодил мне прямо по макушке. Удар был сильным и чудом не свернул шею. Оглушенный, я ушел под воду. Несколько человек стали нырять и не могли меня найти, пока Абрамыч не заметил тело, лежащее на глубине трех метров на плоскости одного из горизонтальных рулей лодки, и не вернул меня к жизни методом искусственного дыхания. Мне опять повезло. Если бы не руль, в течение нескольких секунд я погрузился бы навсегда.

Лодка уже следовала своим курсом. Команда разбрелась, и со мной остались только Саблин и комиссар.

— Спасибо, Всеволод Абрамыч, — поблагодарил я. — В порту с меня пачка хорошего табаку.

— Вы себе «спасибо» скажите, — отозвался комиссар. — Я двадцать лет на службе, а чтобы человек так долго под водой пробыл — не припоминаю такого.

— Сколько же времени прошло?

— Кто его знает? — сказал Саблин. — Может, три минуты, а может — и все пять. Никто на хронометр не глядел, ныряли люди.

— Да, странно получилось.

— На подводном флоте еще и не такое может произойти. Вот вы лучше скажите, Иван Иванович, — голос комиссара стал тихим и вкрадчивым, — как думаете — есть жизнь на Марсе?

Только я собрался ему ответить, как отчетливо вспомнил еще одно обстоятельство сегодняшнего «купания». Я видел под водой большой иллюминатор. За ним виднелась часть ярко освещенной каюты, в центре которой стоял рояль, точно как тот, на котором Тремор еще недавно исполнял «Дубинушку». За роялем спиной ко мне сидел седой мужчина в черном кителе. Возле иллюминатора стояла девушка из отдела симпатической связи. Теперь она была одета в платье пастельных тонов, а на ее шее висело жемчужное ожерелье. Увидев меня, она отбежала от окна и стала что-то говорить. Скорее всего, это было галлюцинацией, рожденной засыпающим без воздуха мозгом. Тем не менее, я решил спросить.

— У нашей лодки есть иллюминаторы?

— Имеются, — ответил Абрамыч. — Я вот часто думаю: если где-то в космосе и есть жизнь, то только на Марсе. Во-первых, это ближайшая к Земле планета, чья орбита выходит за пределы земной. Во-вторых, астроном Скиапарелли нашел на Марсе каналы и моря. Уверен, это доказывает наличие атмосферы. Также и Оноре Флогер наблюдал на Марсе «желтые облака», являющиеся, по всей видимости, следствием жизнедеятельности высокоразвитой цивилизации.

— Абрамыч, вы много знаете, даже слишком много для обычного моряка, — сказал я.

— Я окончил два университета, в Гейдельберге и Тарту, — комиссар был польщен. — Да и в походе мы самообразованием занимаемся, времени не теряем. Вот вы сегодня приходите на собрание.

— Скажите, а Беспрозванный играет на рояле?

— Он на всем играет. Такой он человек, — добавил комиссар. — Ну, до встречи. А насчет Марса подумайте, я не просто так спрашиваю, это важно.

— Абрамыч, на борту есть женщины? — решил я задать последний вопрос.

— Может, и есть. Здесь все может быть. Такой это корабль, — из выпускника двух университетов Абрамыч опять превратился в комиссара. — Сегодня сами увидите, на собрание все должны прийти. Может быть, и капитан будет.

Игра в кают-компании продолжалась. Над доской склонился человек десять, среди которых был и Саблин.

— Иван, хотите сыграть? — позвал он меня.

— Даже не знаю. Можно попробовать.

Не хотелось отказывать человеку, который только что спас мне жизнь, и я уселся на свободный табурет за столом. Оказалось, что в цветные квадраты вписаны слова. Первое поле называлось ЯВЛЕНИЕ. Далее шло ПРОЯВЛЕНИЕ, (от этого квадрата стрелка вводила вверх, к полю СОМНЕНИЕ), путь продолжался полями НАМЕРЕНИЕ, УЗНАВАНИЕ, ЖЕЛАНИЕ (отсюда стрелка сбрасывала к слову СТРАДАНИЕ). Самый верхний квадрат, куда, очевидно, и следовало попасть игроку, назывался ОСВОБОЖДЕНИЕ. Наверх вели стрелки от слов ЦЕЛИНА, МАЛАЯ ЗЕМЛЯ, ВОЗРОЖДЕНИЕ, вниз вводили поля ЗНАНИЕ, ПАМЯТЬ и ВЕРА.

Для вступления в игру понадобилась фишка. По словам Саблина, в данном случае это мог быть любой предмет, находящийся у меня достаточно долго для того, чтобы считаться моим. Порывшись в карманах, я нашел носовой платок (не совсем чистый), конфетную обертку, микроскопический остаток ластика и отлетевшую накануне пуговицу. Когда прочие игроки выстроили у первой клетки свои фишки, я отметил, что все отнеслись к выбору очень серьезно: на доске лежали несколько обручальных колец, нательный крест, медная серьга, два перстня, драгоценный камень и старинный золотой дублон. К счастью, в последний момент я выудил из кармана серебряных воронов — подарок девушки из лаборатории Краснова, который успел полюбить и всегда носил с собой.

Я снова стал вспоминать видение в иллюминаторе, но в этот момент началась игра. Бросая кость на центр доски, некоторые беззвучно шевелили губами (как мне показалось, повторяя слова молитвы), многие записывали свои ходы, для чего перед каждым лежали блокнот и карандаш. Я последовал их примеру, и вот что у меня получилось после нескольких шагов: МНЕНИЕ — СОМНЕНИЕ — ЗАКЛЮЧЕНИЕ — ПРИКЛЮЧЕНИЕ — СЛОЖЕНИЕ — РАЗМНОЖЕНИЕ.

Наконец, Ларионов вывел свою фишку (сапфир небесно-василькового цвета размером с маслину) в квадрат ОСВОБОЖДЕНИЕ, но игра на этом не кончилась. Механик уселся неподалеку и принялся перечитывать свои записи, а остальные продолжили по очереди бросать янтарный кубик.

— В чем смысл игры? — шепнул я Саблину, продвинув своих воронов из поля ШУТКА по стрелке почти на самый верх, в квадрат ТАЙНА.

— Это не игра, — серьезно ответил курсант. — Если вы думаете о чем-нибудь важном, то клетки, в которые вы попадаете, описывают развитие и разрешение ситуации.

Думал ли я о тогда чем-то важном? И да, и нет. Однообразный ритм подводной жизни усыпил меня, успокоил и усмирил. Я почти не помнил о том, что наверху идет война, в которой мне скоро придется принять участие, не думал о странном задании, полученном в Москве, и даже яркие картины бомбейской жизни редко всплывали в моем сознании. Гречневая каша и кофе на завтрак, хлеб с повидлом и чай в обед, компот из сухофруктов и овсяное печенье вечером, неограниченный сон и общение с новыми друзьями заполнили все мое время и мысли. Очень редко, перед тем как уснуть, я пытался представить себе Кирхен, но ее образ ускользал, растворялся в темноте, смешивался с чертами Ларионова, Крутова, Абрамыча и Саблина, приобретая бесконечные очертания вентиляей, выключателей, кранов и проводов. Но о чем бы я ни задумывался в тот период, это содержало привкус неизбежности значительных событий и перемен.

Один за другим игроки вставали из-за стола и разбрелись по кубрику. Судя по выражению лиц, некоторые были счастливы, будто сорвали куш на рулетке, прочие выглядели озабоченными и серьезными. Наконец, и мне, пройдя из поля ПОРАЖЕНИЕ в поле ОДИНОЧЕСТВО, затем — к непонятному слову УСОЕДИНЕНИЕ, удалось завершить путешествие

серебряных воронов по разноцветной доске. Теперь за столом остался лишь Саблин. Раз за разом его фишка — дамская оранжевая пуговица — съезжала вниз, попадая почти на каждый из несчастливых квадратов.

Тем временем, народа в кубрике прибавлялось, и скоро на диванах расположился едва ли не весь личный состав. Несмотря на многолюдность, было тихо. Моряки переговаривались, несколько человек продолжали вчитываться в игровые блокноты, и лишь четкий стук, издаваемый Саблиным за столом, надрезал туманность общей атмосферы.

Я искал глазами Абрамыча и увидел его что-то записывающим в огромную книгу в черном переплете. На носу у комиссара были очки в толстой роговой оправе. Из судовой радиоточки лились волшебные звуки концерта для двух гобоев Томазо Альбинони. Заслушавшись музыкой гениального венецианца, я прикрыл глаза и почти уснул.

— Товарищ капитан первого ранга, — издали пробился звонкий голос дежурного, — личный состав «Гаммаруса» готов к проведению очередного занятия. Присутствует тридцать семь человек, отсутствует двенадцать, из них девять — на боевом посту, двое — на строгом посту и один — в усоединении!

Вторая за последние полчаса встреча с загадочным словом «усоединение» вывела меня из навеянного музыкой блаженного оцепенения. Открывая глаза, я подумал, что в сегодняшней игре все же был некий смысл и пообещал себе выяснить значение всех квадратов. Проснувшись окончательно, я увидел капитана. На вид Беспрозванному было не более сорока лет. Спортивная фигура и прямая осанка делали его еще моложе, но глубокие морщины на загорелом лице и пронзительный взгляд принадлежали пожилому человеку. Пройдя между моряками, капитан расположился в кресле рядом с глобусом и кивнул комиссару.

— Пожалуйста, Всеволод Абрамович, начинайте.

Комиссар открыл лежащую перед ним книгу, откашлялся и стал читать вслух:

— Девятнадцатое января, четвертый день Луны, Солнце в сходящемся тригоне с Нептуном, координаты «Гаммаруса»: 18 градусов 18 минут 18 секунд северной широты, 72 градуса 14 минут 10 секунд восточной долготы. Первый вопрос собрания — международное положение. Докладывать будет...

Абрамыч закрыл глаза, высоко поднял указательный палец и опустил его в черную книгу. Не отрывая пальца от страницы, он объявил:

— Докладывать будет Харламов...

Оказывается, на лодке у меня есть однофамилец! Не слишком редкое совпадение для такой фамилии, но все же интересно.

— ... Иван Иванович, — закончил комиссар и посмотрел на меня. Я и не успел опомниться, как стоял в центре кают-компании под прицелом взглядов команды. Разучившись с недавних пор удивляться, я понял, что моя кандидатура определилась только что методом случайного выбора.

Одно дело — разговор с глазу на глаз, другое — удержать внимание большой компании. Сталкиваясь с необходимостью выступать перед аудиторией, я обычно теряюсь. К счастью, я вспомнил, что в таких случаях рекомендуется выбрать среди слушателей кого-то одного и обращаться к нему лично. Оглядев присутствующих, я сразу исключил безразлично сверкающего стеклами очков Абрамыча и капитана, взгляд которого не решился выдержать. Саблин смотрел в пол, Ларионов продолжал незаметно читать свой игровой блокнот, с прочими моряками я был знаком не так хорошо.

Я еще раз осмотрел кают-компанию и заметил сидящую с краю девушку из лаборатории Тремора. На ней было то же ожерелье, которое я видел сквозь иллюминатор. Она выглядела грустной, но в ее глазах читался искренний интерес. Не отводя взгляда, я начал:

— Основным фактором, определяющим международное положение, является война. Количество человеческих жертв, по предварительным подсчетам, достигло пяти миллионов человек, в том числе и среди мирного населения.

Девушка слушала внимательно, и я решил отказаться от формы сухого доклада в пользу беллетристики.

— Большинство погибших — это люди, которые еще три месяца назад вели исключительно мирный образ жизни. Исходя из статистических данных, средняя продолжительность жизни непрофессионального солдата на передовой равна двадцати минутам. То есть, большинство школьников выпуска позапрошлого года в данный момент мертвы.

— Спасибо, все понятно. Ваши выводы и предложения, — услышал я голос Абрамыча.

— Удержать тех, кто подчиняется приказу о мобилизации, — предложил я. — Как с одной, так и с другой стороны. Вот и все, что можно сделать.

Простояв в молчании полминуты, я вернулся на место.

— Спасибо, ставим на голосование, — мне показалось, что в этот момент комиссар подмигнул команде. — Принято единогласно. Прошу зафиксировать в протоколе.

По второму вопросу докладчиком был объявлен Беспрозванный. Не поднимаясь с кресла, он попросил дежурного приглушить свет и негромко включить музыку. После того, как отзвучали первые аккорды, капитан обратился к присутствующим.

— Вы уже, должно быть, знаете, что наша лодка направляется в Индию. И как всегда, до того как вы сойдете на берег, я хочу рассказать кое-что весьма важное. Быть в чужой стране и не знать ее обычаи — недостойно моряка. Вот почему наши прошлые встречи мы посвятили астрологии кельтов, битве на острове Пасхи, легендам Огненной земли, и так далее. Согласитесь, это была полезная информация. Если бы наш механик Стас Ларионов ничего не знал о сакральных культах Мадагаскара, долго бы ему пришлось еще отрабатывать разбитое стекло в храме Матери-Бабочки. Ну, тот случай мы уже обсуждали, хотя до сих пор не могу понять — как можно пить крепкие напитки в сорокоградусную жару? И так, что такое карма-йога? Давайте, для начала, пойдем, — что принято называть словом «йога» и какой смысл, на самом деле, следует в него вкладывать. Считается, что йога — это разработанный индусами комплекс физических упражнений для достижения гармонии энергетических потоков организма. Однажды в Париже я остановил извозчика. Обменявшись с ним несколькими фразами, я отметил, что этот человек не только широко образован, но и располагает глубочайшими познаниями в области астрономии, к которой я, как вам известно, также равнодушен. Каково же было мое изумление, когда в конце пути, рассчитавшись и оставив ему два франка чаевых, я узнал в извозчике знаменитого астрофизика Петрелли. Сначала я решил не подавать вида, но любопытство возоблудило над манерами, и я спросил его — что делает мировое светило на козлах повозки? И вы знаете, что он ответил? — «Это у меня такая йога».

Я украдкой смотрел на свою новую старую знакомую. Как и все, она слушала капитана очень внимательно. Она вообще производила впечатление серьезного человека, и я подумал, что, возможно, тогда в лаборатории стоило принять приглашение к чаю и познакомиться поближе. Тем более что девушка была космически красива, а ничто так не делает разговор полезным и содержательным, а собеседника интересным, как гармония красоты внешности, голоса и жеста.

Внутренний мир человека, в большинстве случаев скрыт даже от него самого, так кто же поспорит с тем, что внешность играет главную роль в том, как мы воспринимаем других людей? Это очень удобно: глаза — зеркало души, лицо — зеркало желудка, а душа и желудок, собственно, и составляют внутренний мир человека. Добавим лишь, что очень редко можно встретить того, кто изнутри более красив, чем выглядит снаружи.

Бывает, смотришь на девушку и видишь, что она красива. Но стоит задуматься: «Чем же она хороша?», как разум начинает странную игру. Однажды мой однокурсник, описывая свою возлюбленную, сказал:

— Понимаешь, старик, она похожа на маленького белого медвежонка.

— Так тебе нравятся медведи? — спросил я.

— Совсем нет, — ответил он. — Но в детстве у меня был точно такой же, плюшевый.

Ежу понятно, что ассоциации с животными — это отзвук далекого прошлого, когда наши предки были частью дикой природы. В Бомбее, например, я несколько раз слышал, как женскую грациозную походку сравнивают с поступью молодой слонихи. Еще один мой знакомый как-то признался, что пухлые пальчики его супруги напоминают ему рожки улитки. Помоему, соприкосновение с улиткой не очень приятно. Но мне и его супруга не нравилась.

Барышня, сидящая в кают-компании «Гаммаруса», была очень красива. Лично мне об этом сообщила форма ее бровей, удивительным образом ломающихся посередине: так художники рисуют далеких птиц в полете. Ну вот, опять птицы. Хорошо — это были два магических иероглифа неизвестной расы, последняя дочь которой сидела неподалеку от меня и слушала лекцию. О йоге я знал немало — все же пять лет жил в Индии. Прислушавшись, я понял, что речь идет отнюдь не о физических упражнениях, дыхательной гимнастике и овощной диете.

— Итак, если вкратце, я хотел сказать следующее, — у меня возникло подозрение, что капитан заметил мою внутреннюю экскурсию в мир красоты и повторяет сейчас специально для меня. — Карма-йога — это все, что вы делаете с намерением сделать это хорошо и таким образом внести свой вклад в поток мировой гармонии. Повторяю, что бы мы ни делали: изучали звездное небо, ремонтировали дизельный мотор, мыли посуду, убирали за слоном в зоопарке или готовили обед, — все надо делать хорошо. И каждую секунду осознавать, что, чем бы ты ни занимался, ты делаешь это для блага людей, даже если это всего лишь один человек, даже если это ты сам. У меня все.

— Переходим к третьему вопросу, — комиссар закрыл книгу. — Хочу сразу предупредить, что если пункт в повестке заседания называется «Пиздострадания курсанта Саблина», то это не значит, что мы будем сейчас обсуждать одного только нашего первохода, и вопрос не касается остальных. Но начнем, все же, с него, раз уж так задана тема.

Всем известно, — продолжал Абрамыч, — что Саблин пишет стихи, как и многие из нас, если не сказать — все. Но почему песни Саблина грустны? Странно как-то наблюдать упаднические настроения у молодого человека. Или ты декадентов начитался, Саблин?

— Иногда мне бывает грустно, — твердо ответил курсант, — у меня есть невеста на берегу, вот я и скучаю оттого, что ее нет.

— Давай по порядку, Саблин. У многих из нас есть жены, но это еще не причина грустить. Так у тебя есть девушка?

— Есть.

— Как же есть, если ты только что сказал: «Скучаю оттого, что ее нет?»

— Я имел в виду, что ее нет рядом, и не надо меня запутывать.

— Саблин, мы, наоборот, распутаться тебе помогаем. Ладно, есть у тебя девушка или нет, это не важно. Но грустишь ты почему?

— Ну, не знаю. Наверное, потому что я чувствительный, — Саблин покраснел и уставился в пол. — Я эмоциональный. Не всегда себя контролирую.

— Но девушка здесь причем?

— Да плохо мне без нее! — раздраженно ответил Саблин. — Люблю ее, вот и грущу!

— Ты не злился, Саблин, тебе товарищи помочь хотят. Любишь, значит, и грустишь. Странная реакция, хотя распространенная. Последний вопрос. Вот когда ты о ней думаешь, что себе представляешь? Только честно. Не представляется ли тебе порой, что ты, смертельно раненный в бою, кладешь голову ей на колени? И ее слезы каплют на твое закопченное в бою лицо? А ты тихо улыбаешься и умираешь?

— Да, — видно было, что Саблину нелегко дается разговор. — Откуда вы знаете?

— Все ясно. Расслабься, Саблин, это распространенная фантазия, — Абрамыч вышел из-за стола и оказался в центре кают-компании. — Любовь — это чувство. Но чувство чего? Почему любовные фантазии часто выглядят как страдание и смерть? Чтобы ответить на этот вопрос, прошу взглянуть сюда.

Абрамыч подошел к стеллажам и достал две книги: одну в яркой обложке, а вторую — в желтом кожаном переплете.

— Вот «Приключения Долгоносого», — комиссар указал на первую книгу. — Всем известна история деревянного человека, описанная в классической традиции комедии дель арте, где главные персонажи — Мур, Финк и Чирикло, а отнюдь не деревянный Тарантиго, о котором речь пойдет чуть позже. У Чирикло есть два поклонника, добивающиеся ее расположения. Один из них — Мур, декадент и поэт-символист, боготворящий и воспевающий ее образ. Второй — Финк, бодрый и деятельный малый, которому не свойственны сомнения и рефлексия. Стихов он не пишет, зато запросто может всыпать Муру тумачков. Это как бы два разных музыкальных тона: Финк — сильный и громкий, а Мур — тихий и нежный. Данный сюжет описывает желательную для женщины ситуацию, когда она одновременно получает противоположные по природе вещи — романтическую непредсказуемость и надежную защиту. Правда, из разных источников. И пока, Саблин, ты не будешь для своей барышни тем и другим, в дальнейшем походе тебя будет одолевать грусть, причина которой — страх и неуверенность, что твоя возлюбленная тебе верна. Пример совмещения таких качеств в одном персонаже тоже имеется — это как раз Тарантиго, поэт и реалист. Однако, именно в связи с тем, что Тарантиго является носителем противоположных зарядов, он самодостаточен, и Чирикло его интересует только в качестве персонажа личного шоу, что девочку с голубыми волосами, конечно же, не устраивает.

Видно было по лицам моряков, что речь Абрамыча глубоко проникала в их сердца, и если капитана они слушали с

уважением, то комиссара — с любовью.

— Теперь далее, — продолжил Абрамыч. — Похожая история и другая книга. Это «Премудрости Бон-Виана», составленные десять веков назад. Здесь описывается развеселая Клара, первая жена Карла. Созданная прежде Марины, она обладала независимым характером и склонностью к чувственным удовольствиям. В результате у нее возник неизбежный конфликт, она покатила по наклонной плоскости, а вместо нее Карл получил спокойную и правильную Марину. С тех пор мужчина ищет и ту, и другую. Как писал греческий поэт: «Вот так в темноте все мы ищем друг друга, познавая на ощупь посланцев богов, но при первом же проблеске света наши руки полны пустоты». Так что, Саблин, ты не одинок в своих страданиях. Но песни все же пиши веселые, а то деморализуешь всех к чертовой бабушке. Понял?

— Я ничего не понял, — поднял голову Саблин. — Что же получается — нет любви?

— Опять ты заладил, — разгорячился Абрамыч. — Я здесь распинаюсь перед ним, книги ему показываю, а у него все в другое ухо вылетает. Ты что любовью называешь? Мы словно на разных языках говорим сейчас.

— Позвольте вмешаться, — поднял руку Беспрозванный. — На каком языке я бы сейчас не говорил, хоть на ангельском, но если я скажу, что любви нет, то цена мне — сломанная медная лопасть. Будь я хоть адмиралом. Любовь — великий дар и сила. Она делает нас радостными, светлыми, независтливыми и добрыми. Что бы ни происходило, где бы мы ни были, любовь всегда рядом, и это последнее что останется в мире, даже если в нем не останется больше ничего. Когда-то я, как и наш дорогой Саблин, страдал без любимой в дальнем походе, и как уважаемый Всеволод Абрамович, пытался стать для женщины единственным человеком в ее жизни. И следует признаться, становился таким. Чувство это было подобно бенгальскому огню. Два-три года — и в руке лишь чадающий огарок. Но однажды, глядя в музее на модель атомного реактора, я обратил внимание, что важной частью конструкции являются тысячи равноудаленных друг от друга графитовых стержней. Их соприкосновение вызвало бы взрыв большой разрушительной силы, но если стержни не сближать, между ними появляется огромное количество энергии, которая греет, светит и лечит. И я понял тогда, — Беспрозванный поднялся из кресла, — что очень долго за любовь что-то другое принимал. Какое-то сильное, очень красивое чувство, от которого кипит кровь и сводит челюсти. Так-то, друзья. Любите и будьте любимыми, но не пытайтесь сблизиться до конца.

— Что значит «до конца»? — спросил повеселевший Саблин.

— Это вам, курсант, задание на ближайшую жизнь — понять что значит «до конца», — капитан улыбался. — Что же, всем спасибо, предлагаю считать собрание закрытым.

Беспрозванный вышел, сопровождаемый Абрамычем, который вскоре вернулся и сразу подошел ко мне.

— Капитан передает вам приглашение выпить с ним чаю завтра в пять.

— Спасибо, Всеволод Абрамович, я непременно приду.

— Вот и славно.

Комиссар отошел и громко сказал Саблину, так чтобы все слышали:

— Знаешь, Саблин, пиши песни о чем хочешь, я больше слова не скажу. А за проработку прости, я до сегодняшнего дня сам как сквозь туман все видел.

— Ладно, чего уж теперь, — отозвался Саблин, — я только что еще одну песню сочинил, как вы сказали — веселую. Хотите, я вам спою?

— Ты всем спой, — ответил Абрамыч и приготовился слушать. Саблин подошел к роялю и взял несколько быстрых аккордов.

Хоть любовь и зла
Полюби козла
Хоть любовь и зла, зла
Полюби козла

— Сочинился только припев, — признался он. — Остальное потом придумаю.

Хоть любовь и зла
Полюби козла
Хоть любовь и зла, зла
Полюби козла

Шум голосов в кают-компании умолк, моряки окружили курсанта, принялись отбивать такт песни, и даже Абрамыч нежно похлопывал по крышке рояля огромной лапой, на которой были наколоты восход и чайка над морем.

— Теперь все вместе! — кричал Ларионов, расчехляя гитару.

Хоть любовь и зла
Полюби козла!

— Все хором!

Хоть любовь и зла, зла
Полюби козла!
Полюби козла!
Полюби козла!

В кают-компании творилось что-то невообразимое. Моряки выхватили из шкафа, какие под руку попались, музыкальные инструменты и принялись вовсю дуть, барабанить и звенеть. Откуда-то на столе появились ром, финики, пломбир, много еще было спето песен, и я не помню, как уснул в тот вечер.

Глава 6

Спиритический сеанс. Ресторан «Бесплатный сыр». Е2-Е4.

Необходимость делиться заложена в живом организме на клеточном уровне.
(Академик А.Н.Краснов. Лекция в Дорнахе. 23 марта 1933 года)

В тот вечер четверга, когда Романов пил на бульваре водку с бывшими коллегами, в доме по Варсонофьевскому переулку, Мила устроила спиритический сеанс. Нависающий абажур по плетеной бахrome сливал свет на равнину круглого стола, на стенах дрожали тени, и встреча со сверхъестественным представлялась скорой и очевидной. Кроме хозяйки и ее мужа, в комнате присутствовали еще двое: детский писатель Сергей Журавлев и художник-миниатюрист Барбакару, автор скульптуры «Взрыв сверхновой» (палладианская горошина на огромном кубе из черного мрамора — установлена во внутреннем дворе здания Академии наук).

Нависающий абажур по плетеной бахrome сливал свет на равнину круглого стола, на стенах дрожали тени, и встреча со сверхъестественным представлялась скорой и очевидной

Хозяйка давно положила руки на стол и поглядывала на доцента, который, затеяв ученую беседу с Журавлевым, живописал перед тем перспективы развития теории виртуальных сообществ с точки зрения социологии, физиологии и семиотики:

— Идеи русского космизма возрождаются и начинают жить новой жизнью в эпоху виртуальной реальности, — Краснов произносил слова мягко и вкрадчиво, отчего сидящему за столом Барбакару хотелось пойти и умыться холодной водой

чтобы не уснуть. Вместо того он достал из портсигара папиросу и принялся постукивать мундштуком по бархатной скатерти.

— В основе взаимодействия пользователей любой сети лежит, по сути, христианская идея соборности, — продолжал доцент, — она опирается на образ множественности православной Троицы.

— Возможно, именно по этой причине героиню «Матрицы» звали Тринити, — согласился Журавлев. — В сущности, это и есть новый Вавилон, где, в отличие от старого, языки не разделяются, но наоборот — появляется универсальный лексикон из смайликов.

Барбакару перестал стучать по столу и прикурил:

— Может быть, начнем?

— Одну минуту, — сказал доцент. — Хочу кое-что сказать. Прежде всего, сообщая, что как человек науки, я ни на микрограмм не верю в такой способ познания как спиритизм.

— Почему же тогда вы участвуете? — спросил Журавлев.

— Моя семья живет в этом доме давно. Я слышал рассказ отца о том, что мой дед, академик Александр Романович Краснов, перед тем как его репрессировали, спрятал здесь что-то ценное. Теперь, когда нас вот-вот выселят, я готов предпринять что угодно, лишь бы найти то, что принадлежит мне по праву.

— А за что его арестовали? — поинтересовался Журавлев.

— Он имел непосредственное отношение к подготовке Сталинградского мира, — объяснил доцент. — Такой исход войны не устраивал ни одну из сторон, и потом полетело немало голов. Мила, мы готовы.

Двумя часами ранее с Малой Лубянки в Варсонофьевский свернул огромный джип типа «Potemkin». Отражая никелированными трубами неоновый свет разноцветных витрин, джип неслышно проехал по переулку и остановился. Освещаемые огоньками приборной доски, за пуленепробиваемыми стеклами сидели трое, а точнее — двое и водила.

— Вот этот дом, Сергей Александрович, — почтительно произнес сидящий впереди юноша с темными прямыми волосами и четким профилем. — Может, осветить фарой-искателем?

— Много вопросов задаешь, Леопольд, — толстяк говорил совершенно спокойно, но было в его голосе нечто, от чего молодой человек на переднем сидении съезжился и ментально умолк. — Болтун — находка для шпиона. В общем, так. Дом этот я покупаю. Но со скидкой десять процентов.

— Но как же, Сергей Александрович, — заныл Леопольд, — мы же договаривались... конца девятнадцатого века, русский модерн, пять этажей, мраморные лестницы, высота потолков... — бубнил он вполголоса.

— А это что? — указал толстяк на одиноко светящееся окно на пятом этаже.

— Это... как что? Окно... Люди... жильцы недовыселенные... — неохотно отвечал Леопольд. — Да вы не обращайтесь внимания, не проблема, послезавтра их здесь не будет...

— Не проблема? Я на это светящееся окно гляжу уже почти семьдесят лет! — ощерился Синичкин, как будто кто-то тяжелым спецназовским ботинком только что наступил ему на мизинец. — Это еще тогда была проблема, здесь профессор знаменитый жил, знал бы ты сколько сил было потрачено, чтобы его вывезли куда следует. Меня потом чуть не разжаловали, когда он умер на допросе. Повезло, что сердце у него было слабое — на него все списали. Так то же было тогда. А теперь — газеты, телевидение, Интернет... Короче. Здесь не остается ни одного человека, и мы возвращаемся к разговору. И еще. Если бы твоя бабушка не была моей давней знакомой, мы беседовали бы сейчас в другом месте и по другому поводу. Все понял?

— Да я сам проконтролирую... Могу прямо сегодня... Куда следует... — лопотал Леопольд испуганно и одновременно радостно, что дело хотя и не выгорело сразу, но проблема оказалась разрешимой. — Я их за полчаса...

— Не сейчас. Без меня все. Не дергайся, Леопольд, — толстяк удобнее устроился в кресле. — Поедем сейчас ко мне. Выдам кое-какие технические средства. А бабушке — привет.

Водитель повернул ключ, джип мелко задрожал, и через минуту уже мчался по крайней левой полосе, распутивая заезавшуюся автомобильную мелочь солидным кряканьем спецсигнала.

Еще через час на том же месте остановился неприметный микроавтобус. Окруженный попискивающей аппаратурой, Леопольд надел наушники, направил длинный микрофон в желтое пятно на пятом этаже и стал медленно проворачивать блестящее колесико. После неизбежного шипения в наушниках послышались голоса.

— Вызываю Краснова Александра Романовича, академика, — голос хозяйки то дрожал, то звучал сильно и четко, отчего похож был на трансляцию радиостанции «Маяк», искажаемую сильными порывами ветра. — Вызываю Краснова... Ничего не выходит, — Мила виновато глянула на супруга.

Огонь уцелевшей в Рождество свечи выхватывал из полумрака лица: спокойное и невозмутимое — Журавлева, грустное и огорченное — доцентское, улыбающееся — Барбакару, настороженное — хозяйкино.

И случилось чудо. Блюдце прыгнуло, задрезало, а потом стало выдавать точки и тире, вполне понятные, очевидно, для хозяйки, потому что лицо ее осияла улыбка человека, у которого все получилось.

— Есть контакт, — прошептала она. — Можно задать только три вопроса, такие правила. Ничего в голову не идет.

— Дедушка, спрятанная тобой вещь еще здесь? — голос доцента срывался от волнения.

— Да, — ответила Мила необычно низким голосом. — Найдите ее, время пришло.

— Где именно это находится?

— На чердаке, под трубой дымохода.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Журавлев.

— Я себя не чувствую, — сказала Мила и посмотрела на детского писателя так, что детский писатель чуть не съехал под стол.

— Это был последний вопрос, — прошипела она хотя еще и несвойственным для себя голосом, но к общению с духами отношения уже не имеющим. — Почему вы встряли?

— Не знаю даже, — Журавлев выглядел огорченным. — Интересно стало. Да вы не переживайте, ясно же было сказано: сокровище на чердаке, под дымоходом.

— А вы знаете, сколько там дымоходов? — свирепела Мила.

— Будет вам! Пойдемте скорее! — подхватился Краснов. — У Милы есть ключ.

— У меня есть фонарь, — подал голос Барбакару, — только без батареек.

— Ах, господи, — ну неужели такая проблема? Полный дом людей. Сейчас у Арсения спрошу.
Желая заглядеть вину перед хозяйкой, писатель Журавлев встал, чтобы отправиться на поиски батареек.
— Сидите уже, — сказала Мила. — Нашли у кого спросить. У человека, от которого ушла жена, не может быть батареек. И не хватало посвящать еще кого-то. Нас и так четверо.
— Кстати, как будем делиться? — Барбакару задал доценту классический вопрос кладоискателя.
— Вам и Журавлеву по десять процентов.
— Договорились, — кивнул писатель. — Только почему именно десять? Нет, я не против, но мне интересно — откуда эта цифра вылезла?
— Не знаю даже. Ну, хотите девять?
— Давайте сначала найдем. Мы даже не знаем, что там, — заметил Барбакару.
— Ладно, давайте девять, — со смехом кивнул Журавлев. — И бесплатное проживание пока всех не выселят.
— Это уж дудки, — сказала вернувшаяся с ключами Мила. — Пойдемте? Батарейки я нашла.

Перегороженный стенками дымоходов, чердак казался бесконечным лабиринтом, откуда тянуло пересохшим деревом, ржавчиной и голубями.

— Сколько здесь каминов, — пробормотала Мила, — одни дымоходы вокруг. — И под которым теперь смотреть?
— Придется все обследовать, — сказал Краснов и пошел вперед. — Предлагаю для начала их сосчитать и нанести на схему. Пространство под крышей, соединяющей линию старых домов, было чуть поменьше футбольного поля. Через полчаса Барбакару держал лист бумаги, на который были нанесены клетки каминных выходов.
— Шестьдесят четыре, — объявил доцент. — Как на шахматной доске. — Думаю, надо разделить, и пусть каждый проверит свои шестнадцать клеток.
— Фонарик один на всех, надо держаться вместе, — попросила испуганная Мила.
— Тогда начнем с любой.
— Которая же из них «любая»?
— Хорошо, — сказал Краснов. — Где карта? Будем искать по системе. Так как число клеток соответствует разметке шахматной доски, предлагаю применить дебют Алехина: завлечение, отвлечение, устранение защиты. Первый ход Е 2 — Е 4.

Переместившись в четвертый ряд, кладоискатели подошли к третьей справа каминной клетке.

Еще раз прослушав запись, Леопольд решил до поры не говорить бабушке об услышанном, а действовать согласно генеральному плану. Поэтому ближе к ночи он сидел в ресторане «Бесплатный сыр». Заведение считалось одним из элитных не только из-за необычного дизайна. Здесь неограниченно и, в самом деле, бесплатно подавалась изощренная коллекция сыров. Стоимость прочих пунктов меню с головой компенсировала сырный коммунизм и закрывала дорогу в ресторан любому, кто не был готов заплатить за бутылку минеральной воды цену минимального прожиточного минимума, обещанного правительством в отдаленном будущем. Леопольду даже подумалось, что при расчете высокие чиновники, составлявшие основную часть посетителей ресторана, основывались именно на стоимости минералки в «Бесплатном сыре», чтобы таким образом подчеркнуть прозрачность и чистоту собственных намерений.

Столики ресторана были помещены внутрь никелированных клеток-мышеловок и занавешены друг от друга дырявыми коврами, якобы проеденными домашними грызунами. Напротив Леопольда сидел пожилой мужчина крепкого телосложения, чье лицо было перечеркнуто тонким белым шрамом.

— Я тебя не понимаю, — сказал он Леопольду. — Почему ты мне об этом рассказываешь? Тебе сложно пойти на чердак?
— Понимаете, я этот дом продаю сейчас людям. Если меня там увидят, могут возникнуть вопросы. Я бы кого-нибудь из своих отправил, так никому не доверяю.

— А мне, значит, доверишь?
— Вас я знаю. Вернее, моя бабушка знает. Она говорит, любые вопросы по недвижимости решаете.
— Ладно. Бабушке привет. Моя доля какая?
— Десять процентов? — спросил Леопольд. — Или даже пятнадцать.
— Пятьдесят, — улыбнулся седой. — Мы не сухое молоко перепродаем. Мы клад ищем.
— Ну, — замаялся Леопольд, — там дел-то всего пойти и взять. А идея моя.
— Так и сходи сам.
— Повторяю, мне нежелательно. Может быть, вас двадцать пять процентов устроят?
— Вот ты говоришь — идея твоя. Но что если я сейчас пойду и сам твоей идеей и воспользуюсь? Без тебя.
— Вы так не сделаете.
— Не сделаю. Много у тебя еще людей, которые так не сделают?
— Таких людей нет давно. Поэтому бабушка вас и попросила помочь.
— Вот поэтому пятьдесят процентов.
— Ладно, согласен. Мы договорились?
— Слово офицера. Когда?
— Чем скорее, тем лучше.

— Самое близкое общение может происходить только на грани непонимания друг друга, вдоль этой грани или вообще в синхронизированных смысловых плоскостях... — расковыривая руками кладку, покрытый кирпичной пылью Краснов продолжал развивать теорию сетевого интеллекта, сожалея об отсутствии под рукой доски с разноцветными маркерами для иллюстраций. — Здесь пусто. Так, теперь подставляем под бой коня. Пойдемте на эф-шесть!

— Дайте отдышаться, — Журавлев отворил половинку слухового окошка и влез на крышу. — Уф, хорошо. Воздух!
— И вид потрясающий, — присоединился к нему Барбакару.
— Послушай, дорогой, — обратилась Мила к супругу. — Нам сколько осталось ходов?
— Дебют отыграли, с обеих сторон.
— Так может, вернемся играть миттельшпиль после обеда? Поспать надо.

С высоты голубиноного полета улицы и переулки всегда кажутся ближе, чем когда по ним идешь, а машины и люди —

наоборот. Наблюдая за огнями ночного города, Журавлев и Барбакару сидели верхом на слуховом окне.

— Кто наблюдает ветер, тому не сеять, — процитировал писатель, — и кто смотрит на облака, тому не жать. Скажите, художник, на что вы ваши деньги потратите?

— Какие деньги? — встрепенулся задремавший Барбакару.

— Если клад найдем.

— Мало ли. Мастерскую побольше куплю.

— Ну что у вас за привычка отвечать ответом на вопрос? И зачем вам большая мастерская? С вашими миниатюрами можно работать хоть в тумбочке.

— Не скажите. Чем больше мастерская, тем лучше миниатюры, проверено, — напрягся Барбакару.

— Я надеялся, что вы у меня о том же спросите. Вот поинтересуйтесь. Куда я дену деньги, когда мы продадим сокровище?

— И куда же?

— Не знаю, — серьезно ответил Журавлев. — Даже думать боюсь. Но куда-нибудь дену, это точно.

— Пальто не забудьте купить, — вставила поднимающаяся по гулкому скату Мила. — Вы свое где-то забыли весной, помните? А мы с Красновым собираются этот дом выкупить.

— Хорошая идея, — ответил Журавлев.

— Да, тогда можно будет на первых этажах сделать частную гостиницу.

— Да я не о доме, я о пальто, — Журавлев вздохнул. — Надо не забыть. Вот. Одна полезная покупка есть.

Внизу шуршали машины, и гудел тот самый далекий гул, который вечно слышен в центре Москвы, порождая у приезжих невероятные версии его происхождения, а у местных жителей давно и неразделимо слившийся с гулом в висках. Крыши старых домов тянулись к скрытому горизонту, испуганно расступались вокруг стеклянных бизнес-центров и вновь соединялись, чтобы на первой остановке от Садового кольца сойти на нет.

Если бы Журавлев смотрел не вниз, а перед собой, то, возможно, заметил бы крошечный домик на крыше, скрытый лесом антенн и дымоходов. Вокруг крыльца стояли кадки с фикусами и пальмами, а сам домик напоминал нечто среднее между таллинским кафетерием и традиционным японским жилищем с раздвижными стенами. На крыльцо вышел Иваныч в трикотажном спортивном костюме и стал кормить голубей гречневой кашей.

Глава 7

Руку и сердце. Последняя клетка.

Невыполнение Правил может привести к тяжелым и невосполнимым потерям.
(Инструкция ОАО «Мосгорлифт»)

Приблизительно в половине девятого утра пятницы неприветливое серое здание исторгло Клейна и Алимова под утренний свет.

— Вот, блин, — нарушил тишину Клейн. — Давно такого не случалось. Побили — раз. Ограбили — два. До утра личность просяняли — три. Денег нет. Паспорта нет. И даже любимой девушки у меня нет, чтобы ей на жизнь пожаловаться.

Подходя к остановке, Клейн обернулся и плюнул в сторону серого здания.

— Без документов могли и дольше продержат, — сказал Алимов. — А девушки не любят, когда при них так выражаются, вот у тебя и нет любимой девушки. Я очень прошу, прекрати негатив гнать, а то у меня такое чувство, что наши неприятности с этого и начинались. Не то я домой поеду. Честное слово.

— Да нет проблем, — Клейн хитро усмехнулся. — Больше не буду. Вот только выскажусь напоследок, и все. Если хочешь, можешь закрыть уши. Не бойся, все плохое уже случилось.

Клейн громко произнес фразу из нецензурных синонимов, добавив в финале несколько таких же неприличных прилагательных.

— Вот, сразу легче стало, — объявил он. Тотчас же перед Алимовым возникли два сонных человека в форме. Он даже не удивился, когда на него надели наручники, и, вместе с Клейном, повели обратно.

Алимова оставили сидеть в обществе неприветливого сержанта, а Клейна в соседнем кабинете усадили на привинченный к полу железный табурет. Вошел следователь — барышня лет тридцати, обладательница густых коротких ресниц и большого носа с мужественной горбинкой. Не взглянув на подозреваемого, она долго ворошилась в ящиках стола, потом подняла глаза и вперила их в притихшего Клейна.

— Ну?

— Что? — спросил Клейн.

— Сам знаешь, — сказала следователь. — Ты до чего докатился? Хату с приятелем выставил у одинокой старушки.

— А? — спросил Клейн, — Варя? — Короткие ресницы под нелепым синим капюшоном, тонкая фигурка и невесомое дыхание вспомнились так ясно, что волосы зашевелились даже на ногах.

Они познакомились в институте. Были походы в кино, экспедиция на байдарках в компании одноклассников, чай на кухне. Мама не одобряла Алешины прогулки, и когда Варя звонила, легко могла сказать, что сына нет дома.

— Я — мать, — говорила она, — и лучше знаю, что тебе нужно. Занимайся математикой и выбрось девочек из головы.

Мама всегда называла ее — «девочки». Варю ничуть не задевало такое отношение, и однажды она сообщила Алеше, что выходит замуж за одноклассника-байдарочника. Это событие не особо огорчило Клейна, в то время увлеченного теоремой Ферма.

— Он очень способный мальчик, — хвасталась мама, беседуя на тесной кухне с подругами, такими же служащими пыльной конторы. — Весь в отца, — обязательно добавляла она чуть тише, чтобы не слышал спящий в соседней комнате сын.

В этот момент под различными предложениями подруги обычно расходились по домам, не без основания предполагая, что вскоре хозяйка начнет наливать себе сама, выпьет несколько рюмок подряд, и станет плакать.

Через три года Варя развелась с байдарочником и уехала в Новую Зеландию. Подругам она рассказывала, что познакомилась по Интернету с каким-то сорокадвухлетним производителем овечьей шерсти, и тот предложил ей виртуальные руку и сердце. Она всем так и говорила «руку и сердце». Перед самым ее отъездом, они случайно встретились в переулке Гвидо Фон Листа.

— Понимаешь, ты умный, — сказала Варя, когда Клейн предложил не спешить с замужеством и возобновить отношения. — И необычный. Только так себя ведешь, что кажется — нет для тебя таких понятий как «любовь», «нежность», «преданность», «счастье». Или, там, «судьба», — глаза Вари наполнились слезами, а ее и без того крупноватый нос распух и покраснел. — Ты весь математический. Прощай.

И она его поцеловала. В щеку.

Дома Клейн включил компьютер и ввел в строку поиска слова «любовь», «нежность», «преданность», «счастье», «судьба». Спустя секунду, Интернет выдал тошнотворный список:

Два тинэйджера занимаются любовью на задней парте — (3 видеоролика)

Озабоченная хозяйка и ее преданный дог — (10 фотографий)

Нежная японская домохозяйка и сантехник — (20 фотографий)

Судьба юного барабанщика — бойскаута (2 видеоролика)

Встреча Нового Года во вьетнамском общежитии — (500 фотографий).

Мама неожиданно сделала карьеру, ее пыльная контора оказалась банком, и они переехали из малогабаритной «однушки» в гигантскую квартиру на набережной, из окон которой виднелись подсвеченные башни Кремля. С подругами она теперь встречалась в ресторане, а если и приглашала кого в гости, то никто не спешил домой. Наоборот — все старались остаться ночевать, несмотря на то, что привычка выпить несколько рюмок подряд у мамы осталась. Правда, теперь она уже не плакала и не жаловалась.

Несмотря на давнее знакомство, принципиальный следователь Варя продержал Клейна и Алимова в отделении до утра. Выяснилось, что документы, отданные накануне грабителям с бульвара, только что были найдены на месте квартирной кражи. Потом все как-то безболезненно разрешилось: украденное нашлось, коллегам вернули документы, часы и часть денег. К тому же, Варя превратилась из следователя в добрую знакомую, отстригла от крови рубашку Клейна и выдала им официальный документ, удостоверяющий, что граждане Клейн и Алимов привлекались в качестве свидетелей органами внутренних дел. На прощание она даже поцеловала Клейна и записала телефон на бумажном обрывке.

Домой ехать не хотелось. Было решено зайти к Романову и угостить уволенного коллегу завтраком. Пройдя мимо витрин супермаркета «Шорты. Шторы. Шпроты», они свернули с Малой Лубянки в Варсонофьевский переулок и вошли в арку, ведущую в скворечник двора. Тут у Алимова застряло в желудке. Это ощущение вполне могло быть признаком подступающих неприятностей, и он внимательно огляделся. Окна были темными, кроме одного — на последнем этаже. Во дворе стоял запах столярной мастерской, вдоль стен ровным каре громоздились темные контейнеры для вывоза строительного мусора.

— Сюда, — прошептал Клейн, откуда-то вытаскивая почти целый стул. Приставив стул к стене, он через секунду подтягивался на подоконнике. Алимову ничего не оставалось, как проследовать тем же путем, хотя внутренний голос, пытавшийся его остановить, почти перешел на визг. Первое, что стало неожиданным — изнутри дом был освещен.

— Светомаскировка, — кивнул Клейн на фанерные пластыри на окнах. — Как во время войны.

— Спит Романов, — сказал Алимов, еще раз нажимая на кнопку звонка. — Ну, что, пойдём на улицу?

— Тихо, — прошептал Клейн. — Давай наверх.

Стараясь не шелестеть по мрамору ступеней, они поднялись на последний этаж, откуда микроскопическая чугунная лестница вела к сводчатой двери чердака. Замок был открыт и висел рядом на гвозде.

— Давай на крышу залезем, — нетерпеливо сказал Клейн.

— Слушай, а на работу? Сегодня только пятница.

— Да ладно, у нас есть документ из милиции. Переправим девять часов на девятнадцать, и все дела. Отдохнем денек. Предлагаю погулять по крыше, а как Романов проснется, пойдём пиво пить.

Они продвинулись вглубь чердака, несколько раз свернули в примыкающие галереи, но выхода на крышу не нашли. Клейн подобрал медный вентиль от самовара и пистолетную гильзу, Алимов — затертую почтовую открытку с изображением ангела. На обратной стороне можно было различить расплывшийся текст:

...мной так неожиданно и странно... бесконечно... любить тебя...

P.S. Того, что между нами... очень хочется

— Послушай, — спросил Алимов, пряча открытку, — почему Романова жена бросила?

— Ну, она нормальная, — Клейн пытался осветить окном мобильного длинную анфиладу, открывшуюся за поворотом. — А он — нет. За пять лет выше гамма-самца не поднялся. Она все поняла и свинтила.

— Разлюбила?

— Вот только давай не будем все на любовь или нелюбовь валить, — завелся Клейн. — Это слово склоняют во все отверстия, и никто не знает, что оно значит.

— Ладно. Не хочу спорить. Давай возвращаться. Арсений, наверное, проснулся.

— Да ты что? Здесь, может быть, за последние сто лет человеческая нога ступала раз или два!

Коллеги продолжили путь в глубину анфилады. Подножия многочисленных каминных труб багровели свежееотбитой кладкой.

— Ерунда это все, — твердо сказал Алимов.

— Что ерунда? — возмутился Клейн. — То есть, в каком смысле? Видел — какой там висит замок? Случайно закрыть забыли, больше такой возможности не будет.

— Я о любви. Я когда в «Мираже» работал, налюбился по самое не могу. «Мираж» — это банк, куда пароходство морякам зарплату перечисляло, — пояснил Алимов, — а я женам моряков ее выдавал. Представляешь? Каждый день — сотня.

— Чего сотня? — не понял Клейн.

— Сотня жен. Жен моряков. Я по глазам стал определять: у этой — муж два месяца в рейсе, а у той — полгода...

— Да... — мечтательно протянул Клейн. — И что?

— Ну, поначалу весело было. Но потом все в один день закончилось.

— Устал? — участливо спросил Клейн.

— Нет, по-другому все вышло. Было у меня две подруги. У одной муж — капитан, а у второй — старший механик. Первая романтическая была особа: карма, чайная церемония, благовония...

— Знаю таких, — заявил Клейн. — Сто процентов: индийскую народную музыку слушает и мяса не ест.

— Типа того. Замороженная, конечно, но красивая. И что-то подобное она слушала, точно. Но мясо ела. Заботливая была такая, добрая.

— Понимаю, — кивнул Клейн. — Классический вариант — «Женщина-мать зовет».

— Другая была — полная противоположность, — продолжал Алимов. — Такая маленькая, в смысле роста. Худая, но сильная. Я ее называл «».

Алимов остановился и шнур подошвой трубу ближнего дымохода. Пересохшая кладка провалилась, крупные осколки загрели внутри трубы и глухими шлепками отозвались из подвала.

— Тихо, разбудишь всех! Ты только не нервничай, — Клейн поверх очков заглянул в дыру. — Давай, дальше рассказывай.

— Сижу я как-то дома, собираюсь спать. Вдруг звонит телефон. Поднимаю трубу — а там жена капитана. «Ах, — говорит, — сегодня полнолуние, мне так страшно, вчера инопланетяне приснились, боюсь, что-то с Васей случилось». Вася — это мужик ее, капитан. Нормальный такой, я его видел один раз, он потом спиваться начал и таможенником устроился. Дальше, короче, она говорит — приезжай. А мне утром на работу. А она: «Если не можешь приехать, давай помолимся сейчас одновременно, чтобы все было хорошо».

— Что сделаем? — не понял Клейн. — Помолимся?

— Ну да. Элементарно помолимся, чтобы все было хорошо.

— А ты что?

— Мне не сложно помолиться за хорошего человека, — с вызовом ответил Алимов.

— Это как — на брудершафт, что ли помолимся? Так, а дальше что было?

— Дальше мы договорились, что сейчас повесим трубки, прочтем молитву и получится, что мы сделали это синхронно. Я кладу трубку, и телефон звонит еще раз. Угадай кто?

— Эта...? — догадался Клейн.

— Точно. Такое совпадение. Короче, звонит она из какого-то клуба. Пьяная слегка, и подозрительно бодрая. Типа, хочешь тебя здесь и сейчас. А мне утром на работу. А она и предлагает: «Я сейчас себя поласкаю, и ты синхронно сделай то же самое, — говорит, — будем в этот момент друг друга представлять и получится, что мы вместе».

— Смотри-ка, находчивая какая принцесса, — восхитился Клейн, внимательно исследуя пространство внутри раненного

дымохода. — И что?

— Сначала мне смешно было, — признался Алимов, — одновременно две просьбы выполнять. И потом такое чувство накатило — не передать. Понял я тогда, что всю жизнь половое влечение за любовь принимал. И не только я. Короче, пойдем дальше.

— Подожди. Здесь что-то есть, — сказал Клейн, начиная расшатывать кирпичи и по одному вынимать их из кладки. Тяжелый осколок полетел в трубу, прогрохотал по стенкам и с глухим стуком упокоился на дне.

— Все, уходим, — он вытянул из дымохода пыльный кожаный футляр. — Что-то не очень тяжелое. Пойдем на свет, поглядим.

На выходе из чердака коллег ожидал неприятный сюрприз: сводчатая дверь оказалась закрытой.

— Я же говорил — нам очень повезло, что дверь была не на замке, — возбужденный Клейн стряхивал с находки ржавую пыль. — Пойдем на крышу, а там по верху переберемся куда-нибудь.

Крыши домов вздымались и скатывались зелеными и голубыми холмами. Все это было похоже на море, особенно если прищурить глаза. Алимов так и сделал.

— Эх, красота! — Клейн стоял на краю и смотрел в небо. — Знаешь, как йоги солнечный свет едят? На рассвете надо дожидаться первого луча и попытаться этот свет проглотить. Ну что, посмотрим находку?

Проклепанный медяшками чехол из грубой кожи представлял собой правильный цилиндр — наподобие тех, в которых носят чертежи, только больше в диаметре и в три раза короче. Цилиндр был плотно закрыт на замок, о чем свидетельствовала микроскопическая медная скважинка.

— Нужен ключ, — сказал Алимов.

— Может, тебе еще и дверной звонок? — ковыряясь скрепкой в замке, спросил Клейн. — Надо его разрезать чем-то, но нечем, — Клейн громко произнес сложноподчиненную фразу из нецензурных прилагательных, на этот раз отнеся общий словесный поток эффектной серией существительных. Алимов сжался в ожидании неприятностей.

— Слышишь, дядя, дай мобилу позвонить, — оглянувшись, коллеги обнаружили себя в сходящемся полукольце из десятка подростков.

— Хочу маме сказать, что со мной все в порядке, — смуглый пацан в майке с изображением Карлсона протянул руку за телефоном. — Не жадничай.

Получив телефон, подросток не стал никуда звонить, а передал трубку куда-то назад и подойдя почти вплотную, задал вопрос:

— Меня Равиль зовут. А тебя?

— Ты кто? — раздраженно спросил Клейн.

— С какой целью интересуешься? — вопросом на вопрос ответил смуглый. — Хочешь побазарить?

— Не хотим мы с вами базарить, — ситуация расстраивала Алимова все больше. — Мы вас не звали сюда.

— Вам, значит, запахло с нами побазарить? — оскорбленным тоном взвился Равиль. — Не уважаете нас, выходит?

— Да нет, — растерялся Алимов. — Мы просто не ждали...

— Чего вы не ждали?

— Ничего не ждали.

— То есть вы не рады нас видеть?

— Да не в этом дело, — запутался Клейн.

— Что это ты оправдываешься? — поинтересовался тот, кто стоял рядом с Равилем.

— Я не оправдываюсь.

— Да? А что ты сейчас делаешь? Что ты только что сказал? — голос стал однозначно угрожающим.

Через полчаса коллеги вышли из подъезда соседнего дома, без портфеля, телефонов и денег.

— Самое обидное — так и не узнали, что в футляре, — Клейн обреченно шагнул по Кузнецкому мосту. — Зря ты оправдываться начал.

— Это ты орать зря начал, — Алимов остановился. — Все, я ловлю тачку и еду домой.

— Слышал, что этот Равиль нам втирал? Какой-то неприкосновенный запас. Ты понял?

— Он сказал, что те слова, которые ты громко произнес, составляют общий неприкосновенный словарный запас. И ты его единолично расходует. А значит, ты должен. И ты согласился.

— Не согласился бы — хуже было бы. Смотри, у меня в заднем кармане сто рублей осталось. Давай по пивку, дома-то что делать?

В тот момент, когда Клейн и Алимов пошли пить пиво к метро «Кузнецкий мост», в дверь доцента Краснова позвонили.

— Уголовный розыск, немедленно откройте! — представившийся таким внушительным образом и сопроводивший свои слова новыми нажатиями на кнопку звонка неизвестный (или неизвестные), тем не менее, таковыми для Милы Макаровой и остались, оттого что была она дамой здравомыслящей, рассудительной, неглупой и уж, по крайней мере, относительно ранних визитеров способной предположить любое.

— В двери нет глазка, — громко сказала она в замочную скважину, — не могли бы вы опустить ваше удостоверение в щель под надписью «Для писем и газет»?

За дверью стало так тихо, как будто это навсегда. Обеспокоенная Мила вернулась в столовую, где кладоискатели пили коньяк после безрезультатного «дебюта каминных труб», как назвал предложенную доцентом систему поиска клада писатель Журавлев.

— Началось, — грустно сообщила Мила. — Если уже уголовкой пугают, скоро придут выселять силой. Надо собирать вещи.

— Погоди, — сказал доцент. — Как же миттельшпиль? Дедушкин клад?

— Не до твоих забав сейчас, — Мила говорила с Красновым как с маленьким ребенком. — Я теперь даже на площадку боюсь выйти. Все, игра окончена. Цейтнот.

— Пойду Арсения предупрежу, — сказал Журавлев. — Потом посплю до вечера, а то после спиритического сеанса я уже сам как дух. Давайте только коньяк допьем, раз уж всех расселяют.

Спустившись на третий этаж, Журавлев дважды нажал на кнопку звонка, и сделал шаг назад, когда из-за двери выглянула всклокоченная голова Романова. Пройдя в столовую, детский писатель уселся в продавленное кресло.

— Как ваши дела, Арсений? Пишете?

— Почти дописал, — ответил Романов. — Редактирую. Скоро дам почитать.

— Я современных не читаю, — отмахнулся Журавлев. — Сам современник. Вообще-то, не стоило начинать с крупной формы, увязнете.

Он окончил Литературный институт и был единственным из всех знакомых Арсения настоящим писателем с дипломом.

— Рассказы надо писать, миниатюры. Вот я — сказки пишу.

— Для детей? — зачем-то спросил Арсений.

— Вот и не угадали. Для зверей. Сборник так и будет называться. Давайте я прочту одну, она короткая.

Откашлявшись, Журавлев достал мятую тетрадь и прочитал название:

— «Сергей Журавлев. Сказки для маленьких зверей». Простите, Арсений, а у вас пива нет?

— Нет, к сожалению.

— Ну и ладно. Сказка называется «Последняя клетка».

— Не понимаю, — сказал Мишка. — Вроде бы из одной клетки вышел, а в другой все равно остался

В одном маленьком городе, жила-была Баба-Яга, и звали ее Анастасия Гедеоновна. Была она еще молодой: прошлым летом ей исполнилось всего лишь двести двадцать три года. Приехала Баба в город лет пять назад и сразу же стала учиться и работать. Училась Анастасия Гедеоновна неизвестно где, а работала — в зоопарке, кормилицей. То есть, официально работа называлась как-то иначе, но сама себя она величала именно так.

Каждый Божий день, утром днем и вечером она проезжала на маленьком электромобиле мимо клеток и развозила животным угощения: слону — яблоки и морковку, павианам — хлеб и сыр, жирафу — соленые фисташки, тиграм — колбасу.

Все очень любили Бабу-Ягу, и не только за гостинцы — ведь была она бабой доброжелательной, красивой и неглупой, способной с каждым поддержать разговор на интересующую тему. Тапира, к примеру, интересовала политическая экономия, и Анастасия Гедеоновна не только приносила ему свежие газеты, но и обсуждала потом перспективы глобализации, терроризма и petroleum bubble. С макаками Баба говорила о йоге, вегетарианстве и духовной эволюции, с бегемотом — о кулинарии, со свиньями — о современном искусстве.

Лучшим собеседником и самым близким ее товарищем был белый медведь. Он только недавно устроился работать в зоопарк и еще не мог привыкнуть сидеть в клетке на виду у посетителей. Баба, как и Мишка, была родом с Крайнего Севера, и это их еще сильнее сблизило. Интересовался Мишка ничем. То есть, не то чтобы он ничем не интересовался, но разговаривать любил на отвлеченные темы. Так, ни о чем.

Однажды поздним вечером, когда все животные уже укладывались спать, Анастасия Гедеоновна принесла медведю его любимое лакомство — шоколадные конфеты «Мишка на Севере» и присела у клетки. Они до рассвета проговорили о созвездиях и облаках, о чистом северном ветре и бескрайних снежных пространствах, о временах года и много еще о чем. Когда кромка неба чуть пожелтела, Мишка сказал:

— Анастасия Гедеоновна, надоело мне в клетке сидеть. Хочу лапы размять. Выпусти ненадолго, пока никто не видит. Пройдемся тихонько по зоопарку, и потом ты меня обратно закроешь.

— Ладно, — сказала Яга. — Сама рада погулять.

Выйдя из клетки, медведь сделал несколько приседаний и беззвучно пробежался по аллее на мягких лапах. Баба шагала следом. За полчаса они обошли вдоль стены почти весь зоопарк, пока не уткнулись в большие железные ворота заднего двора. Замок на воротах был точной копией того, который недавно открыла Анастасия Гедеоновна.

— Не понимаю, — сказал Мишка. — Вроде бы из одной клетки вышел, а в другой все равно остался.

— Так все у людей устроено, — объяснила умная Яга, — внутри каждой клетки есть еще одна, поменьше. А в ней — есть еще поменьше. И так далее. Это как матрешка. Самую маленькую клетку, которая внутри всех, даже зоркая птица в упор не разглядит. Вот какая мелкая. Все вместе это называется «клеточное строение материи».

— Самая маленькая клетка — понятно. А самая большая? — спросил Мишка. — Где она? И что будет, если из нее выйти?

— Этого я не знаю, — зевнула Баба. — Ладно, пойдем, скоро на работу, надо поспать хоть часик.

— Если поспать часик, потом еще хуже будет, — сказал белый медведь. — Сама знаешь. Интересно, если из самой большой клетки выйти, что там?

— Да какая разница? — Баба подозрительно глянула на Мишку. — Ты идешь?

— Иду! — громко ответил медведь. — Иду искать выход из последней клетки! — и он изо всей силы ударил плечом по воротам, от чего они заскрипели, покачались немного и рухнули со страшным грохотом.

Секунду ржавая пыль вилась в полной тишине, слышно было только газвонное и сосредоточенное Мишкино сопение. Затем заорали испуганные павлины, к ним присоединились макаки, слоны затрубили тревогу и даже нильский крокодил Ганс раскрыл метровую пасть, чтобы издать тихое мяуканье.

— Бежим! — крикнул Мишка.

Они выбежали на улицу, свернули в узкий переулок, пересекли площадь и без остановки бежали дальше и дальше, пока совсем не выбились из сил. Мишка огляделся. Вокруг росло много деревьев, за которыми поблескивал пруд.

— Это парк имени Дарвина, — сказала Баба-Яга. — Надо возвращаться.

— Нет, надо идти дальше, искать выход из последней клетки.

— Ну и как мы его будем искать?

— Не знаю, — Мишка почесал затылок. — Ты все знаешь. Что делают люди, когда хотят что-то найти?

— Ну, они в Интернет лезут, — неуверенно ответила Баба.

— Так давай залезем! — медведь даже пританцовывал от нетерпения. — Куда лезть?

— Слушай, я не уверена, что знаю, как это делается, но мне точно известно, что сегодня у меня зарплата, — ответила Яга и развернулась спиной к пруду. — Ты как хочешь, а я пошла, — говорила она, чувствуя, что с каждым шагом ей все меньше хочется уходить от Мишки. — Это все очень интересно, только мне за квартиру платить. Ты-то в клетке, тебе хорошо...

— Нашел! — крикнул Мишка. — Нашел вход! Влезаю!

Оглянувшись, Анастасия Гедеоновна увидела только белую мохнатую спину, втискивающуюся в разлом ствола древнего дуба.

— Давай за мной, — крикнул Мишка. — Здесь Интернет!

— Дальше не стал писать, — сказал Журавлев и встал из кресла. — Теперь все от провайдера зависит.

— Какого провайдера? — не понял Романов.

— От поставщика Интернета. Я текст разослал по крупным конторам, если кто-то заплатит, буду писать дальше и вставлять скрытую рекламу в сказку.

— Жаль. Было интересно.

— Мне, Арсений, интересно только, что я есть завтра буду, — серьезно сказал Журавлев. — И пить. Я ведь человек пьющий, мне деньги каждый день нужны. Кстати, я пришел вам сказать, что этот дом не сегодня-завтра все же расселят. Так что собирайте вещи.

— А что такое petroleum bubble? — спросил Романов, провожая детского писателя до двери.

— Дословно переводится как «нефтяной пузырь». Кажется, так называют конечность и кратковременность современной эры человечества. Последняя фаза неолита.

— Какого же неолита? Неолит в каменном веке закончился.

— Ошибаетесь, друг мой. Во всех учебниках написано, что окончание неолита характеризуется появлением профессиональных армий и переходом от присваивающего труда к труду производящему, — Журавлев шурился от солнечных лучей, против всех законов физики проникавших сквозь пыльные витражи. — А теперь оглядитесь вокруг. Ну, я пошел.

Глава 8

Корень одиночества. Звезда упала. Автобиография.

В лесу многоэтажек сказал Енот Ежу

— Чем тяжелей пропажа, тем больше нахожусь

Еноту Еж ответил, улегшись на кровать

— Чем ярче солнце светит, тем крепче буду спать.

(Сергей Журавлев, «Сказки для маленьких зверей»)

Предыдущие записи перекочевали из тетрадки в файл, а для завершающего сеанса требовался Иваныч. Романов с трудом сдерживался, чтобы не сочинить финал из головы. Проштатавшись полчаса по комнате, он подчинился выработанному рефлексу и решил позвонить Вере. Они не разговаривали больше недели. За это время Арсений успел потерять работу, сменить квартиру и с помощью Иваныча написать книгу.

Последний разговор с женой мог бы возглавить рейтинг невнятности и отсутствия взаимопонимания, если бы такие рейтинги составлялись. Тогда она просила передать какие-то документы, а на расспросы о жизни жаловалась на маму и высокие цены. Арсений подумал, что сегодня, наверное, надо будет честно рассказать обо всех неприятностях, и набрал длинный номер.

— Послушай, — сказала Вера. — Как у тебя дела? С работой и вообще.

— Нормально, — Романову резко расхотелось что-либо рассказывать.

— Да? А мне сказали, что ты уволился. И с квартиры съехал.

— Ну, это временно.

— То есть ты считаешь, что все хорошо?

— Да

— Тогда я хочу с тобой поговорить.

— Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Что ты хочешь поговорить, иначе бы не говорила.

— Прекрати.

— Что прекратить?

— Должна тебе сказать очень важную вещь, — голос Веры отражался эхом. — Я остаюсь в Лос-Анджелесе.

— У тебя там кто-то появился? Я хочу все знать.

— Послушай, — сказала Вера холодно, — хочешь все знать — залезь в сеть. Ну, хорошо. Ты имеешь право. Да, появился.

— Кто он?

— Почему ты решил что это «он»?

— Кто же тогда?

— Арсений, ну какая разница.

Романов бросил трубку и только сейчас понял, что произошло. Точнее не сейчас, а вообще произошло. Он лег на диван, закрыл глаза и перестал чувствовать что-либо кроме глубочайшей усталости. Сердце билось ровно, но как-то отдельно от остального организма. В полусне, похожем на дурной триллер, снятый выжившим из ума режиссером детских утренних программ, резко прозвучал звонок в дверь. На площадке стоял Иваныч. Проведя старика на кухню, Романов опустился на стул и снова оцепенел.

— Мечтаете? — утвердительно начал беседу Иван Иванович.

— Да как-то не выспался. И кофе кончился.

— Это можно исправить.

Иваныч взял литровую эмалированную кружку, налил в нее воды и поставил на плиту. Когда вода закипела, он засыпал в кружку полпакета черного чая и сделал огонь совсем маленьким. Через несколько минут старик снял кружку, заматал ее в полотенце и поставил на стол.

— Чай-чаек, надежды огонек, — сказал старик, не глядя на Арсения. — Утро — корень одиночества, день — ствол, вечер — крона, а ночь — это ночь. Чаю глоток — восходящий поток, — бормотал он, расставляя чашки и вываливая на стол горсть фруктовых леденцов «На орбите». — Чай — это маленькое гнездышко в листе одиночества. Попейте, полегчает.

— Что полегчает?

— Там видно будет. Сил прибавится.

Сил прибавилось после первого глотка. Стук сердца снова стал отдаваться в висках, но теперь кровь циркулировала через ясный и трезвый мозг, наполняя тело бодростью и пузырясь под кожей разрядами неистраченной энергии. Хотелось говорить, курить и ходить одновременно.

— Готовы записывать? — спросил Иван Иванович. — Сегодня заканчиваем.

— Только спросить хотел. Если совпадения не случайны, то какие они? Я в том смысле, каким словом обозначается «неслучайность»?

— Ну вот «совпалыч» — нормальное определение, чем не подходит? Так и говорили тогда. Как сейчас говорят, не знаю. Наверное, так же.

— Думаете, в наши дни кто-то еще знает?

— Прямых указаний нет. Но, судя по некоторым моментам, совпалыч используется в полный рост. По телевизору все одновременно смотрят одно и то же, — вот вам и почва для синхронизации. Схема совершенствуется, но принцип остается.

— Мне вот как раз сам принцип и не понятен. Ну ладно, бурлаки. Красиво, конечно, но с точки зрения логики не обосновано.

— Давайте я логично объясню. У всего есть причина, так? Если существует причина, значит есть и следствие. Верно?

— Верно.

— Предположим, вы хотите с кем-то поговорить по телефону. Для этого набираете известный вам номер и разговариваете, правильно?

— Как же иначе? — воспоминание о недавнем разговоре укололо под сердцем.
— То есть, чтобы следствием стал разговор, вы создаете причину — снимаете трубку, так?
— По-видимому, так.
— Значит, получается, что причина для вашего разговора с этим человеком — всего лишь снятая трубка? Неужели других причин для разговора у вас нет? Вы зачем звоните?
— Сам не знаю, — вздохнул Арсений. — Наверное, и другие причины есть.
— Какие же?
— Ну, всякие. Какие угодно. Любые.
— Вот! Причины могут быть любыми. Значит, для любого следствия есть любая причина, теперь понятно?
— Почти.
— Со временем поймете. Случайность — это не событие, это чувство. Ощущение случайности события — это чувство непонимания его закономерности. Ну, хорошо, давайте записывать, мне домой скоро.

Домой Иваныч всегда уходил через чердак. Как утверждал старик, на крыше он снимает бывший домик для птиц.
— Голубятню? — спросил Арсений.
— Нет, чердачное помещение. Голубятня — это там где голуби. А у меня полный порядок. Печка, свечка, молодая овечка. Заходите в гости, сами убедитесь.
— Какая овечка?
— Так говорится, когда в доме все есть. Или еще говорят в таких случаях: «от батона до плафона». Это из неприкосновенного словарного запаса. Много таких выражений. Только пользоваться ими надо осторожно и к месту, иначе неприятности получаются.
— Кстати о неприятностях. Мне только что сказал Журавлев, что нас вот-вот расселят.
— В самом деле? — не удивился Иваныч. — Вы не расстраивайтесь особо. Дело обычное. Как в песне поется: «Есть гнездо у птицы, норы у лисицы, а простому человеку негде прислониться». Ну что же, пойдемте, покажу вам свою хату.

Поднявшись на чердак и пройдя по крыше, Романов, и вправду, увидел небольшой домик с крыльцом, вокруг которого были расставлены горшки с комнатными растениями. Внутри было светло и просторно, несмотря на микроскопические размеры бывшей голубятни. Единственная комната служила Иванычу не только спальней и кухней, но еще и мастерской. Последнее подтверждалось наличием в углу верстачка с инструментами.

Не задерживаясь и пообещав зайти в другой раз, Арсений вернулся, чтобы набрать заключительные главы. Работа шла туго. Осадок от разговора с Верой саднил в районе солнечного сплетения. Чтобы переключить неприятное чувство, достаточно отвлечься и сделать что-то новое и необычное. Например, принять холодный душ, или почитать полчаса по-волчьему. Арсений решил последовать совету Журавлева и сочинить короткий рассказ. За десять минут он написал следующее:

Звезда упала

Крепко держась за руки, они шли по линии прибой и молчали. Молоко лунного света сворачивалось в кисловатом сосновом аромате. Саша провел пальцем по щеке Маши и почувствовал непреодолимое желание взять сейчас эту девочку на руки и нести ее по лунной дорожке, нести бережно и долго, пока смерть не остановит его. Она ощутила это желание, и нежность, поднявшись от кончиков точеных мизинцев, пробежала дрожью, отдалась пульсом позвоночника, глухой волной ударила в мозг.

— Я люблю тебя, — сказала она, — потому что у тебя такая же прическа, какая была у моего дедушки, а он рассказывал мне сказки на ночь.
— И я люблю тебя, — тихо ответил Саша, — потому что ты нравишься Сереже, а он при всех ударил меня по лицу.
— Правда, мы всегда будем вместе? — приподнявшись на носках, Маша прижалась к нему и обвила руками.
— Да, конечно, — хриплым от волнения голосом сказал Саша, его ладони медленно опускались вниз по ее загорелой спине. — Мы всегда-всегда будем вместе, и никогда не расстанемся. Каждое утро будем просыпаться в одной постели, ты будешь готовить завтраки, а я — ходить на работу и возвращаться злым и уставшим.
— По вечерам мы будем смотреть телевизор, — Маша вслушивалась, как растет под легкими касаниями его пальцев ее твердеющий сосок. — И так будет каждый день. Иногда я стану устраивать тебе истерики. И однажды скажу, что ты поломал мне жизнь.
— Да, любовь моя, — прерывисто шептал Саша. — Я как-то раз тебя ударю, и ты расцарапаешь мне лицо.
— А я изменю тебе с пожилым и некрасивым человеком, — сильные руки увлекли Машу вниз, на теплый песок. — Ты найдешь себе любовницу на работе, и я случайно об этом узнаю.
— Но мы не разведемся, а будем жить вместе несмотря ни на что, ради наших детей. — Саша покрывал дождем быстрых поцелуев ее лицо и шею, все выше поднимая край ее платья.
— Да, мой родной, мой хороший, — лежа на спине, Маша водила бедрами вокруг Сашиного пальца. — И наш маленький ребенок будет плакать во время ночного скандала, он увидит, как ты ударишь меня. Он услышит, как я рыдаю.
— О, — стонал Саша, стягивая трусики с длинных ног, закатывая доверху платье, обнажая плоский живот и полудетские груди под острыми ключицами. — Я буду напиваться в компаниях и перестану бывать дома. Ты станешь уходить ночевать к маме и не позволишь мне видеться с нашим ребенком, чтобы не травмировать его психику. Я начну употреблять наркотики, потеряю работу, заболел неизлечимой болезнью и умру.
— О, — стонала Маша. — После твоей смерти я никогда не выйду замуж. Только редкие встречи скрасят мою жизнь, я буду провожать случайных любовников и знать, что они никогда не вернуться.
— Да! Навсегда! Навсегда! Навсегда, — рычал Саша.
— Навсегда-навсегда-навсегда! — извивалась Маша, ощущая пульсирующий взрыв.
Потом они лежали и смотрели в темное небо, где, осторожно пробираясь в россыпи звездных осколков, летел спутник.
— Ой! Звезда упала, — заметила Маша. Ты загадал желание? Не произноси вслух, а то не сбудется.

Рассказ Романову не понравился. С отвращением перечитав первые два абзаца, он удалил файл и снова стал думать о Вере. Ведь взрослые люди, могли бы нормально попрощаться. С этой мыслью Арсений во второй раз за день набрал впечатанный в память номер. Как ни странно, трубку на том конце взяли после второго гудка.

— «Невесомость Инвестмент», — сказал незнакомый женский голос. — Вам назначено на сегодня, на семнадцать ноль-ноль. Пожалуйста, скажите свои данные для оформления пропуска.

— Простите, я ошибся номером, — сказал Романов.

— Смешная шутка. Вы ведь по поводу работы? У нас не может быть ошибок. Пожалуйста, диктуйте номер паспорта. Я записываю.

В голосе неожиданной собеседницы звучали нотки какой-то совершенной безупречности, и Арсений зачем-то продиктовал ей свои данные, в том числе номер паспорта.

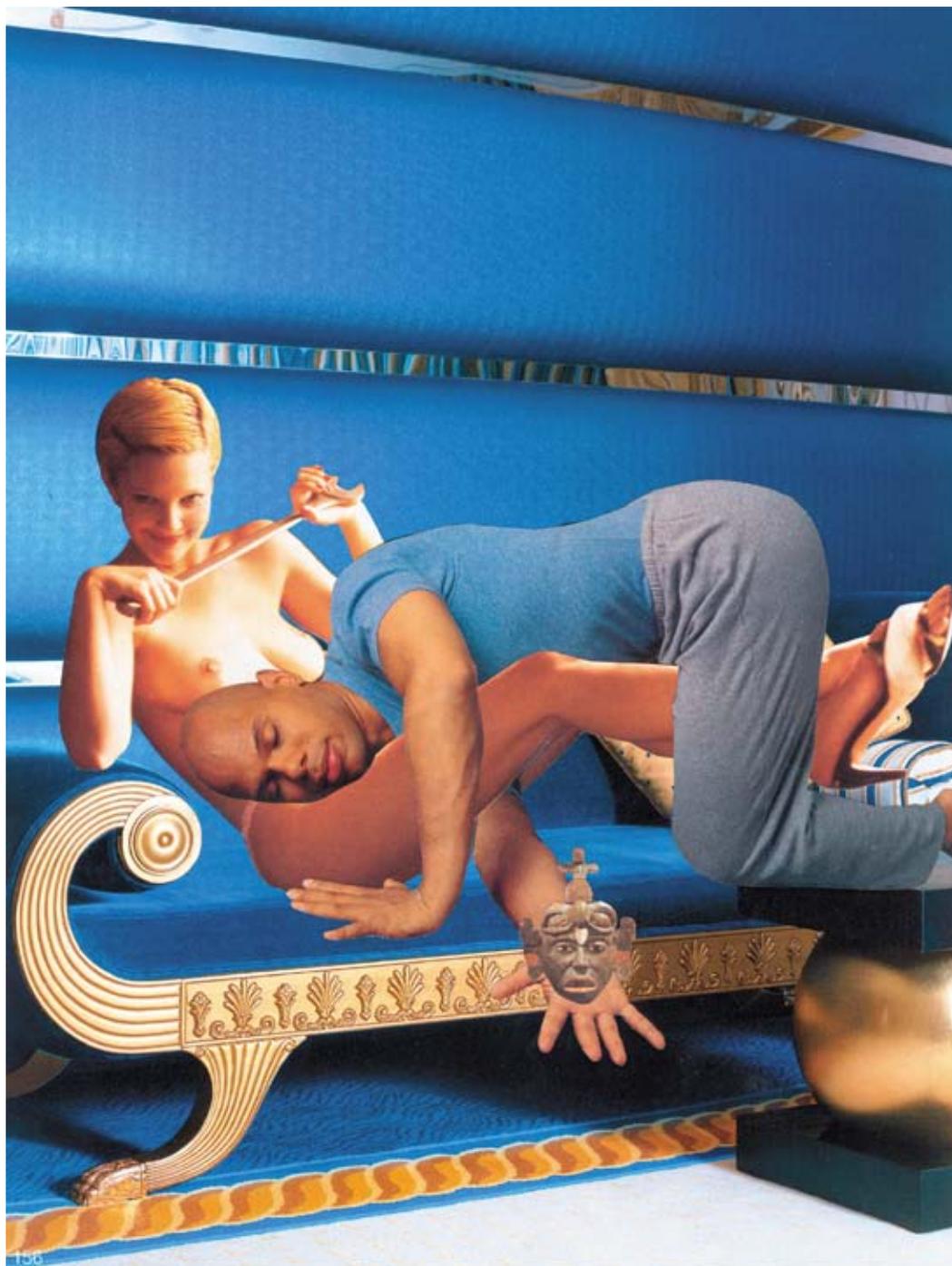
— Благодарю вас, Арсений Александрович. Куда ехать, помните?

— Нет, — признался Романов.

— Запишите, пожалуйста. Сегодня в семнадцать ноль-ноль. Площадь Киевского вокзала, под башней с часами. Автомобиль черного цвета, государственный номер двадцать-тринадцать. Записали?

— Какая марка автомобиля?

— Это не имеет значения. До свидания.

Ведь взрослые люди, могли бы нормально попрощаться

Для любого следствия есть любая причина. Похоже, реальность постепенно превращалась в иллюстрацию к беседам с Иванычем. Наскоро побрившись и затянув удавку галстука, Арсений почувствовал тоску по недавнему офисному прошлому, времени уютному и безопасному, когда мысли не были такими бездонными, а представляли собой

упорядоченное движение намерений в соответствии с графиком отпусков. С другой стороны, у работающего человека нет возможности полежать лишние полчаса в постели и без спешки подумать о вещах, к работе отношения не имеющих. Но есть ли смысл ради этих тридцати минут, плюс ради прекрасного чувства, посещающего вас в воскресенье вечером, когда вы вспоминаете, что завтра — не тяжелый день понеделник, а всего лишь — ещё один прекрасный новый день, есть ли смысл ради таких сомнительных радостей терять устойчивость существования?

С такими мыслями лучше не входить в метро. Глубоко задумавшийся человек не заметит турникета и легко проедет свою остановку, его будут толкать в спину и колоть локтями, а дежурный милиционер сразу обратит внимание на рассеянный взгляд и потребует документы. Кто-то однажды заметил, что у поднимающегося и спускающегося в метро совершенно разные выражения лиц. У того, кто едет вниз, лицо напряженное и невеселое, а кто вверх — наоборот. Встречаясь взглядами на эскалаторе, пассажиры метро вырабатывают энергию, которой могло бы хватить, как минимум, на освещение.

Двери метро захлопнулись перед носом, но поезд остался на месте, утрамбовывая начинку. Как это иногда случается, дверь неожиданно раздвинулась и через миг опять закрылась, но этого было достаточно, чтобы втиснуться в вагон и уцепиться кончиками пальцев за потолок, что в подобной давке не было необходимым. Падать Арсению было некуда. Зафиксировавшись на месте, он занялся единственным доступным развлечением — заглядывать в чужие книги. Из учебника цыганской грамматики, который читала студентка в очках, Арсений успел узнать, что «кровь» и «ночь» на языке веселого народа звучат одинаково — «рат», только «кровь» мужского рода, а «ночь» — женского.

К сожалению, долго смотреть в чужую книгу получается редко: многим дано чувствовать взгляд из-за плеча. Наверное, еще с пещерных времен, когда от этого зависела жизнь, на затылке, точнее за ушами, у человека появились еще одни глаза. Или, может быть, они появились еще раньше, или вообще были предусмотрены изначальной конструкцией. Когда соседка справа нервно повела плечами и краем глаза глянула на Арсения, он нырнул в книгу слева. Державший ее в руках мужчина с острой бородкой, почему-то стоял с закрытыми глазами, и благодаря этому Арсению удалось прочитать целое стихотворение:

АВТОБИОГРАФИЯ

Я помню мальчика с тетрадкой
где кляксы, буквы, звуки
под языком — ириска сладкая
в чернильных пятнах — руки

Я помню юношу. Украдкой
подглядывал он в вечность
под языком — ириска сладкая
в глазах — бесчеловечность

Я помню сытого и гладкого
отца и семьянина
под языком — ириска сладкая
а в остальном — трясина

Я помню валкого и шаткого
веселого поэта
под языком — ириска сладкая
а время года — лето

Я помню лишь моменты краткие.
Бегут года.
И только, слышь, ириска сладкая
Была всегда.

(Одесса, 1971.)

— Станция «Охотный ряд». Переход на станции «Театральная» и «Площадь революции».

Искаженный голос диктора влился в молчаливую какофонию открывающихся дверей и прочих звуков, проникших в вагон. Мужчина с острой бородкой открыл глаза, захлопнул книгу и запоздало стал протискиваться к выходу.

Не считая цыганского конспекта и стихотворения, Арсений за шесть остановок и один переход успел заглянуть еще в три книги, два глянцевого журнала и один договор предоставления агентских услуг, в котором совершенно ничего не понял. Тем не менее, он продолжал вчитываться, успешно добиваясь единственной цели, преследуемой современным читателем, — не думать.

Отправляясь на встречу у Киевского вокзала, Арсений был уверен в двух противоположных вещах: во-первых, никакого водителя там не будет, а, во-вторых, там, куда эта машина поедет, его быстро разоблачат и, в лучшем случае, отправят обратно, но уже пешком. Думать об этом не хотелось, и Арсений перевел взгляд в книгу только что вошедшего старика в белом спортивном костюме. После прочтения первых строчек он очень удивился.

«Саблин выделялся не только прилежным отношением к учебе, но и музыкальными способностями. Его мать, преподаватель пения одной из школ Ленинграда, смогла привить сыну любовь к музыке и творчеству. С момента поступления в морское училище и до окончания последнего курса, курсант Саблин активно участвовал в художественной самодеятельности, писал песни и был редактором стенной газеты...»

Страницу перевернули, и Арсений не успел прочитать дальше. Вот он, совпалыч, — Романов впервые использовал этот

термин в реальной жизни. На самом деле, подумал он, нет ничего удивительного в том, что героя этой книги зовут так же, как и курсанта «Гаммаруса», о котором рассказывал Иваныч. Забавно еще и то, что этот Саблин тоже был музыкальным и талантливым человеком. Но какова же вероятность того, что именно эта книга встретится Романову в метро?

Либо у старика в спортивном костюме отсутствовали уши за глазами, либо он совсем не возражал против того, что вместе с ним книгу читает кто-то еще. Он даже немного повернулся, как будто чтобы Арсению было удобнее читать. И вот тогда у Романова перехватило дыхание.

Глава 9

Белые лилии. Лучший альбом Ю-Ту. Облако. Ни родины, ни флага!

*Лежащие рядом провода обычно запутываются друг в друге.
(Домашнему мастеру на заметку)*

Родина белых лилий подвида *Perfecta Astarta* — дальний район Амазонки, где великая река начинает разбег, чтобы обрушиться с кремнистых порогов десятками больших и малых водопадов. Эти удивительные цветы, дрожащие на поверхности чистых заводей, обладают терпким, кружащим голову ароматом. Можно подумать, что такое благоухание нужно растениям для привлечения пчел и бабочек, собирающих медоносный нектар и заодно опыляющих соцветия. Но *Perfecta Astarta* не нуждается в крылатых помощниках.

Женские растения покачиваются на поверхности, удерживаемые стеблями, а мужские — остаются под водой. Их бутоны не раскрываются до того дня, пока весеннее солнце достаточно не прогреет воду. Тогда мужские бутоны отрываются от своих стеблей, всплывают и раскрываются, выстреливая споры во все стороны. Через миг их уносит к водопадам быстрое течение Амазонки, а женские соцветия остаются такими же благоухающими, но уже оплодотворенными. Пока биологи пытаются разгадать секрет аромата *Perfecta Astarta*, местные племена давно используют целебные свойства растения. В большом количестве пыльца белых лилий представляет собой смертельный яд, а в малом — священное лекарство, которое индейцы применяют в самых разных случаях.

Как я уже упоминал, аквариум в холле «Гаммаруса» был огромен. Здесь плавали стаи рыб, ползали раки и улитки, из-под коряг торчали пасти тритонов и лягушек. Среди прочей растительности на поверхности выделялись несколько белых лилий.

Проснувшись в каюте под дизельный храп Абрамыча, я ощутил жажду, что было неудивительно после бурного завершения вчерашнего собрания. Выпив два или три стакана минералки в коридоре, я дошел до холла и стал разглядывать обитателей аквариума. Спать не хотелось, побаливала голова. Заметив несколько соцветий *Perfecta Astarta* и понадеявшись на болеутоляющие свойства растения, я смазал немного желтоватой пыльцы с одного цветка — чтобы дотянуться до него, пришлось придвинуть диван к аквариуму и встать на кожаную спинку — и облизал палец. Чудовищная горечь пронзила меня с головы до ног так сильно, что я чуть не свалился.

— Что вы делаете?

Не успев оглянуться, я точно знал, кто стоит за моей спиной.

— Осторожно. Не упадите с дивана. И еще: этим растением можно отравиться.

— Доброе утро. Надеюсь, съеденного достаточно, чтобы снять головную боль. Меня зовут Иван.

— А я знаю. Я много о вас знаю. Я Люба. Можете подать мне руку?

Она забралась вверх и потянулась к белым цветам. Запах ее волос, густой и терпкий, близость тонкого тела и горечь во рту перемешались в калейдоскоп ярчайших переживаний.

— Держись! — крикнула она, чуть не потеряв равновесие. Удерживая девушку, я поцеловал ее, сначала ненавязчиво, в уголки губ, потом еще и еще раз, все глубже проникая в горький горячий рот.

— Горько, — она отстранилась и показала мизинец со следами пыльцы. Двусмысленность ее слов вдруг показалась очень смешной, и я расхохотался. Ощущая нежную плавность движений, я обнял Любу и снова крепко прижал к себе.

— Не правда ли, удивительные отношения? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Эти цветы. Они встречаются на миг, обмениваются самым важным и расстаются навсегда.

— Да, наверное. Я никогда не задумывался.

— Я тоже.

Люба приблизила лицо, и я разглядел тончайшие морщинки, какие бывают у людей, которые часто смеются. Огромные зрачки, во всю радужку темных глаз казались бесконечным тоннелем, куда мой взгляд улетел безвозвратно.

— Не знала, что так бывает, — добавила она. — Пойдем скорее ко мне, пока не началось.

В микроскопической каюте царил аромат полумрака. Плащаница разостланной постели хранила очертания тела, а смятая подушка в неуставной ситцевой наволочке, казалось, была полна недавних сновидений. От вида лежащих на столике очков дыхание мое перехватило, и я опять прижал Любу к себе. Во мне проснулась какая-то великанская нежность. Я гладил ее волосы, шептал что-то бессвязное, смеялся и, кажется, плакал. То, что произошло потом, не поддается описанию. Скорее всего, лилии в аквариуме оказались не только средством от головной боли, но и сильным галлюциногеном. Через некоторое время я крепко спал.

Вернувшись в сознание, я обнаружил себя лежащим рядом с обнаженной Любой. Тотчас завернувшись в одеяло, она села на кровати и засверкала глазницами.

— Который час? — она хрипловатым голосом нарушила тишину первой.

— Не знаю.

— Послушай, Ванечка. Ты мне сразу понравился, с первого взгляда. Но все, что произошло, ничего не меняет.

— Ладно, — ответил я. — Мы ведь жениться не собираемся.

— Уже поженились, — улынулась она, — как белые лилии. — Раз — и нет тебя.

— Ладно, — последние слова немного меня задели. — Я ухожу.

— Только не обижайся. Так будет лучше.

— Я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Я тебя люблю.

— А его?

— И его. Только с ним по-другому. Мы с ним на одной волне.

— Я в курсе.

— Можно попросить, чтобы никто и никогда ни о чём не узнал?

— Хорошо, — я стал одеваться. Остаточное действие наркотика вызвало странную реакцию: стремительно нарастало чувство обиды. Я решил попрощаться кратко и холодно, но когда она обняла меня на прощанье, раскис, как хлебный

мякиш в городском пруду.

— Знаешь, я написала тебе письмо, — видно было, что Люба сама еле сдерживает слезы, — еще вчера. Возьми, — и она сунула мне в руку конверт.

Я кое-как дополз домой, стараясь никого не встретить по дороге. К счастью, каюта номер семь была пуста, а ее обитатели навели морской порядок, прежде чем отправиться на вахту. На столе остывал завтрак, но мысль о еде вызывала резкую неприязнь. Прихлебывая сладкий крепкий чай с лимоном, я достал из конверта открытку с изображением ангела и стал читать.

Ближе к вечеру зашел вахтенный офицер и повел меня к Беспрозванному. Придерживаясь за никелированные поручни, я спускался по лестнице и чувствовал, как с каждым шагом вылетает сердце. Воспоминание о Любе перестало быть болезненным и улеглось чистым пушистым котенком. Капитанские апартаменты поразили не столько своими размерами, сколько формой. Каюта Беспрозванного была, по сути, положенным на бок огромным яйцом. За тройными стеклами иллюминатора стояла колеблющаяся тьма, чуть подсвеченная огнями лодки, так что можно было различить плоскость того самого руля глубины, который вчера стал для меня спасением. Как я и ожидал, в центре располагался рояль, однако на этот раз капитан сидел не там, а за небольшим столиком, на котором стояли в ряд несколько чайников и пиал.

— Прощу вас, Иван Иванович, — Беспрозванный на миг отвлекся от манипуляций с большим термосом. — Присаживайтесь, будьте как дома. — Он протянул мне керамическую плошку, полную зеленых бутон.

— Вдохните этот запах.

Я вежливо понюхал и вернул плошку.

— Однажды разбойник Ю-Ту, намереваясь провезти через границу провинции Ойвэй мешок запрещенного зелья, гадал в лесу на Книге Перемен, чтобы выбрать лучший день для пересечения таможни. После того как Ю-Ту произвел все необходимые действия со стеблями тысячелистника, ему выпала предпоследняя гексаграмма книги, именуемая «Же-Же», что значит «Уже конец».

Комментарий к этому знаку гласит:

Хоть возможны потери на этом Пути
Направления и лица
Все же будет несложно друг друга найти
Тем, кто дойдет до конца.

— Комментарий явно намекал на потерю драгоценной ноши, и Ю-Ту не рискнул брать ее с собой, но оставлять груз он тоже не хотел. Подумав немного, разбойник решил сам употребить все содержимое мешка, чтобы затем налегке отправиться дальше. Он выстроил шалаш на берегу лесного озера и стал заваривать зелье трижды в день. Так продолжалось семьдесят два дня, и все это время Ю-Ту не ел и не пил ничего, кроме своего напитка. За время отшельничества он написал несколько альбомов, которые до сих пор поражают ценителей каллиграфии точностью и красотой. За неимением туши, Ю-Ту рисовал крепко заваренным чаем. Когда мешок опустел, он еще раз открыл Книгу Перемен, и на этот раз выпала самая последняя гексаграмма, описываемая знаком «У-Жэ», что значит «Еще не конец».

Комментарий гласит:

Нет — это значит да
Вверх — это значит вниз
Песок — это значит вода
И красный тюльпан иногда —
Искушавшийся в краске нарцисс.

— Истолковав это предсказание как благоприятное, Ю-Ту продолжил путь. Когда он показал свои альбомы начальнику таможни, тот купил их все, сделав художника богатым человеком, после чего выдал за него свою дочь. Ю-Ту прожил долгую счастливую жизнь, оставил многочисленное потомство и несколько альбомов с рисунками. Запрещенное зелье оказалось чаем, выращиванию которого Ю-Ту посвятил остаток жизни. Чай, который мы сейчас будем пить — тот самый ойвейский сорт, который Ю-Ту пил у озера. В память о художнике, сорт так и называется — «Лучший альбом Ю-Ту», или «Во имя любви».

Голос капитана звучал мягко и доброжелательно. Все волнения слетели с меня, словно чайки с пирса, и я четко представил себе рыжебородого разбойника на берегу озера, переключившего стебли тысячелистника.

— Так бывает, наверное, только в древних легендах. Был разбойник, а чайку попил — и стал хорошим.

— Легенды описывают не только то, что происходило с кем-то в прошлом, — ответил капитан, — но и все, что может случиться с каждым из нас в будущем. Разбойник не стал хорошим, он всегда был таким, только до поры этого не знал. Ведь все люди, все без исключения — хорошие существа. Но человеку некогда это узнать о себе, а другим о нем — и подавно. Что касается Ю-Ту, то дело, конечно же, не только в чае. Проведя долгое время в усоединении, он постиг свою внутреннюю природу.

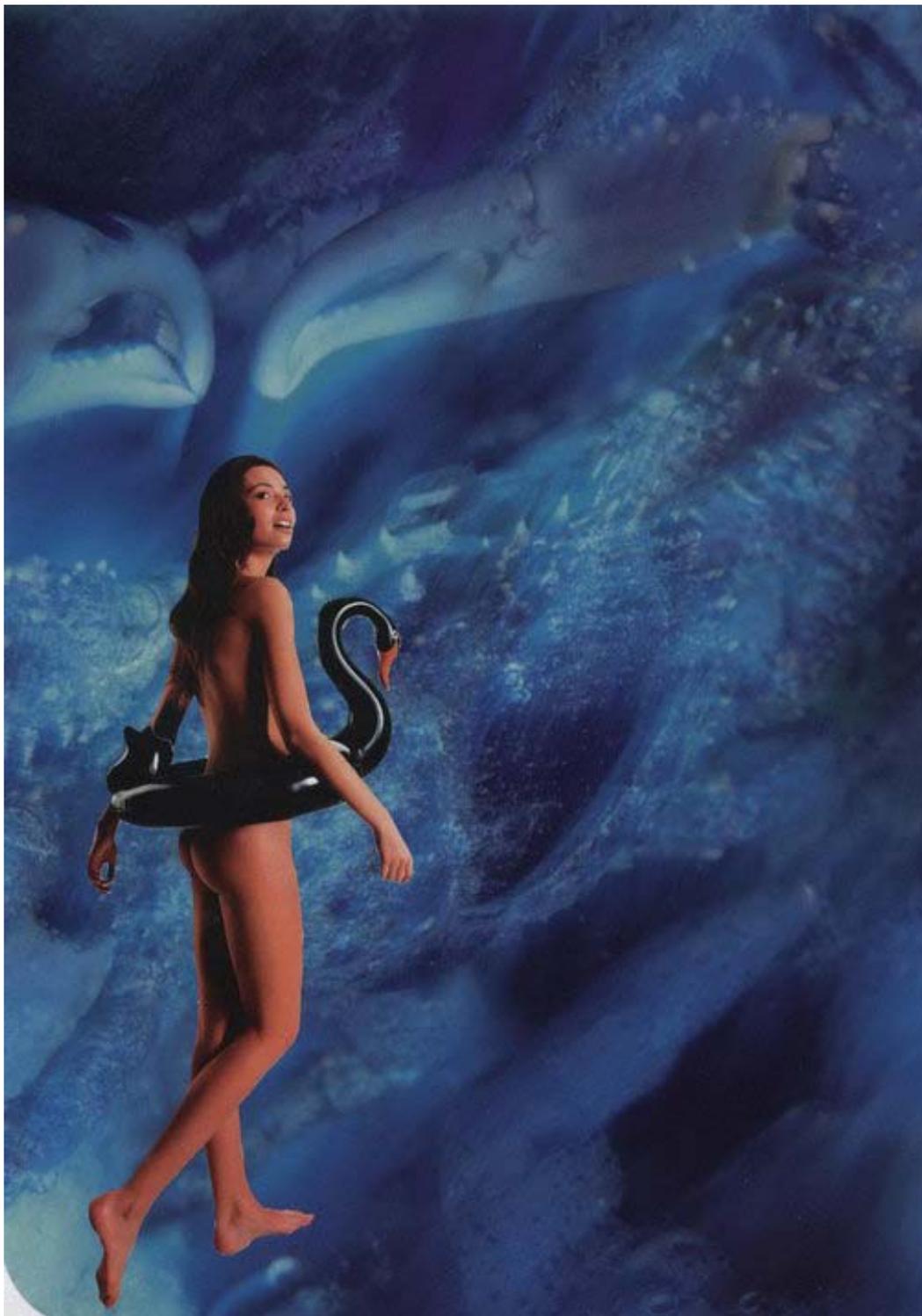
Я давно заметил: стоит услышать новое слово, как оно начинает встречаться буквально на каждом шагу. Забавнее всего происходит со всякими иностранными терминами, по поводу которых ревнители родной речи обычно сокрушаются о проникновении чужого языка. Хотя как по мне, проникновение чужого языка — это совсем другое.

У каждого слова свой аромат, и если кто-то любит сладкое и не любит соленое, он непременно станет говорить «релевантность» вместо «соответствие». Ценителям хорошего вина придется по душе слово «девиантный» за французское послевкусие, язвенник полюбит слово «дискурс», а «бифуркация» прочно войдет в рацион вегетарианца. Вкус слова «усоединение» показался мне пресным и древним, как позапрошлогодний сухарь.

— В чем, простите? Что такое — «в усоединении»? — решился я задать вопрос.

— Так для краткости мы называем три ступени одиночества: соединение, уединение и единение. Пройдя через них, человек понимает свою природу, а значит — природу всех вещей. Если сравнить с жизнью бабочки, получается, что соединение — это гусеница, уединение — куколка, а единение — сама бабочка. Жизнь наполняет ум образами, среди

которых нелегко различить, где ты сам, а где — окружающий мир. Вот для этого и нужен чай: остановиться на минуту и задуматься. Или наоборот — перестать думать и отправиться в путь. Прошу вас, пейте. Мы еще должны поговорить о вашем задании.

P.S. Того, что между нами завтра случится, вообще-то не должно быть. Но мне очень хочется.

Из беседы с капитаном я узнал, что, в общих чертах моя миссия заключалась в следующем. Вернуться в Бомбей. Потом как можно быстрее добраться до горы Кундун в Гималаях. Я должен взять на вершину небольшой футляр и открыть его в тот момент, когда увижу первый луч солнца. Все.

На просьбу прояснить смысл задания, Беспозванный сказал:

— Есть такая легенда: взошедший на эту гору и встретивший там рассвет, за краткое время переживает все события, которые должны с ним случиться. Наше дело правое. В футляре, который я вам сейчас отдам, заключено нечто, символизирующее нашу общую судьбу. Таким образом, с первым лучом солнца свершится предопределение. Или не свершится, но попытаться стоит. Вам следует торопиться: по агентурным данным, противник тоже отправил экспедицию на гору. Все ли понятно? Или я, как военный человек, слишком кратко объяснил?

— Вчера я слышал, что команда «Гаммаруса» воевать не собирается. И оружия на борту я не заметил. А вы себя назвали военным...

— С людьми, Иван, никто воевать, и в самом деле, не собирается. Но сражаемся мы непосредственно с войной.

Устраиваем братания на фронтах, помогаем уклоняющимся от призыва, и это далеко не все. Еще есть вопросы?

— Можно вопрос не по теме? Эта особа, которая вчера была на собрании. Я ее встречал в лаборатории Тремора. То есть, Краснова. Она-то здесь что делает?

— Ах, Люба? — капитан улыбнулся. — Редкая красotka, согласитесь. Она — часть эксперимента. Кажется, на берегу у нее остался возлюбленный, с которым установлена симпатическая связь. Александр Романович просил увезти ее подальше от лаборатории, чтобы проверить устойчивость сигнала. По просьбе Краснова, она практически изолирована от команды, но вчера упростила взять ее ненадолго в кают-компанию — мне жалко стало, и я взял. Только не рассказывайте Тремору: неудобно перед ним будет. Ладно? Вообще забудьте о ней, у вас другое задание. Между прочим, «Гаммарус» дальше вас не повезет — завтра утром мы вас высадим. Так что можно считать этот вечер прощальным.

— Вот вы говорите — усоединение. Остановиться, заглянуть в себя. Но как это возможно в реальной жизни? Надо покупать одежду, есть что-то каждый день, пить — тот же чай, например.

— Скажите, Иван, вы никогда не обращали внимания на аквариум в холле «Гаммаруса»? — капитан залил в маленький чайничек новую порцию кипятка.

Я вздрогнул. Неужели Беспровзванный обо всем догадался? Наверное, зрочки мои были все еще чересчур увеличены. Основным источником света в каюте служил лишь маленький фонарь, а при таком освещении нелегко разглядеть не только глаза, но и лицо. «Еще один совпальч», подумал я. Однако, памятуя лекцию Тремора, решил быть начеку.

— Да, видел, — бросил я небрежно. — Большой такой аквариум.

— Ну да, большой. Его обитателей я собираю не первый год, — капитан передал мне пиалу, полную ароматного напитка. — Замечали вы живущее там семейство белых лилий?

Мне стало совсем не по себе, тем более что Беспровзванный смотрел прямо в глаза. Отпираться больше не было смысла.

— Да. Если честно, то сегодня... Я ведь думал...

— Так вот, Иван. Посмотрите на эти лилии. Ведь они не ходят на работу. Не шьют, и не прядут, но кто может сравниться с ними в красоте одежды?

— Но это растения...

— Хорошо, возьмем в качестве примера птиц. Да хоть тех самых воронов, которых вы вчера использовали в качестве игровой фишки. Вороны не сеют и не пашут. У них нет паспортов, банков и бухгалтерии. Они не получают зарплату, тем не менее, живут в свое удовольствие. Чем же вы хуже ворона, Иван?

— Но это птицы... Вы не могли бы привести в пример человека?

— Конечно, мог бы, — Беспровзванный улыбнулся. — Например, разбойник Ю-Ту. Что же, завтра рано вставать. Вот футляр, который вы должны взять с собой.

Каюта номер семь была по-прежнему пуста. Я забрался на кровать и попытался читать книгу. Ни одна мысль не могла уместиться в моем сознании, переполненном событиями сегодняшнего дня. Вытащив из-под матраца открытку, спрятанную от чужих глаз подальше, я перечитал письмо от Любы.

«Мой, милый!

С тобой одним хочу я говорить сейчас. Тебе, родному и незнакомому человеку, я расскажу о том, что случилось со мной так неожиданно и странно. Я люблю тебя! Люблю бесконечно, от макушки до кончиков пальцев. Я совсем тебя не знаю, но уверена, что ты — самый лучший, самый сильный, самый добрый человек на свете!

Есть еще один человек, ты его видел. Он тоже лучше всех, и я люблю его.

Ах, мой дорогой! Какие пустяки я пишу сейчас, какую ерунду! После слов капитана я поняла, что могу, имею право любить тебя тоже, несмотря ни на что. Мы все — стержни великого механизма, и никто не может запретить тебе быть в моем сердце. Целую твои плечи. Всегда твоя Любовь

P.S. Того, что между нами завтра случится, вообще-то не должно быть. Но мне очень хочется».

Я откинулся на подушку и прикрыл глаза. Голова шла кругом. Первым желанием было бросить все к чертовой бабушке, захватить «Гаммарус», высадиться вместе с Любой на необитаемом острове и провести остаток жизни с этой удивительной девушкой. Однако, в мечты вкрадывалось что-то неприятное и тяжелое. У Любы есть не только я. Эта мысль становилась невыносимой. Выходило как в лекции Абрамыча. Только кто же я? Финк или Мур?

И еще одно чувство мешало расставить все по местам. Кирхен. Получается, что ее я тоже люблю? Это шизофрения! Похоже, лилии свели меня с ума. Что же, они и помогут поставить точку. Ядовиты? Отлично.

Не чувствуя тела, я вылетел в коридор и через десять секунд был возле аквариума. Диван стоял на том же месте, и казалось, его кожа всё ещё примята. Потянувшись к стеблю, я отметил, что с утра цветы прилично подросли. Perfecta Astarta увеличивалась на глазах. Вот она уже не умещается в аквариуме, заполняет холл, я оказываюсь внутри дурманящих лепестков, измазанный желтым нектаром. Постепенно я успокаиваюсь. Должно быть, яд начал действовать.

Я лежу на белоснежном облаке, надо мной синее небо, а где-то внизу, в тропосферной дымке видна земля с микроскопическими линиями железных дорог, капельками озер и разноцветными лоскутами городов и деревень. Вот я и умер. Что же, приятные ощущения. Если бы знал, сделал бы это гораздо раньше. Облако поднимается все выше, ветерок обвеивает мои босые пятки, и я замечаю, что на мне совершенно нет одежды. Это логично. Зачем теперь одежда?

— Привет.

— Привет, — я поворачиваюсь на бок, и вижу рядом с собой Любу. — Как дела?

— Теперь совсем хорошо, — Люба сладко потягивается.

— Тебе не холодно?

— Нет, а тебе?

— Мне — очень хорошо.

— Смотри внизу город.

— Ага. У самого моря. Вон, видишь — порт. И пляжи. И люди загорают.

— Да. А мы здесь загораем. Здесь лучше, правда?

— Правда. Потому что ты.

— Потому что ты.
— Вставайте! Иван, подъем! Вас везде Абрамыч ищет. Злой, как черт.

Все летит куда-то вниз, я открываю глаза и вместо неба вижу испуганного Саблина. Прекрасное облако испаряется, я слышу на зыбкой границе сна и яви крик Любы: «Идите к черту с вашими сеансами, я не радиопередатчик!», а воздух каюты номер семь становится все плотнее и тяжелее и, в сравнении с тропосферными ветерками, кажется непригодным для дыхания.

— Что случилось? — я сажусь на кровати с твердым намерением высказать Саблину все, что думаю о людях, которые будят других людей.

— Капитан скомандовал всплытие и подъем флага. Кажется, вас высаживают.

В каюту вбежал шумный Абрамыч:

— Саблин, выйди!

Оставшись со мной наедине, комиссар размахнулся и несильно заехал мне кулаком в скулу.

— Абрамыч, ты что? — крикнул я не столько от боли, сколько от неожиданности, и получил еще один удар, посильнее и в челюсть.

— Во-первых, я вам не Абрамыч, а товарищ комиссар. Во-вторых, собирайтесь, вы приехали. А в-третьих, дал бы я тебе сейчас как следует, да устав не позволяет.

— За что, Абрам... товарищ комиссар?

— Сам знаешь.

— Сам не знаю, — ответил я твердо. — Извольте объяснить.

— Только не делай вид, что ты к Любе не приставал.

— Что? — я подумал, что ослышался.

— К Любе-разведчице. У нее только что совпалыч с Большой Землей медным тазом накрылся. Вместо того чтобы во сне стратегическую информацию передавать, она в облаках летала. Говорит, из-за тебя все. Закрутил голову девке?

— Из-за меня? — я готов был расплакаться. Только из-за меня? — Да она сама...

— Что — сама? — внимательно спросил комиссар.

— Вот, читайте, — не соображая уже ничего, я сунул ему открытку с ангелом.

— Таак... — протянул он. — Ну ладно, она. Но твоя голова где была? Она, к тому же — малолетка!

— Не знаю, товарищ комиссар, я сегодня ничего про голову. Считайте, нет ее у меня. Вам, кстати, за это тоже спасибо, — я потер ушибленную челюсть.

— Да будет тебе, Вань, дуться, — примирительно ответил Абрамыч. — Прости меня. Я сам разволновался. Только на эту девчонку в Москве целый институт работает третий месяц, понял? А ты — облако. Эх... — комиссар махнул рукой. — Давай, собирайся быстро, с вещами. Подъем флага через пятнадцать минут, в твою честь, между прочим.

Всплывший «Гаммарус», покачивался на мелкой волне и с удовольствием подставлял мокрые бока молодому утреннему солнцу. Команда в белой парадной одежде выстроилась по левому борту, за которым в нескольких милях просматривалась береговая линия. Я держал в руке свой саквож, где был надежно упрятан футляр, полученный вчера от Беспозванного. Сам капитан стоял рядом, не произнося ни слова.

— Скажите, — обратился я к нему, не выдержав молчания, — что теперь с ней будет?

— С Любовью? Домой, наверное, отправим. Зря вы, это, конечно... Ну да не мне судить.

— Да как-то само собой получилось. Еще лилии эти...

— Да я не об этом. Письмо вы зря показали. У девчонки теперь проблемы начнутся. Ладно уж, она способная — выкрутится. А насчет всего остального... Знаете, сожалеть не о чем. Все правильно. Лет тридцать назад я на вашем месте, скорее всего, так бы и поступил.

— Можно мне хотя бы минуту с ней поговорить? — осмелел я.

— Нет, друг мой. Больше вы ее не увидите. Жизнь — удивительное путешествие по самому справедливому из миров. По курсу встречаются очень красивые места, но жалеть о том, что они неизбежно остаются за кормой — значит не заметить новых, еще неизведанных островов, материков, планет и вселенных. Порт назначения и приписки на всех один, там и встретимся. Да сейчас и времени нет.

Я увидел, как Абрамыч поднял руку с хронометром и начал обратный отсчет.

— Девять, восемь, семь, — хором считали моряки. — Три, два, один...

— Полдень! — Абрамыч махнул рукой. — Поднять флаг!

Верх поползло свисающее полотнище. Добравшись до конца, флаг дрогнул, поймал ветер и резко развернулся. Я снова ничего не понимал. Вместо вполне ожидаемого флотского креста на флагштоке реял прямоугольник бесцветного шелка. Сквозь прозрачный флаг легко различались облака, и даже чайки.

— Что это? — спросил я капитана.

— Наш флаг. Его прозрачность символизирует чистоту намерений и покой желаний. Прощайте, Харламов Иван Иванович. Может быть, еще свидимся.

Беспозванный направился в сторону белоснежного строя, встал на правом фланге, и взял под козырек.

— Ни родины, ни флага! — гордо произнес капитан.

— Ни родины, ни флага! — громыхнул хор из пятидесяти крепких глоток.

По левому борту была пришвартована легкая парусная шлюпка, в которую меня усадил Абрамыч. Сопровождаемый крепкими шутками комиссара, перемешанными с рекомендациями начинающему яхтсмену, я оттолкнулся веслом от «Гаммаруса», и через пять минут вокруг меня была только бесконечная вода. Руководствуясь советами, я кое-как поднял парус. Тонкая нитка берега стала медленно приближаться.

Глава 10

Кузя-Козетта. Кабинет литературы. Писи сиротки Таси.

Это был самый молодой экипаж международной бригады подводных лодок специального назначения. Средний возраст команды «Гаммаруса» составлял не более 25 лет. К сожалению, субмарина так и не приняла участие в военных действиях: в самом начале она пропала без вести в Атлантическом океане.

(«Загадки Мирового океана»)

— Станция «Киевская». Переход на радиальную линию и выход к Киевскому вокзалу.

Старик в белом спортивном костюме направился к выходу из метро. Пристроившись за его спиной, Романов попытался продолжить чтение, но на эскалаторе это было затруднительно. На улице старик закрыл книгу и быстрым шагом пошел в сторону пригородных поездов. Медлить было нельзя.

— Простите, — догнал его Романов.

— А? — белый костюм приставил к уху ладонь. — Громче говори, сынок, не слышу.

— Можно спросить?

— С кого спросить? — грубо сказал старик. — С меня? Ты не охуел ли, любезный?

— Я только один вопрос хочу задать. Про книгу! — прокричал Арсений

— Ты меня еще в метро выпасал, у меня глаз наметан. Ты из общества создания крыши или как вас там?

— Кто написал книгу, которая у вас в руках?

— Вот эту?

Старик повертел книгой у Романова перед лицом, чего было достаточно, чтобы прочесть на потертой обложке название — «Загадки Мирового океана».

— Слышишь, командир, не надо меня разводить, — белый костюм сделал шаг назад. — Я этот фокус знаю: один глупый вопрос задает, другой барсетку из машины тянет.

— Так у вас же нет машины.

— Ты зубы мне не заговаривай. Ищи других лохов.

Потрясенный страшной догадкой, Арсений отправился к башне с часами. Как бы в насмешку над изнывающими от жары людьми, из маршрутки, грязной и поцарапанной, как морда старого кота, площадь оглушал модный шансон.

От ветров таких берет дрожь
Черным парусом дрожит зонт
Ведь на Киевском всегда дождь
А на Кутузовском еда, сон.

Вопреки песне, а может, и благодаря ей, на небе не было ни облачка. Убеждаясь в этом, Арсений задрал голову и сразу натолкнулся на что-то мягкое и легкое.

Перед ним стояла девчонка с цыплячьим ежиком волос на голове, не по жаркой погоде одетая в зеленый френч и черные джинсы. Глаза ее были заплаканными.

— Простите, пожалуйста, — извинился Арсений.

— Нет, ничего, — она шмыгнула носом. — Ничего страшного. — По остаткам подсыхающей туши на щеках и покрасневшим крылышкам ноздрей Романов понял, что плачет она уже давно. Рядом стоял чемодан цвета бордо на колесиках и огромная зеленая сумка размером с корову.

— Вам помочь?

— Если можно. Мне до вокзала дотащить. Чемодан я повезу, вы только сумку.

Арсений посмотрел на башню. Часы показывали половину пятого. Вопреки своим размерам, зеленая сумка была не очень тяжелой. После того как вещи оказались в камере хранения, Арсений и Кузя (так ее звали, а полное имя — Козетта) опять вышли под солнце.

— Спасибо огромное, — Кузя успела привести себя в порядок, и Романов отметил, что у нее красивые глаза. — Хотите, я вас пивом угощу?

Пить пиво перед собеседованием не стоило. Арсений согласился на сок, а для себя девушка взяла пол-литра черного «Мордора». У привокзального фонтана было как всегда многолюдно. Казалось, что приезжие с клетчатými сумками, дети, милицейский патруль и цыганское семейство невероятным образом договорились между собой о создании общества шума и мусора, поэтому вокруг было грязно, и над всем висел невнятный гул голосов, перемешанный с водяной пылью.

— Ты приехала или уезжаешь? — спросил Арсений, когда они разместились верхом на гранитном парапете.

— Мне все равно, — глаза Кузи опять наполнились слезами. — Знаешь, как надо пить пиво, когда всего одна бутылка? Сначала большой глоток. Потом маленькие. А когда остается четверть бутылки — залпом.

Подкрепляя теорию практикой, Кузя запрокинула бутылку, от чего стала похожа на горниста, и начала вливать в себя остатки «Мордора». Все это время, окрашенное сопением и судорожными глотками, Арсений на нее смотрел. Тонкая шея, беззащитно дергающееся горло и маленькие уши с бесцветным пушком вызвали у него прилив бесконечной нежности. Поставив пустую бутылку на парапет, Кузя с вызовом посмотрела на Романова. Часы на башне показывали без шести пять.

— Слушай, мне надо идти, — сказал Арсений. — Держись.

— Спасибо, — шмыгнула носом Кузя. — Можно я тебе позвоню, если не уеду?

— Конечно. Пиши номер.

Удаляясь от фонтана, Арсений несколько раз оглядывался. Первый раз Кузя махнула рукой, а потом делала вид, что ничего не заметила. Под башней с часами люди в оранжевых комбинезонах собирались отправить в небо яркий рекламный аэростат, похожий на притянутого к земле Гулливера. Никакой машины с номером 20-13, конечно же, нигде не было. Арсений пошел обратно к фонтану.

— Вы Романов? — крепкий молодой человек в белой рубашке перегородил ему путь. — Я за вами. Вон машина стоит. Арсений уселся впереди и попытался сосредоточиться перед встречей. Наблюдая проплывавшую за окном имперскую архитектуру, он перебирал в памяти события последних дней. Окончательный разрыв с Верой, книга в руках глухого старика в белом спортивном костюме и последовавшая в этой связи грустная догадка насчет Иванныча, плачущая Кузя и ее бордовая сумка слиплись в пельмень единого воспоминания и стояли поперек горла. За окном мелькнула арка Кутузовского проспекта. «Бумер» ловко маневрировал между машинами, пока не вырулил на Рублевское шоссе, где встал в пробку. Пузатые иномарки тупо нюхали друг друга в выхлопные трубы, и водитель, вынужденный ехать со скоростью улитки, тихо вздыхал. Примерно через полчаса машина лихо подкатила к серому зданию, сильно напоминавшему обычную среднюю школу.

— Вам туда, — показал он Арсению на вход. — Второй этаж.

Не повстречав по пути ни одного человека, Романов толкнул обитую кожей единственную дверь с табличкой «Невесомость Инвестмент». За дверью раскинулся зал размером с автостоянку. Судя по затертой цветной разметке на полу и кубкам на пыльных полках, раньше здесь был школьный спортзал. Единственным офисным атрибутом был директорский стол у дальней стены.

— Входите, Романов, — голос человека, сидящего за столом, был знакомым. — Рад, что вы здесь, — Дамианский пожал руку Арсению. — Я когда узнал, что вы приедете, решил лично проинструктировать.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич, — Романов не знал, что говорить дальше. — Все это случайно вышло...

— Именно! — Дамианский радостно повернулся в кресле. — Вижу, вы в курсе дела.

— Не совсем.

— Тогда ответьте на один вопрос, — спросил доминирующий. — Вам деньги нужны? В таком случае, не будем терять времени. Тем более, что его нет. Держите!

Дамианский достал из кармана и бросил на стол игральную кость. Прокатившись по матовому стеклу, янтарный кубик остановилась у самого края.

— Пять, — констатировал Алексей Николаевич. — Берите кубик. Он скоро пригодится.

За спиной Дамианского оказалась еще одна дверь, украшенная календарем за прошлый год. Пройдя по длинному коридору, они остановились у двери номер пять, над которой висела табличка «Кабинет литературы». Похоже, здание, и в самом деле, когда-то было школой.

Рабочее место Арсения представляло собой обычный кабинет литературы. В три ряда стояли старые парты, а со стены смотрели портреты классиков. Романов отметил, что все они были развешены по официальному рейтингу. Первым висел Солнце русской словесности Пушкин, а за ним, в соответствии с планетарной системой: Меркурий русской словесности Бродский, Венера — Набоков, Земля — Эртель, Марс — Маяковский, Юпитер — Толстой, Сатурн — Чехов, Уран — Булгаков, Нептун — Гоголь и Плутон — Достоевский.

Далее мерцали литературные астероиды — Есенин, Хлебников, Куприн, и другие. На прочих стенах висели плакат «Глухие согласные» и правила орфографии, а над доской — транспарант «Литературу уже затем изучать следует, что она ум за разум заводит». На учительском столе лежала толстая книга и стоял старенький факс.

— Задача у вас простая, — рассказывал Дамианский, присаживаясь за стол и указывая Романову место за первой партой. — Бросаете кубик трижды. Предположим, выпали цифры шесть, пять и два. Теперь берете книгу и выбираете пункт номер шестьсот пятьдесят два. Ничего особенного — это обычный телефонный справочник коммерческих предприятий. Не всех, конечно: это только ваш участок от номера сто одиннадцатого до шестьсот шестьдесят шестого. Ну, теперь запоминайте, — Дамианский бросил кость трижды. Выпали цифры один, пять и девять. — Так, смотрим. Номер сто пятьдесят девять. Ищем в книге. Ага, вот оно. «Общество защиты животных прав потребителей». Звоню.

— Алло! Добрый день, барышня, генеральный на месте? Нет его? Найдите срочно, скажите — по проекту сто пятьдесят девять будет говорить. Откуда? Он знает.

— Главное — не говорить лишних слов, — объяснял доминирующий, прикрыв трубку рукой. — Если станут задавать вопросы, говорите, что не уполномочены ничего сообщать сверх того, что уже сказали. И поостороже с ними. — Алло! Максим Витальевич? Приветствую. Возьмите сейчас ручку и запишите. Проект сто пятьдесят девять. Оплатить сто тысяч рублей. Записали? Что значит, за что? Сами знаете. Пожалуйста. Выясните, где хотите, мое дело маленькое: получить платеж, — голос Дамианского приобрел металлический оттенок, — и не позднее сегодняшнего дня. Все понятно? Проект сто пятьдесят девять! Сто тысяч рублей! Дайте телефон вашего бухгалтера, ему счет сейчас направят, вы их там проконтролируйте. Добро. На связи.

— И что, он заплатит?

— Погодите, Арсений, это еще не все, — доминирующий набрал на телефоне внутренний номер. — Алло, Юлия? Выставь счет на сто тысяч. Кабинет литературы, номер сто пятьдесят девять. Да. И проверь, чтобы там санкции были указаны за несвоевременную оплату.

— Вот так, Арсений, — доминирующий улыбнулся. — Как в поговорке. Курочка по зернышку клюет. Хотя клюет, кажется, рыба. Не помню, но общий смысл такой. Приехали, бросили кубик, позвонили, выставили счет и уехали. Как только деньги перечислят, вам полагается двадцать пять процентов от суммы. Наличными. Есть вопросы?

— А это законно?

— Так все работают, — обиделся Дамианский. — Даже федеральные министерства. Или вы считаете, что государственные организации незаконны?

— Да нет...

— Я больше скажу, — перебил Дамианский. — Где бы вы ни функционировали, придется делать то же самое, а именно — звонить и получать деньги по тому или иному поводу. Но неужели не лучше выйти на уровень абстрактных денег? Система привлечения финансовых потоков методом случайного выбора существует много тысячелетий. Думаете, на какие средства наши древние предки возводили пирамиды, устраивали олимпийские игры и строили прекрасные города на болотах? Сбирались деньги с коммерсантов, как и ныне. Так что даже не думайте. Все в порядке.

— Не понимаю — зачем кубик бросать. Можно ведь просто позвонить первому попавшемуся коммерсанту.

— Но как вы будете знать, который из них — первый попавшийся? В стране около миллиона коммерческих организаций. К тому же, если не вы бросаете кубик, какое вообще отношение к этому процессу имеете? Почему они должны платить

именно вам?

— А почему они вообще платят?

— Ну, Арсений, это совсем уж детский вопрос. Почему платят? По определению. Учитель учит, доктор лечит, а коммерсант — платит. Что же. Поздравляю, вы приняты. График — обычная пятидневка.

— С девяти до шести?

— Помилуйте, зачем вам здесь находится с утра до вечера? Все остальное время — в вашем личном распоряжении. Да, вот еще что. Происходящее совершенно секретно. Думаю, это и так понятно, но тем не менее. В ваших интересах. Предупреждаю — зарабатывать будете много, так что придумайте версию солидной работы.

— Какую?

— Любую. Мне, например, пришлось банк открыть. Одни расходы с ним, — дружески пожаловался доминирующий, — но что делать? Вам сойдет что-нибудь помельче. Например, консультант. В любой области. Да, и еще — у нас строгий дресс-код. В следующий раз без школьной формы вас сюда не пустят.

— Без формы? — опешил Арсений.

— Здесь все-таки школа. По форме. А по содержанию — другая организация. Короче, в костюме приходите.

— Алло! Максим Витальевич? Приветствую. Возьмите сейчас ручку и запишите. Проект сто пятьдесят девять. Оплатить сто тысяч рублей.

Факс на столе тихо пискнул и стал со скрипом выдавливать из себя бумагу. Через минуту Дамианский показал Романову копию платежного документа, в соответствии с которым по проекту номер сто пятьдесят девять «Обществом защиты животных прав потребителей» было перечислено сто тысяч рублей на счет ЗАО «Невесомость Инвестмент».

— И все дела, — сказал Дамианский. — Ничего сложного. Однако рекомендую пару часов потратить на тренировку.

— На какую тренировку? — не понял Романов.

— Поучитесь кубик бросать. В момент броска нельзя ни о чем думать. Немного практики — и все получится. Давайте попробуем. Возьмите кость и постарайтесь сделать так, чтобы в голове не осталось ни одной мысли. Можете, если хотите, закрыть глаза.

Последовав рекомендации доминирующего, Арсений зажмурился. Как назло, мысли и образы устроили торжественный парад: лица Иваныча, Веры, писателя Журавлева и грубияна в белом костюме выстроились в узор и сразу перемешались, как в калейдоскопе.

— Не получается? — донесся голос Дамианского. — Вот и я говорю — тренировка нужна. Попробуйте сосредоточиться на дыхании. Вдыхать носом, выдыхать ртом, на девятом выдохе бросайте кубик.

Калейдоскоп образов потускнел и скоро исчез. Сначала Романов боялся сбиться со счета, но после седьмого выдоха исчезла и эта мысль.

— Бросайте!

Кубик прокатился по столу и свалился на пол, а перед глазами Романова возникла Кузя с бутылкой пива.

— Что же, совсем неплохо, — доминирующий полез под стол. — Только еще желательно, чтобы кубик не падал со стола. Ничего особенного, просто может потеряться. Ах, вот он где! За плинтус закатился, — доносилось снизу. — Поздравляю, вы выиграли утешительный приз! — раскрасневшийся Дамианский положил на стол маленький перочинный ножик. — Какой-то второгодник потерял, наверное. Берите, Романов, вам подарок.

— Почему наша фирма называется «Невесомость Инвестмент»? — напоследок спросил Арсений.

— А хрен его знает, — искренне ответил доминирующий. — Я здесь тоже не первое лицо. Вы лучше такими вопросами голову не забивайте. Кубик даю на время, это мой личный. Понедельник — день тяжелый, поэтому жду во вторник. До свидания.

Вечер пятницы выдался тучным: небо все сильнее затягивала густая облачность и накрапывал мелкий дождик. Уже подходя к Варсонофьевскому, Арсений зашел в «Гуттенберг». За отсутствием денег покупать он там ничего не собирался, однако книжный магазин сам по себе удобное место, чтобы сосредоточиться и поразмышлять. Случай с грубияном в белом костюме и его книгой, не шел у Романова из головы. Совпадение было настолько невероятным, что все казалось странным сном.

— У вас есть книга «Загадки Мирового океана»? — обратился Арсений к стоящей за кассой женщине лет пятидесяти, похожей на школьную учительницу из кинофильмов пятидесятых годов, строгую и справедливую.

— Нет, к счастью, — ответила учительница, сверившись с компьютером. — Эта книга — компиляция непроверенных сведений, а у нас только серьезные издания. Поинтересуйтесь на книжных лотках. Вполне вероятно, там она есть.

Романов вышел из магазина и побрел в сторону метро. Как обычно, на станции «Кузнецкий мост» стоял дурной веселый шум. Арсений без труда откопал на книжном развале «Загадки Мирового океана» и стал перелистывать книгу, делая вид, что собирается ее приобрести. Издание и впрямь было сомнительным, в стиле желтой эзотерической журналистики. Глава, посвященная «Гаммарусу», подтвердила грустную догадку: за семь пачек черного чая Иваныч в течение недели пересказывал ему историю о подводной лодке, которая, вместе с нелепыми сказками о Бермудском треугольнике, Летучем Голландце и прочим мистическим мусором, существовала исключительно в мире преданий. Особенно впечатлили следующие строки:

«По предположению капитана дредноута «Красные Зори», к моменту заключения Сталинградского мира, «Гаммарус» был захвачен неизвестной группой злоумышленников и превращен в орудие контрабандистов и пиратов. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в традиционном состязании подводных лодок на кубок Ллойда субмарина не участвовала».

В Романове стало прорастать чувство злости, пустившее корни еще после разговора с Верой. Хитрый старикашка Харламов наверняка хохочет над его глупостью в своей голубятне. Арсений решил сегодня же вечером расставить все точки, и быстрым шагом направился в сторону Варсонофьевского.

Рядом с аркой соседнего двора ему перегородил дорогу крепкий пацан допризывного возраста.

— Закурить есть?

— Нет.

— А что есть? — из арки подтянулись еще двое постарше.

— Нож есть, — искренне ответил Романов, нащупав в кармане подарок Дамианского.

— Достойный ответ. Меня Равиль зовут, — пацан протянул Арсению руку. — Все нормально, — сказал он остальным. — Я его знаю. Ты домой? Я с тобой пройдусь немного, разговор есть.

— Давно смотрящего знаешь? — спросил Равиль, когда они свернули в узкий коридор Варсонофьевского переулка.

— Какого смотрящего? — не понял Романов.

— Да ладно. Не гони. Иваныч нам тебя показывал. Ты ведь автор?

— Иногда, — ответил Арсений.

— Короче, братуха. Дело есть. Передай ему вот эту штуку, — Равиль достал из спортивной сумки кожаный футляр с медными заклепками. — Старинная вещь. Мы ломать не стали, а Иваныч любой замок откроет. Скажи: братва поздравляет его с предстоящим отлетом и от души желает всех благ. Только не перепутай, передай слово в слово. Запомнил? Ну, все, будь здоров. Увидимся еще.

Прежде чем пойти на крышу, Романов некоторое время провел на втором этаже за чаем в компании украинских строителей и седого мужчины, очевидно, из числа транзитных жильцов, чье лицо было перечеркнуто тонким белым шрамом. Незнакомец обладал удивительным умением заваривать прямо в стакане трехслойный чай: внизу чернел самый настоящий «чифирь», посередине — слой крепкого «купца», а наверху плескался совсем светлый и слабенький напиток, каким в Москве принято в разгрузочные дни запивать два яйца всмятку и который в Одессе почему-то называется «писи сиротки Таси».

Когда Арсений почувствовал себя достаточно успокоившимся для неприятной беседы с Иванычем, он поднялся наверх и увидел огромный замок на чердачной двери. Переполненный впечатлениями дня, он вернулся в звенящую тишину своей комнаты, бережно поставил футляр на широкий подоконник и отправился в столовую. Там Арсений взял глубокую плошку, плеснул на дно оливковое масло и притрусил сахаром. Потом высыпал туда же полчашки овсяной каши и добавил еще немного сахара. Когда из чайника повалил густой пар, Романов залил кашу кипятком, накрыл плошку блюдцем, на минуту опустил в кресло и крепко уснул.

Глава 11

Овсянка. Игра в Хали-гали. I am ГАД!

Дорога — это обустроенная или приспособленная для движения полоса земли.

(Вводная лекция для автолюбителей)

— Джентльмен должен питаться главным образом овсяной кашей без молока и соли, чтобы во всех остальных случаях принимать любую гадость без вреда для желудка.

— Как по мне, сложно найти большую гадость, чем овсянка.

Официант снял сверкающую крышку и выложил кашу в глубокие фарфоровые тарелки. Смирившись с неизбежным, я занес сандаловую ложку над вязкой протоплазмой, окруженной облаком пара.

— Не будьте таким категоричным, дорогой. Крайние высказывания хороши для крайних обстоятельств, — Левон поглощал завтрак с нескрываемым удовольствием. — А в этой каше есть и масло, и сахар. В крайнем случае, добавьте сливок. Так вы шли под парусом до самого Арамболя? Очень интересно.

Не посвящая Сурьяниана в детали своей командировки, я компенсировал скудность рассказа тем, что во всех подробностях описал, как добирался в Бомбей. Яхтсмен из меня получился не очень хороший, хотя до последнего момента я об этом не подозревал и, удачно поймав попутный ветер, был горд собой. Пройдя левым галсом вдоль побережья, моя шлюпка развила неплохую скорость и направилась прямо в центр пустынного берега. Береговая линия быстро уточнялась, можно было отчетливо разглядеть листья на верхушках баньяновой рощи, когда я осознал, что тормоза в конструкции шлюпки не предусмотрены. Весом всего тела я навалился на руль, чтобы погасить скорость, но было уже поздно. Шлюпка вошла форштевнем в песок, руль выбило из рук, а я полетел за борт.

Разложив одежду на горячем песке для просушки, я бездумно смотрел, как прилив наполняет шлюпку водой. И чем ниже склонялась мачта над бирюзовой поверхностью, тем сильнее хотелось плакать. Где-то глубоко под водой скрылся «Гаммарус», унося развеселую команду и Любу, которой я больше ничего не смогу объяснить. Теперь я не могу рассчитывать ни на мудрый совет капитана, ни на поддержку Всеволода Абрамовича. Дальше мне одному.

Если долго сидеть на пляже и смотреть на море, ближе к вечеру можно увидеть несуществующие цвета. То есть, конечно, такие цвета существуют, но встретить их вместе можно именно в тот недолгий промежуток времени, когда солнце уже сползает к линии горизонта, но еще не закатывает закатную феерию. Запахи становятся резче, прибор мягче, и вода начинает играть невероятными тонами. Это из тех вещей, которые делятся очень кратко, но потом долго помнятся.

Полупроснувшись (точнее, выйдя из полусна) от первого комариного укуса, я оделся и пошел вдоль берега по направлению к баньяну, где еще днем заметил крыши нескольких бунгало. Примерно на половине пути мне показалось, что камень прямо по курсу движется, пытаясь перегородить мне дорогу. Я хотел было списать все на последствия солнечного удара, но, сделав несколько шагов, заметил еще два таких же перемещающихся камня. Нет, это была не галлюцинация. Теперь в сторону прибоя ползла уже половина пляжа.

— Черепахи? — догадался Левон.

Я нашел одну кладку и взял три яйца, так как сильно проголодался. На вкус они не хуже куриных. Переступая через панцири, создающие видимость игрушечной танковой битвы, я добрался до ближайшего бунгало, где отдыхающее семейство из Ньюкасла оказалось мне самым радушным приемом. Утром после завтрака глава семьи отвез меня на станцию, где я сел в поезд и без особых приключений доехал до железнодорожного вокзала Виктория в Бомбее. Хотя, конечно, индийский поезд — сам по себе приключение.

— Так что вчерашнее утро не обошлось без овсянки, дорогой Левон, — закончил я свой рассказ. — Но, как по мне, уж лучше сырые черепашьи яйца.

— Что теперь будете делать? — спросил Сурьяниан. — Насколько мне известно, в посольской аптеке новый фармацевт.

— Они даже не знают, что я здесь. И прошу вас никому не говорить. Если можно, я переночую у вас в гостинице, а завтра отправлюсь дальше.

— Без вопросов, Иван, живите сколько нужно. Путешествие продолжается? Полезно в вашем возрасте.

— Левон, мне нужен ваш совет. Вы слышали о горе Кундун?

— Да, — ни один мускул не дрогнул на лице моего друга, но в голосе мелькнул полутон удивления.

— Мне нужно туда попасть. Как это лучше сделать?

— Знаете что? Так как мы долго не виделись, а завтра вы опять уезжаете, предлагаю прогуляться по городу. Заодно и поговорим. Я кое-что знаю о том, что вас интересует.

Через полчаса мы уселись в оклеенную алюминиевой фольгой кабинку рикши.

— Колаба, пожалуйста, — сказал Сурьяниан величавому чернобородому сикху в синем тюрбане. — Предлагаю ограничиться Вратами Индии. Это будет символично: вы только что приехали.

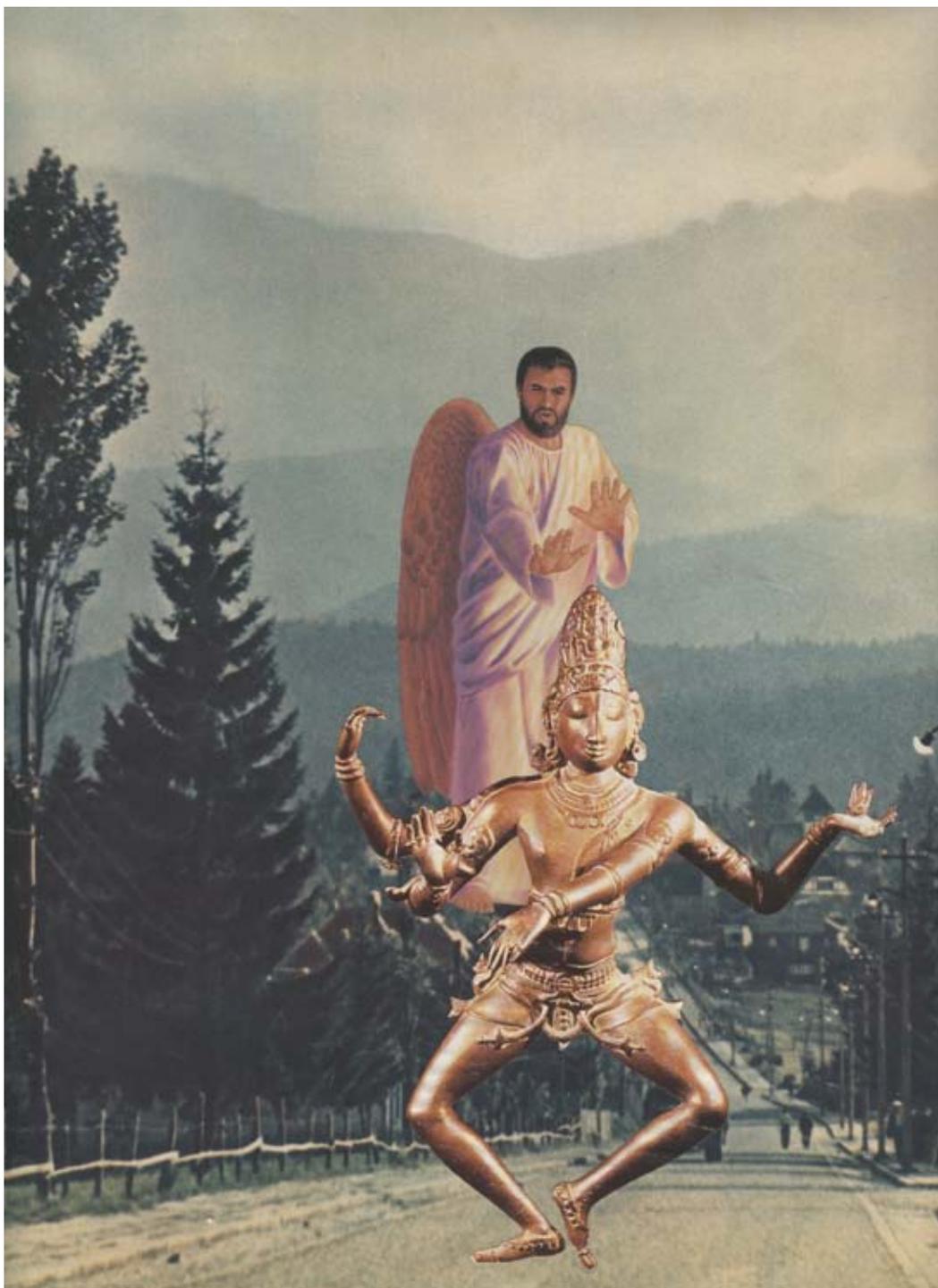
— Я прожил здесь много лет, не забывайте.

— Нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Особенно, если река течет в Индии. Знали бы, как много нового оказывается ежедневно в местных реках? Это — радость микробиолога!

Я редко покидал стены аптеки. Но, конечно же, прекрасно знал расположенный недалеко от порта район Колаба. Кажется, я уже упоминал о местах на планете, у которых есть нечто общее. Впоследствии мне довелось побывать в разных больших и малых городах, и я берусь утверждать, что Тайм Сквер в Нью-Йорке, лондонский Хокстон, цитадель Бала-Хиссар в Кабуле, Тверская в Москве и Централ стейшн в Амстердаме, собор Нотр-Дам в Сайгоне и одесский Оперный театр, Александр-Плац и Кристиания, Бульвар Сансет, Шамзэлизе, Мечи Кадиси, Шенбрунн, Аустурстрайти и Лейгевегур — все это одно и то же место. В известном смысле, разумеется. Ведь при всей идентичности, даже рестораны «ПапаверДак» отличаются друг от друга, и всегда в худшую сторону.

Наш рикшевала жал на газ, напевая под нос замысловатую мелодию. Левон молча курил, а я смотрел на приближающуюся величественную арку, построенную когда-то королем Георгом Пятым и названную «Вратами Индии». Покрытое мусульманской вязью основание было расписано местными радикалами. Я не умею читать ни на хинди, ни на маратхи, однако по внешнему виду лозунгов, написанных на разных индийских и неиндийских языках, догадался, что все

они об одном и том же. Английский вариант гласил — Buddha live!

Истинному богу от этого ничего не сделается, в него хоть из пушки стреляй — воскреснет, а самозванцу подделом.

— Вот странно. Почему, когда я вижу надпись на стене, сообщающую, что кто-то жив, мне сразу становится понятно, что этот кто-то мертв?

— Вы в точку попали, — сказал Левон. — Эти надписи — визитная карточка движения «Убить Будду». Знаете, какое множество здесь пророков, всевозможных святых и даже живых богов? Только у меня под гостиницей живут трое. «Убийцы Будды» считают, что для того чтобы отличить настоящего святого от самозванца, его необходимо убить.

— Кого? — не понял я. — Святого или самозванца?

— Любого кто заявит о своей святости. Истинному богу от этого ничего не сделается, в него хоть из пушки стреляй — воскреснет, а самозванцу подделом. Я нахожу это разумным подходом. За последний месяц в городе убили больше двадцати человек, объявивших себя святыми.

— А кто-нибудь воскрес?

— Иван, вы меня удивляете. Конечно, нет.

— Варварский новый обычай. И куда смотрят англичане?

— Обычай отнюдь не новый. Народной традиции убивать своих богов уже не один десяток тысяч лет. Хотя есть исключения. Будда умер своей смертью. Вот красным мундирам и завидно. Скажу по секрету — власти тайно поддерживают движение. Опять же, попрошайек становится меньше. Эти радикалы в последнее время почти не прячутся и даже выделяются из общей массы: носят красные кепки козырьком назад. Якобы, символизирует возврат к истокам.

Я задумался. Нищих в Индии, и в самом деле, много. Они живут в коробках и ящиках, а то и прямо на улице, с утра до вечера выпрашивая у прохожих деньги или еду. Если к их числу прибавить столько же религиозных попрошаек, это становится невыносимым. При возможности я покупаю бродягам еду, но никогда не подаю ни копейки тому, кто прыгает вокруг меня с кисточками, свечками, кадилами, книжками и колокольчиками.

— Куда пойдём, Левон? Можно в «Махатму», — спросил я, когда мы вышли из рикши неподалеку от Университета. — Скорее хочется отвлечься от неразрешимых вопросов и поужинать. Или в «Тадж-Махал»?

— И в «Тадж-Махал», и в «Махатму», и в «Пурушу». Предлагаю сыграть в старинную студенческую игру, которая называется «Хали-Гали». Я научился ей в Сорбонне. Надо обойти максимальное количество заведений по кругу, выпить понемногу в каждом и обязательно вернуться в то же место, с которого начали.

Идея показалась заманчивой. Прогулявшись немного по набережной и завернув за угол бесконечного здания музея принца Уэльского, мы выбрали в качестве отправной точки неприметный погребок, расположенный неподалеку от входа в Джахангирскую художественную галерею. Кроме фанерной головы слона со сломанным бивнем, висящей над входом, никакой вывески у заведения не было. Посетители в нём отсутствовали, а внутри было очень жарко.

— По пятьдесят грамм и идем дальше? — спросил Сурьяниан.

Я кивнул и заказал односолодовый «Джон Бетт», который всегда любил за легкий аромат мандарина. Хотя откуда в виски мандарин? Левон сделал то же самое.

— Забыл предупредить, — сказал он после первого глотка, — в игре есть еще одно правило. Мы должны синхронизировать друг с другом вид и количество выпитого алкоголя. То есть пить можем что угодно, но всегда заказываем поровну и одинаковые напитки. Иначе в какой-то момент мы перестанем понимать друг друга. Я такое недавно наблюдал. Кстати, забыл рассказать. Вам просили передавать привет.

— Кто?

— Девушка по имени Кирхен. Помните, такая рыжеволосая, с бородатым спутником?

— Что-то припоминаю, — сказал я как можно более небрежно. — Благодарю, передавайте ей тоже.

— Она уехала позавчера. Куда-то в Гималаи, путешествовать дальше с братом.

— Это ее брат? Непохожи.

— Он какой-то дальний брат, я так и не понял. Презабавнейший малый, доложу я вам. Между прочим, успешный драматург. Его зовут Бари, он специализируется на сценариях триллеров. А в жизни такой комик! — Левон улыбнулся. — Мы сначала держали дистанцию, но потом сошлись. Скучно, вы понимаете. Вот с ними, кстати, в последний раз здесь и гуляли. Сколько этот Бари знает песен — уму непостижимо. За один вечер он спел их штук двадцать. Все уже и не помню. Точно было — «Так проходит время», «Мисс Отис извиняется», «Люби или вали», «Любимый вернулся» (поет он, кстати, как мужские партии, так и женские), «Снова влюблен», «Сладкий и вкусный» — все мои любимые песни. Не О'Брайен, конечно, но все равно душевно.

— А она?

— Иногда ему подпевает, но чаще слушает. Вообще, разумное существо: когда я предупредил, что следует пить одинаковые напитки, она так и сделала. Зато братец ее — это что-то. Еще по пятьдесят грамм, Ваня? Теперь я заказываю. Так вот, Бари посмеялся, не внял, и все время принципиально заказывал другое. Ну и не дошли мы еще до Хоми Модии, как он уже понес полную околесицу. Сначала мы, по крайней мере, слова разбирали, хотя найти смысл было сложно. Но потом вообще перестали понимать, на каком языке он говорит! Пожалуйста, два «Леприконса», — последние слова были адресованы официанту.

Под красными лучами внутреннего смущения, образ Кирхен медленно проявился в темноте лаборатории моего сердца. Она, без сомнения, постарше Любы. Эта не станет писать открыток с ангелами. А напишет — не отдаст. Кого же из них я люблю? И люблю ли я вообще кого-то? «Леприконс» оказался напитком жесточе предыдущего. Бармен, улыбающийся во все зубы из-за стойки, не внушал доверия, и я попросил Левона:

— Давайте отправимся в более приличное место. Я голоден, но здесь не рискнул бы ничего заказывать.

— Отлично, пойдёмте в «Тадж-Махал». Только подождите минуту, я скажу пару слов бармену.

По легенде, отель «Тадж-Махал» был открыт в 1903 году человеком, которого не пустили в соседний «Уотсон», потому что кожа человека не была белой. Вскоре из-за комплекса неполноценности, или наоборот — из чувства превосходства он построил мраморный дворец с видом на залив.

— Здесь живут махараджи, гангстеры и сотрудники международных гуманитарных организаций, — заметил Левон. — Поэтому накормят неплохо. Только давайте не забывать, что это не последнее заведение на сегодня.

Подсвеченная роскошь отражалась в водах залива. Мы вошли в стеклянную дверь, распахнутую обходительным швейцаром, и оказались на сверкающем мраморном полу, в центре которого была инкрустирована роза ветров. Сопровождаемые служителем, который выглядел как брат-близнец бармена из предыдущего заведения, мы поднялись по лестнице на второй этаж.

— Какую кухню вы сегодня предпочитаете? — поинтересовался Сурьяниан. — Французскую? Японскую? Итальянскую?

— Мне бы быстро перекусить чего-нибудь. И можно отправляться дальше.

— Друг мой, в отеле восемь ресторанов и одиннадцать баров. Даже если мы будем здесь гулять до утра, то сможем нигде не задерживаться дольше ста грамм. Но если хотите быстро покончить с голодом, рекомендую «Афанасия Никитина». Вы как к русской кухне относитесь?

— Деликатесы любой национальной кухни за границей готовят вкуснее, — ответил я. — Непонятно почему так, но факт неоспоримый.

Быстро покончив под звуки балалайки с похлебкой из белых грибов, я наколот на вилку тугой соленый груздь и поднял рюмку.

— Левон, вы обещали рассказать о горе Кундун. Что вы о ней знаете?

— Я там был.

Он залпом выпил рюмку, поморщился, но не закусил. Помолчав некоторое время, продолжил:

— Я был там десять лет назад.

Пока готовились моя котлета по-киевски с ананасом и пряная утка в ежевичном соусе для Левона, мы закусывали

померанцевую водку жареными баклажанами с чесноком, зеленью и сыром, домашним салом с горчицей и квашеной капустой с клюквой. По утверждению моего друга, условие одинаковых заказов распространялось только на алкоголь. Рассказ Левона был кратким, но содержательным.

— Миф о священной горе, от склонов которой начинаются четыре великие реки — чистая реальность. Я бы сказал — хрустальная, алмазная реальность. Кундун имеет четыре грани, точно ориентированные по сторонам света, и является объектом поклонения всех восточных религий. Некоторые считают, что там сгорает вся дурная карма, другие говорят, что никакой кармы нет, а есть только давление и вибрации, но каждый совершивший паломничество к подножию Кундуна, молчит о главном.

— Блинчиков не желаете-с? Есть с белужьей икрой, есть с лососевой — подошедший официант наполнил наши рюмки. — Сельдь свеженькая, семга, мед...

— Пшел вон! — на чистом русском языке тихо сказал Сурьяниан. — Извините, Иван, не сдержался.

И он продолжил рассказ уже своим обычным ироничным тоном.

— Вы когда доберётесь туда — все сами увидите. Десять лет назад я крупно проигрался в карты и после уплаты долга оказался на улице. Тогда и услышал легенду о том, что Кундун как бы ускоряет судьбу. То есть в короткий промежуток времени с человеком случается все, что ему написано на роду. А мне когда-то во Франции одна уважаемая гадалка предсказала две вещи: что я женюсь на королеве и первой красавице, и что, вследствие женитьбы, я стану богатым. Не в моих правилах жениться на деньгах, но мысль о супруге-красотке королевских кровей — отправила меня на Кундун. Добираться пришлось через всю Индию, так что советую сесть в Дели на самолет до Катманду, оттуда доехать до Лхасы, а уж дальше как получится.

Встретив рассвет у подножия горы, я схватил воспаление легких и отправился обратно с высочайшей температурой. Несколько дней я находился в полном забытьи, а когда пришел в себя, то обнаружил на своей шее прочный кожаный ошейник, а вокруг — деревню и неизвестное горное племя.

Мой ошейник не означал, что я был рабом: такие же носили все мужчины племени, начиная с тринадцати лет. Заправляли всем женщины, а нашему брату доставались тяжелая физическая работа и функция осеменения.

Через несколько месяцев началась зима. Работы в это время мало, поэтому зима — сезон свадеб. Женщина выбирает мужа и уводит его к себе в хижину. Если он сопротивляется, его убивают на месте. Если он не справляется с супружескими обязанностями, его убивают через три дня после свадьбы. Если он бесплоден, его убивают через год, долго и мучительно.

Меня выбрала королева, которой по традиции ежегодно становится победительница местного конкурса красоты. Критериев красоты там два: большой вес и количество волос на теле — чем больше, тем лучше. — Наливай, — кивнул Левон официанту. — И материально после свадьбы я тоже выиграл: у всех было по две-три козы, а у моей супруги двадцать. Мне повезло, королевская свадьба — праздник большой и шумный. Когда все напились, я сбежал. В первую брачную ночь, как в дешевом романе. Так что никто не солгал: ни марсельская гадалка, ни тибетская легенда. Эта гора действительно существует.

— И вам никогда не хотелось вернуться, чтобы испытать судьбу еще раз?

— Знаете, друг мой, — Левон отодвинул тарелку с нетронутой уткой, — мне кажется, мы засиделись в одном месте. Вы все еще голодны?

— Нет.

— Тогда — вперед!

Мне сейчас сложно сказать, сколько баров, пабов и ресторанов мы почтили своим появлением в последующие часы. Точно помню пышные интерьеры «Сансары», где мы развлекались составлением коктейлей на основе кокосовой водки «фенни»; чуть дольше мы задержались на набережной Мартина Драйв, посетив там бюджетную «Рамаяну» и закрытый клуб «Сармунг», в котором наплясались до звона в ушах; потом оказались в кабаре «Аштанга», кофейне для интеллектуалов «Махабхарата» и даже попали на вечеринку в бар «Шудра», где, впрочем, пить ничего не стали.

Наконец, под утро мы ввалились в погребок с фанерным сломом, завершив, таким образом, «путешествие по большому мумбайскому кругу», как назвал Сурьяниан нашу прогулку. Следует сказать, что компания наша за это время увеличилась. У меня на руке висела долговязая шотландская дама лет тридцати пяти, ее подруга уныло шла следом, Левона вели две вьетнамские проститутки со смешными именами, а несколько буйных скандинавских туристов уже сдвигали с грохотом столы и будили бармена.

— Больше не пью, — заявил я, отодвигаясь от соседки, в очередной раз по секрету сообщавшей мне, что она является прямой наследницей Марии Стюарт и поэтому никогда не страдает головной болью по утрам. Похоже, наши спутники вошли в тот хрестоматийный режим отдыха, который в психологии носит название «Робин-Бобин», сопровождается чувством редкой безнаказанности и позволяет по засохшему кетчупу на шортах, небритости и барским замашкам легко вычислить гостя из развитой страны на курорте третьего мира. На нас с Левоном они почти не обращали внимания.

— Вот, дорогой, вам наука, — сказал Левон. — Ешьте овсянку — и будете чувствовать себя хорошо, даже если придется пить неделю подряд.

Тем временем стол заполнялся бутылками и закусками.

— Я не хочу пить неделю подряд. Я хочу спать.

— Пожалуй, и в самом деле, пора. Давай! — Сурьяниан кивнул бармену и через минуту тот поставил перед нами два высоких бокала с темно-коричневой жидкостью.

— Это мой фирменный коктейль. Он поможет встать на ноги и добраться домой.

— Надо бы рассчитаться, — вспомнил я не к месту, потому что весь вечер платил Левон.

— Рассчитываться за последний алкоголь следует в самом начале игры, когда с этого места вы начинаете круг. Это третье и последнее правило. Я жду вас на улице.

Левон вышел залпом и через секунду вышел не попрощавшись. Мне же не удалось покинуть стол в английской манере: пришлось объясняться с наследницей Марии Стюарт, заверять огромных скандинавов, что мы с другом скоро вернемся, и пить мескаль на брудершафт с Кики и Мики одновременно.

На улице я с трудом забрался внутрь кабинки, в которой уже сидел Левон. Несмотря на тряску и грохот, я уже почти уснул, когда вдруг почувствовал острое желание, знакомое каждому, кто хоть раз пил крепкий алкоголь в компании с близким другом. Мне захотелось исповедаться.

— Понимаете, — начал я заплетающимся языком, — вот вы со мной едете здесь в одной рикше, а я — нехороший человек. Она меня полюбила, а я ее письмо отдал.

— Инч? — услышал я в ответ.

— И самое страшное, мне кажется, что я поступил правильно. Двоих любить нельзя. Это пошло.

— Ес дзэс чем гасканум. Дук интз твума руссэренэк хосум, — слов я не понимал, но отметил обеспокоенный тон Левона.

— Я не понимаю, — продолжил я, — но это неважно. На каком бы языке мы ни говорили, хоть на ангельском, после всего, что я тогда сделал, цена мне — медный грош в базарный день. Я обычный гад, понимаете?

— Дэзоле, жё нэ парль па рюс.

— Да поймите же, — кроме русских, я не мог найти никаких других слов, чтобы облегчить душу. — Я — гад! Ай эм гад, так понятнее? Ай! Эм! Гад!

Меня начало мутить. Выпрыгнув на ходу, я облегчил желудок под пальмой и еще раз сообщил выглядывающему из кабинки Сурьяниану о том, кем себя в данный момент считаю.

— Ай эм гад! Ай эм гад!

Пьяные слезы застилали глаза. В расплывающемся свете фонарей я видел, как наш толстый рикшевала в красной кепке козырьком назад вдруг выскочил из кабины и посеменял к набережной, что-то выкрикивая и размахивая руками.

— Бежим, — дернул меня за одежду Левон. — Скорее влезайте обратно. И молчите, ради всего святого.

Утираясь платком на ходу, я нырнул в кабинку, мой друг прыгнул на место водителя, и мы покатались вниз по переулкам, ведущим к порту. В последний момент я заметил, что от Ворот Индии к нам быстро приближалась организованная группа человек в двадцать.

— Это «Убийцы Будды», — крикнул Левон и встал на педали, чтобы прибавить ходу. — Я же предупреждал: синхронно пьем одинаковые напитки. Где вы успели сбиться с курса? Вы понимаете, что русский «гад» — это английский «бог»?

О да, теперь я все понимал. Я вспомнил даже, что английский «бог» — это русская «трясина», заморожено наблюдая за тем, как рикшевалы в красных кепках заводят моторы и бросаются в погоню. Их пустые кабинки подпрыгивали на булыжниках мостовой, звенели обильной бижутерией и сверкали в свете луны. Расстояние между нами сокращалось с каждой секундой.

Глава 12

Животные-однолюбы. Игра в случайные совпадения. Приказ номер два-два-семь.

Ай лачо дывэс...

(Lou Reed, «Perfect Day»)

Кузя позвонила на следующий день и предложила Арсению встретиться через два часа у входа в зоопарк. В равной степени чтобы проветрить голову и сэкономить на метро, Романов побрел по бульварам, ускорил шаг на Тверской и вскоре оказался в центре булыжной площади Дарвина, где субботняя очередь в кассу зоопарка огибала не так давно проросший здесь памятник дикой маслине.

Медное дерево пробивало постамент корнями, в их сплетении шипел экономный вечный огонь, а из текста на постаменте каждый мог узнать, что за исключением факта существования данного монумента, древовидный кустарник дикая маслина, также официально именуемый «лох сребролистный», более ничем не примечателен. Эта умильная скромность и вдохновила автора на создание скульптуры, подаренной городу корпорацией «Зигпром» в честь приближающейся годовщины Сталинградского мира.

В тени медной маслины за пластиковыми столиками люди с деревянными лицами жевали жареное мясо. Чтобы отделаться от мысли о шашлыке, пришлось отвернуться в другую сторону, и какое-то время Романов развлекался улавливанием запахов отдельных животных в общем аромате зоопарка.

Размышляя о том, прилично ли на первом свидании есть шашлык, Арсений поймал себя на слове «свидание», имеющем как минимум два значения — «встреча влюбленных» и «встреча с заключенным». Ни первому ни второму определению ситуация не соответствовала.

На этом месте размышления Романова закончились, потому что к нему шла Кузя. Серебряные сандалии ее блстели, сверкали круглыми носками, черный комбинезон так тонко обтягивал фигурку, будто вовсе отсутствовал, — и в этот момент Арсений почувствовал, что пришел на самое настоящее свидание. Приблизившись вплотную, Кузя без лишних слов поцеловала его в щеку.

— Пойдем скорее, а то опоздаем!

Несмотря на кратковременность знакомства, девчонка, похоже, не собиралась тратить время на лишние церемонии.

— Куда? — не понял Романов.

— Ой, забыла сказать. В зоопарке тематическая экскурсия. «Животные — однолюбы», я давно собираюсь. Ну, пойдем же! — и она потащила его за собой, как маленького.

Пока они стояли в очереди за билетами, разыскивали свою группу и потом шли вместе с остальными к началу экскурсии, Кузя удерживала его руку всеми известными пятипалым приматам способами — крепко сжимала ладошку, цеплялась одними лишь кончиками пальцев, сплеталась мизинцами и захватывала в кулак большой палец.

Экскурсовод, строгая сухопарая дама лет пятидесяти, одним желтым глазом смотрела на Романова, а другим на вольер с хищными птицами.

— Как вы знаете, — сказала она немногочисленным слушателям — пожилой паре, Кузе с Арсением и похожей на суслика барышне с фотоаппаратом, — тема экскурсии — «Животные-однолюбы». Но лично мне будет проще называть их моногамами, то есть представителями биологических видов, образующих устойчивые пары. Первый в нашем списке — ворон обыкновенный. Эта птица выбирает брачного партнера один раз и на всю жизнь. Прошу обратить внимание — старожил зоопарка ворон Лаврентий.

— А почему он там один? — спросила барышня с фотоаппаратом.

— Вообще-то, открыт специальный счет для сбора средств на покупку самки. Но эти птицы создают очень устойчивые союзы, так что найти свободную ворониху пока не удалось.

— Nevermore, — пробормотал Лаврентий.

— Как вы можете слышать, — продолжила экскурсовод, — вороны умеют воспроизводить разные звуки, в том числе человеческую речь. Благодаря такой способности, птица всегда считалась символом мудрости. Некоторые даже предполагают, что вороны вкладывают в эти звуки какой-то общий с людьми смысл. Конечно же, это ненаучный бред.

— Бред, — повторил Лаврентий, переступил с лапы на лапу и повернулся к людям хвостом.

— Бедный, — Кузя прижалась к Арсению, чтобы лучше видеть. Романов почувствовал затылком теплое дыхание и на всякий случай плоско пошутил:

— Почему же? Вот, говорят, для него счет открыли.

Группа организованно миновала компанию смешных енотов, не остановилась возле обезьян и дошла до вольера с волками. Серый зверь внимательно смотрел людям в глаза, окруженный бетонным рвом и проводами под напряжением. Передние лапы волка чуть дрожали, как перед прыжком, толстый хвост висел неподвижным поленом, уши беспокойно шевелились, а в глазах светилось животное превосходство. Неподалеку отдыхали еще двое серых разбойников. Их хвосты синхронно мотались из стороны в сторону, выметая в пыли геометрические фигуры.

— Canis lupus, серый волк, — объявила желтоглазая. — На одного самца приходится одна самка.

— Почему их трое? — задала вопрос барышня-суслик.

— Потому что, в отличие от воронов, волки создают устойчивые пары не на всю жизнь, а только на неопределенное время. Далее самка находит нового партнера, выявляемого в результате жестокой драки между самцами, которую она сама и провоцирует в брачный период.

— Но почему их сейчас трое? — голос барышни-суслика дрожал.

— Все не так просто, — неохотно ответила экскурсовод. — Для отселения предыдущего партнера требуется новый вольер, которым зоопарк не располагает. В настоящее время открыт специальный счет для сбора средств.

— А кто из них стоит в стороне? — поинтересовалась Кузя.

— Это самка. Ее зовут Лулу.

Волчица подняла голову, втянула носом воздух и тонко завывла. Прохлаждающаяся под деревом парочка вскочила и поджала хвосты.

— Бедная, — прошептала Кузя. — Ну, ничего. Подожди брачного периода.

...лично мне будет проще называть их моногамами, то есть представителями биологических видов, образующих устойчивые пары

На этот раз Романов решил промолчать и только чуть сильнее сжал пальцы. Кузя ответила тем же, отчего Арсений перестал чувствовать асфальт под ногами и начал отрываться от земли, как наполненный гелием шарик.

К счастью, экскурсовод скомандовала отправление. Группа двинулась в сторону озера, покрытого птичьим пухом и заросшего кувшинками, откуда пахло тиной и курятником. Здесь было шумно, как в морском порту. Покачивались на мелкой волне пеликаны, утки чистили жесткие перья на островках с деревянными домиками, над озером кружили чайки. Собирая дань с посетителей, береговую линию патрулировала пара лебедей — белый и черный.

— Лебеди создают пару один раз и навсегда. В зоопарке около двух десятков лебедей: черный австралийский, лебедь-кликун, лебедь-шипун, тундровый лебедь и другие, — вдохновенно рассказывала экскурсовод. Сразу было видно, что лебедей она любит больше чем волков. — При таком разнообразии видов, сами лебеди не особо обращают внимания на цвет перьев, выбирая спутника жизни по иным признакам.

— Как их зовут? — спросила пожилая женщина.

— Их зовут Сара и Мира, это самки, — захлебываясь от нежности, ворковала экскурсовод. — С момента первой встречи они неразлучны.

— Скажите, а есть здесь хотя бы одна нормальная пара? — подал голос Арсений.

— Что значит, «нормальная пара»? — недовольно спросила желтоглазая.

— Ну, где один самец и одна самка, и дети у них, и дом, и все хорошо, — Кузя поддержала вопрос. — Как у людей.

— Таких семей в зоопарке много. Вот, например — Амор и Морда. Живут дружно, и родители образцовые. Пойдемте,

здесь недалеко.

Носом уткнувшись в передние лапы, белоснежная Морда лежала в тени сутроба. Время от времени она нежно отпихивала двух расшалившихся медвежат. Третий малыш стоял у бассейна и внимательно наблюдал, как огромный Амор, отталкиваясь то от одного края, то от другого, совершенствует в прозрачной воде и без того блестящие навыки подводного плавания.

— Как видите, условия для белых медведей созданы идеальные, — гордо прокомментировала экскурсовод. — У них есть бассейн, большая каменная пещера, разделенная на три части с отдельными выходами, и даже машина для искусственного снега. Эти медвежата — дети Амора и Морды, они растут быстро и не болеют.

— Малыши уже такие большие, — сказала Кузя. — Зачем надо было разделять пещеру на три части?

— Потому что белые медведи в естественных условиях не создают ни устойчивых пар, ни даже неустойчивых, никаких. Они стопроцентные одиночки и устраивают берлоги далеко друг от друга, но в условиях зоопарка прекрасно уживаются. Дети до определенного момента живут с мамой.

— Тогда на кой три пещеры, если дети с мамой? — спросила пожилая женщина.

— Ну, мало ли, — вместо экскурсовода ответил ее спутник. — Сдают.

Отбившись от экскурсии, Арсений и Кузя бродили по зоопарку еще около часа. Соблазняли фисташками жирафа с двойным именем Алекс Смолл, подсматривали за пингвинами с поднятыми крыльями, выполняющими упражнения птичьей йоги, дразнили свистом красных шакалов и любовались голубоглазым тигром.

В парке имени Дарвина они съели по мороженому и даже выпили на скамейке полбутылки теплой противной «Сангрии». На первом свидании не совсем удобно расспрашивать друг о друге, но Романов успел узнать, что Кузя живет одна и хочет стать певицей или кем-нибудь в этом роде. Ему уже представлялся неправдоподобным тот факт, что он видит ее второй раз в жизни. Казалось, он всегда знал эти исцарапанные котенком пальцы и капризную нижнюю губу, которая почему-то была чуть светлее верхней.

— Давай сыграем в игру, — сказал Арсений, когда на набережной Шпеера они спустились на предпоследнюю гранитную ступень.

Легким облачком Кузя присела к нему на колени:

— Какую еще игру?

— Игра называется «совпалыч», то есть поиск неслучайного совпадения. Когда мы находимся в разных местах, с нами происходят всякие случайные вещи. Что угодно — встречи, наблюдения, даже сны. Мы их запоминаем и сравниваем.

— Интересно, — сказала Кузя. — Рассказывай дальше.

— За сутки можно выбирать только четыре события. Одно утром, второе днем, третье вечером, и четвертое — ночью. Самое сильное впечатление. Если мы на одной волне, то события у нас будут похожими. То есть, мы поймаем совпалыч. К примеру, меня в зоопарке больше всего удивила машина для искусственного снега.

— И меня тоже, — удивилась девушка.

— Совпалыч! — объявил Романов. — Но если бы ты сказала, что запомнилось мороженое, это совпалыч, потому что искусственный снег и мороженое — почти одно и то же. Вот видишь, мы сейчас на одной волне.

— Да, — торжественно сказала Кузя. — Совершенно на одной. А кем ты работаешь?

— Консультантом, — неохотно ответил Арсений.

— И в какой области консультируешь? Финансы?

— Что-то типа того. Так вот. Один раз в сутки мы сравниваем свои события и находим неслучайное совпадение, когда мы на одной волне.

— Как две половинки? — спросила Кузя.

— Мы живем в трехмерном мире, — возразил Арсений. — В системе с нечётным числом измерений поиск половины — задача невозможная. Три на два не делится. Тем более, что измерений не точно три, а чуть больше. Я читал недавно, — стал он сочинять на ходу, — что количество измерений равно числу «Пи», три целых четырнадцать сотых. Та часть трехмерной реальности, которая после запятой, — это вообще отдельная тема.

— Мне пора домой, — чужим голосом сказала Кузя.

В небе как будто беззвучно лопнула огромная пластиковая линейка. Арсений ощутил, как окружающая реальность стремительно сжимается до размеров черной точки внутри его сердца.

— Послушай, — слова находились с огромным трудом, — может быть, я не так выразился.

— Да нет, все правильно. Какие половинки? Мы взрослые люди.

— Если честно, я так не считаю, — оправдывался Романов. — Почему-то глупость сказал.

— Да ладно, проехали, — Кузя опять улыбалась. — Все хорошо.

Она поднесла к губам его ладонь и быстро поцеловала каждый палец.

— Все. Пойдем сажать меня на такси.

Мир снова стал теплым и нежным. Пока шли ловить машину, изумленный необычным поцелуем, Арсений молчал. Кузя рассказывала смешные истории, сама над ними смеялась, и все время крепко держала Романова под руку.

— Послушай, — спросила она, стоя у дверцы синей «шестерки», где за рулем чуть виновато улыбался небритый турок. Из хрипящих динамиков в салоне раздавался хит тридцатилетней давности — легендарный «Лачо дывэс».

— Ты играл уже с кем-то в эти самые палычи?

— Совпалычи. Нет. Честное слово.

— Хорошо. Начнем прямо сейчас?

— Давай.

— Тогда звони через сутки. То есть, завтра вечером в шесть.

Она встала на цыпочки и прижалась так сильно, что Арсений едва не потерял равновесие.

— Я буду скучать, — сказал он, но Кузя уже не могла этого слышать.

Окружающая реальность соткалась из аромата духов и обрывков цыганского романса. Арсений медленно брел в сторону метро. Он специально старался не думать о Кузе, чтобы в мысли случайно не закралось сомнение в том, что теперь в жизни все будет очень хорошо. По случаю субботнего вечера город был одержим сладким страхом не успеть за выходные достичь

противоположных результатов — развлечься и отоспаться.

У газетного киоска внимание Романова привлек заголовок на первой полосе: «СООБЩЕНИЕ ОТРАВЛЕНО ИЛИ ОТРАВЛЕНИЕ СООБЩА? СОТНИ ЧИНОВНИКОВ ПОЛУЧИЛИ КОНВЕРТЫ С НЕИЗВЕСТНЫМ БЕЛЫМ ПОРОШКОМ».

— ...арш ...сржнт ...ов, — невнятно донеслось из-за спины. Обернувшись, Арсений наткнулся взглядом на козыряющую фигуру в форме. — Предъявите документы, пожалуйста.

Случилось удивительное совпадение. Во-первых, человек в форме попался исключительно вежливый, а во-вторых, сегодня Романов против обыкновения взял с собой паспорт. Оба эти обстоятельства, а тем более их стечение, неприятностей не предвещали. Однако, после хрестоматийного перевода взгляда с фотографии на оригинал, сержант сунул паспорт в карман и велел Арсению проследовать за ним.

— Мы только вас проверим по компьютеру, — доброжелательно сказал он.

В отделении Романов присел на стул и стал ждать. Через десять минут вышел офицер и сообщил сержанту:

— Наш клиент. Будем оформлять.

— В чем дело? — спросил Арсений.

— Вы не служили в армии, — протокольным тоном объяснил офицер, одновременно заполняя бумаги. — В соответствии с распоряжением номер два-два-семь от вчерашнего числа, мы должны вас передать военному комиссариату для прохождения медицинской комиссии. В армии Романов действительно по разным причинам не служил. Сначала была университетская отсрочка от призыва, потом письма из военкомата его просто-напросто не находили из-за частых переездов с квартиры на квартиру.

Повестку выписали здесь же, в отделении, приказав расписаться и предупредив об уголовной ответственности. В соответствии с текстом, Романов Арсений Александрович был обязан в понедельник утром явиться для медицинского освидетельствования на предмет пригодности к военной службе.

— Все понятно? — спросил офицер.

— Можно теперь мне мой паспорт и я пойду?

— Вы и в самом деле не понимаете? Вам в армию в понедельник.

— Ну, не в армию, а только на медкомиссию. И это в понедельник, а сегодня суббота. Поэтому сейчас я иду домой.

Ситуация напоминала школьную театральную постановку. Арсению хотелось скорее выйти из душного бокса, пахнущего железом и кислой едой.

— По распоряжению два-два-семь, — устало сказал офицер, — мы должны с рук на руки сдать вас районному военному комиссару. Если бы сегодня был понедельник, сразу бы и поехали. Но вы сами сказали, что сегодня суббота. Поэтому до понедельника вы у нас погостите. Теперь понятно?

— Как «погощу»? — Романов не верил своим ушам.

— Обычно как, в камере. Савов, закрой его пока что в «телевизор». Как придет машина, сопроводи куда там примут до понедельника.

— Что, попал, партизан? — глумился Савов, полностью отбросив в родных пенатах первоначальную вежливость. — Лицом к стене!

Как выяснилось, «телевизором» называли крохотную комнатку, где одна стена представляла собой решетку от пола до потолка. И несколько часов, проведенных внутри «телевизора», и когда ближе к ночи куда-то повезли в тесной машине, и когда поехали в сторону страшные железные ворота, а потом вели вниз и дальше по неприятным коридорам мимо множества дверей, Арсений думал о Кузе, и мысль эта превращала происходящее в забавное приключение, неудобства которого были несравнимы с великим и светлым событием, которым обернулось сегодняшнее свидание.

Арсений получил ощутимый толчок в спину и оказался в камере. В спертом воздухе висел сильный запах чего-то, о чем было неприятно думать. Закрытая грубым деревянным щитом решетка под потолком и висящая на грязном проводе тусклая лампочка окончательно убедили Романова: реальность опять сыграла с ним одну из своих злых шуток. Молча, стараясь не расшлескать согревавшие воспоминания, он залез на верхний ярус, свернулся калачиком и решил восстановить в памяти события последних дней, вычислить их взаимосвязь и точно определить момент, после которого жизнь стала так быстро меняться. По затылку тянул сильный сквозняк, но выбор между холодом и запахом был очевиден. Арсений натянул куртку на голову и начал вспоминать.

Глава 13

Дэви Свами Параспати. Массаж ног. По ту сторону экрана.

Почему в этой главе нет эпиграфа?

Может быть, он здесь не нужен?

А нужны ли эпиграфы во всех остальных главах?

(Техническая пометка редакции «Ундервуд»)

На следующее утро после игры в «Хали-Гали» я проснулся в лучшем номере гостиницы Сурьяниана, обезвоженный и переполненный естественным чувством отвращения к любым алкогольным напиткам, даже самым изысканным. Собрав по крупицам обстоятельности ночной прогулки, я так и не смог вспомнить, как нам удалось оторваться от преследования «Убийц Будды».

Первая мысль проснувшегося человека — всегда самая верная. И если вчера вы позволили себе неумеренное употребление спиртного, то эта мысль будет влажной и прохладной. Она может выглядеть как бутылка минеральной воды, стакан ледяного виноградного сока, охлажденный кумыс или сосулька застывшего в вашем воображении высокогорного водопада.

Мне же приснилось, будто я стоял на краю горного плато, поросшего чахлой растительностью, а внизу темнел океан, покрытый множеством огромных айсбергов. С каждой секундой пейзаж все ярче подсвечивало восходящее солнце, отчего вокруг становилось жарче, и скоро айсберги стали напоминать куски белоснежного масла на медленно греющейся сковородке. Тающие ледяные громадины стремительно уменьшались, вода прибывала и сливалась куда-то за горизонт, линия которого поднималась все выше и выше, пока от неба не осталась только небольшая кромка, подсвеченная спрятавшимся солнцем. Океан стал вертикальным и теперь был похож на экран телевизора или стекло колоссального аквариума, где угадывалось медленное движение обитателей пучины — гигантских кальмаров, спрутов и скатов. Сам себе в этот момент я напоминал сухую и незащищенную пылинку на раскаленной крыше бомбейского автобуса. Пылинку, которой очень хотелось пить. От этой жажды сдерживаемый силами поверхностного натяжения экран прогнулся в мою сторону и пролился миллиардами тонн освежающей влаги.

Подхваченный первой волной, я без всякого страха закувыркался в аттракционах водоворотов, пытаясь, если не утолить жажду, то хотя бы прополоскать соленой водой пересохший рот, раскрывавшийся все шире и шире и скоро превратившийся в огромную пасть, куда тут же стали заплывать обильные косяки промысловой рыбы. Рыбу я поедал, а лишнюю воду с шумом выпускал через какое-то новое отверстие в голове. Это продолжалось достаточно для того, чтобы начать осознавать свой новый статус в пищевой цепочке Мирового Океана. «Кто я?» Задавшись этим вопросом, я тут же ответил на него: «Ай эм гад», — и проснулся.

Потянувшись к графину на тумбочке, я чуть не свалился от неожиданности: на полу лежала красная кепка. Отчетливо вспомнив вчерашнюю прогулку по Бомбею, я высоко подскочил на упругих пружинах матраца (похоже, лучший номер был предназначен для новобранцев) и быстро оделся. В этот момент дверь открылась, и в спальню вошел сурового вида индус с маузером на боку.

— Кепку я заберу, — сказал он звонким голосом, взял свой головной убор, но не ушел.

Честно сказать, когда я увидел грозного восточного воина, то даже не успел испугаться. Только после того как он заговорил, меня пронзил чудовищный ужас, потому что изъяснялся неожиданный визитер на чистом русском языке. Похоже, вчерашняя игра оказалась не столь уж безобидной, и сейчас мне приходится пожинать ее последствия.

— Кто вы? — собрав последние силы, спросил я как можно тверже.

— Вчера мясо ели? — продолжил индус, как ни в чем не бывало, усаживаясь в кресло. — Чувствуется по вашему голосу. А лихо вы от рикш улепетывали, Иван Иванович! Но если бы я им у Форта аварию не устроил, даже не знаю, чем бы дело кончилось.

Нотки восторга в его голосе показались мне очень знакомыми.

— Саблин? — я не верил своим глазам.

— На время командировки — Гопал Кумар, велосипедный рикшевала. Вот и лицензия имеется. Приятно после дальнего похода покататься на велике.

— Вас не узнать, — ухмыльнулся я. — Вы мастер перевоплощения.

— Всего-то парик и ореховое масло. Вы вот тоже с утра на себя не очень похожи. Может быть, закажем в номер поесть? Только не мясо. Это ведь такой продукт — делает либо склонным к насилию, либо трусливым. Как по мне, так лучше рыба: в ней фосфора больше. А если чего-то радикального, то можно чесноку съесть. Чеснок чем хорош — он и спортивную агрессивность возбуждает, и не делает склонным к насилию.

Уплетая творожные блинчики, Саблин с набитым ртом рассказал, что происходило, когда я покинул борт. Из-за нарушения симпатической связи с возлюбленным Любу отозвали обратно, для чего за ней из Тегерана прилетал гидросамолет. На общем собрании этот случай обсуждался, и мнения разделились: некоторые говорили, что отдавать письмо в чужие руки — поступок недостойный, прочие же высказывались в мою защиту. После выступления Беспрозванного единогласно было принято решение — забыть эту историю всем без исключения. В том числе и мне, о чем Саблин уполномочил меня официально уведомить в Бомбее.

— Заодно просили присмотреть за вами, — продолжал курсант, — и на самолет посадить. Так что собирайтесь, рейс в Дели через три часа, оттуда полетите в Катманду. Билеты я взял.

— Как ваши песни? — спросил я, когда мы подъезжали к аэродрому.

— Пишутся и поются, а как иначе? Тем более что акустик нормальную студию собрал и сконструировал кучу новых инструментов. Поэтому теперь все ударились в электронные аранжировки, и только мы с Абрамычем по старинке — под гитару. Комиссар продолжает меня третировать. Говорит — пиши о чем хочешь, но чтобы красиво было. Проверяет теперь каждый куплет. Обложился справочниками по музыкальной гармонии и правилами стихосложения. Следит, чтобы женские рифмы вовремя чередовались с мужскими, а отлагольные вообще не признает. Цитирует Анандавардхану, требует соблюдения стихотворного размера, а минорно-мажорные переходы — чтобы точно по учебнику гармонии. В общем, весело у нас по-прежнему.

— Теперь самое главное, — сказал курсант. — У меня для вас сообщение из центра:

«Дорогой Иван! Полученные разведанные подтверждают, что экспедиция противника на Кундун достигнет цели в ближайшее время. Просим поторопиться, — тихо декламировал Саблин заученный текст. — Расчеты синхронизированной экуменической активности позволяют предположить, что в результате вашей встречи с конкурентами трижды прозвучат слова «О, Господи» на одном из языков индоевропейской группы. В контакт с конкурентами не вступать ни при каких обстоятельствах. Желаю удачи. Краснов.»

Перелет в Дели на новеньком самолете компании TWA не запомнился ничем примечательным, кроме восхитительной получасовой болтанки перед посадкой. Когда крылья вашего аэроплана встречаются с небесным бездорожьем — это божественно. Самолет словно прогрызается сквозь воздушную твердь. После второго удара пассажиры замолкают, самые впечатлительные сжимают ручки сидений и почти все про себя молятся кто кому. В этот момент как никогда сильно ощущение беспомощности, предопределенности собственной жизни и всевластия высшей силы. Что, как я думаю, время от времени чувствовать полезно.

Прогуляв несколько часов по столице Индии, я не заметил никаких особенных достопримечательностей. Приземистый, шумный и хаотичный, город напоминал бескрайний рынок, прихотливо перемешанный с мусорной свалкой. Едва я вышел за пределы относительно чистого пятачка Коннат Плейс, взору моему открылось отвратительное зрелище. Зловонный труп священного животного, раздувшийся от газов, оказался на пути так внезапно, что моя сандалия едва не наступила в кишашую червями черную жижу. Я находился в состоянии, близком к обмороку, и, наверное, упал бы, но в последний момент меня удержала чья-то рука.

— ОК? — задал древний индийский вопрос темнокожий далит в грязном балахоне.

Я смог только кивнуть в ответ, прижимая к носу платок и стараясь не смотреть на разлагающуюся корову, хотя взгляд то и дело возвращался к белоснежным ребрам, торчащим из-под отваливающейся кожи.

— ОК, — повторил далит, но уже в утвердительном смысле. Зацепив корову багром, он практически по частям втащил ее на лист фанеры с привязанными веревками, впрягся в эту примитивную повозку и уволок за угол.

— ОК! — воскликнул он, вернувшись через минуту.

Мне захотелось поблагодарить этого человека, который не только спас меня от неприятного зрелища, но и к тому же, тратит жизнь на такую неэстетичную, однако нужную людям работу.

— Спасибо не надо говорить, — сказал далит. — Люди должны помогать друг другу. А руку я вам не могу пожать, потому что я неприкасаемый. Я даже на вашу тень не имею права наступить. Ничего личного. Не мы такие, такая каста.

— Но это несправедливо. И если честно, противоречит всему, что я знаю об Индии. Всегда считал эту страну хранилищем древней духовности. Разве вам не обидно?

— На обиженных ракшасы к асурам ездят. Вы приезжий, как я вижу. Меня зовут Пуруш. Если хотите, я могу вам все обосновать, у меня как раз обеденный перерыв. Только давайте не здесь, а то нас неправильно поймут. Пойдемте, рядом есть местечко.

Мы прошли вверх по улочке, пронырнули сквозь ворота с медными львами на колоннах и оказались в уютном парке со стриженными газонами, скульптурами и лабиринтом. Вездесущие обезьяны не только не портили строгий английский стиль, но до странности органично его дополняли.

— Одну секунду, — сказал Пуруш и отошел в сторону пруда. Скоро он вернулся совершенно чистым и переодетым в светлый льняной костюм.

Внутри каменной беседки, густо увитой растениями, стоял мраморный стол с резными ножками.

— Итак, вас интересуют неприкасаемые? В нас нет ничего выдающегося — обычная каста, со своими правилами и законами. Например, нам нельзя наступать на тень человека из другой касты, прикасаться к нему, пить воду из одного с ним источника. Неприкасаемые заняты самым неуважаемым трудом — все мои родственники работают мясниками, проститутками или актерами. Во всем остальном мы — обычные люди, а бессмысленных или глупых правил, как мне кажется, у каждой касты хватает.

— Но почему вы не мясник или не артист?

— Первое даже мне отвратительно. Если я убираю на улице трупы животных, то делаю мир чище. Но убивать живых не смог бы никогда. Лучше жить в этом мире, прося подаяние, чем убивать. Однако это — мое личное. Мои братья, например, на бойне работают.

— А быть артистом — способностей не хватает? — попытался я угадать.

— Что вы! Я самый музыкальный в семье. И танцую лучше всех, и петь меня на свадьбы приглашают. Но это все бесплатно, только для собственного удовольствия. Профессионально я этим не занимаюсь. У нас считается, что быть артистом — намного хуже, чем мясником.

— Почему?

— Есть такая легенда. Много лет назад, когда люди и звери еще понимали друг друга, маленькая девочка встретила в джунглях волка и помогла ему выгнать из лапы огромную занозу. Благородный зверь поклялся своим хвостом, что в трудный час придет на помощь, стоит только его громко позвать. У девочки была хорошая карма и звать волка не было причины, но однажды она закричала: — «Волк, волк, на помощь!» — просто чтобы похвастаться перед подругами. Когда зверь вышел из леса, девочка сказала, что опасность ей привиделась. За всю свою жизнь она еще дважды без повода звала его, а потом, когда в деревню пришли белые люди и силой пытались заставить местных жителей получить британские паспорта, волк на зов не явился. «Наверное, издох от старости», — подумала девочка, и это было правдой. А когда она состарилась и умерла, в следующей жизни стала актрисой. Вот такая легенда. Мясник лишает жизни одних, чтобы кормить других. Артист лишает жизни себя, чтобы кормить себя. Кому от этого хорошо?

— Почему же «лишает жизни»?

— Личной жизни. Разве она есть у артиста? Вот вы сами посудите, — вздохнул Пуруш, — актер должен говорить громко, чтобы его слышали зрители, правильно? Если он станет произносить слова без чувства, то будет плохим актером. Значит, чувствовать ему приходится тоже громко, и если на сцене это нормально, то в личной жизни — невыносимо. Поэтому и мои жены были бы против. К тому же, артистическая жизнь полна случайных связей, они бы ревновали, да я и сам не хочу.

Жены у меня — золото. Вот, кстати, и они. Обед несут.

Женщина становится красивой, когда ее искренне любят...

К беседке приближались две грациозные фигуры. Одна красавица несла поднос с едой, другая — кувшин с водой. Не глядя на меня, они поставили всё на стол и застыли у порога тонкими изваяниями.

Первая напоминала породистую лошадь. В особенности на это указывали подвижные крылья ее смуглых ноздрей, украшенные серебряными кольцами. Высокая и крепкая, она была лет на десять старше своей спутницы. Вторая же, если продолжить зоологическую аналогию, была юной коброй, сверкающей и опасной. Похоже, обеих жен мое присутствие не только смущало, но и тяготило.

— Их зовут Дэви Свами Параспати, — сказал Пуруш.

— Обоих?

— Конечно. Они неразлучны.

— Иван Харламов, — я встал, кивнул головой и чуть ли не щелкнул каблуками.

— Они не будут с вами разговаривать. Во-первых, они неприкасаемые, а во-вторых — не знают английского. Есть еще и «в-третьих», но этот пункт может оказаться болезненным для вашего самолюбия. А большое мужское самолюбие — путь в ад.

Пуруш произнес несколько фраз на мелодичном языке. Жены поклонились, прикоснулись к его ступням и удалились.

— Путь в ад, вы сказали?

— С ростом мужского самолюбия растет безбожие, которое развращает женщин, а развращение женщин ведет к появлению нежелательного потомства, которое ведет к смешению сословий, которое ведет в ад. И это все во имя женской красоты — капитала, который со временем не прирастает. Вы никогда не задумывались, почему так привлекает вечная женская красота?

— Возможно, из-за стремления к гармонии?

— Вас послушать, так и лондонский Джек-Утешитель стремился к гармонии. Впрочем, все относительно. Мой дедушка говорил, мужчина и женщина — как химические реактивы. Не всегда можно предсказать последствия их смешения, но не надо бояться экспериментировать. И до тех пор, пока у дедушки оставалось время для подобных сеансов, он смешивал свою жизнь с разными женщинами и считал результаты весьма полезными.

— Почему же потом у него не осталось времени?

— Потому что дедушка умер, — две слезы появились в глазах Пуруша и невероятным образом оказались втянутыми обратно.

— Но при чем здесь война?

— Мужчина всматривается в женщину как в зеркало. Или, если хотите, словно в окно, за которым лишь вечер на пустой проселочной дороге. Но мало в какую женщину смотрится только один мужчина. В результате — все они смотрят в одно и то же окно, и видят отражения друг друга, и бычаты до тех пор, пока не начинается мировая война.

— И что же делать?

— Дедушка однажды признался, что желание смешивать свою жизнь у него начинает слабеть. Но это он сказал незадолго до смерти. Так что, удел мужчины — до самого конца искать ту единственную женщину, реакция с которой будет его полностью устраивать. Вероятность такой встречи можно вычислить математическим путем. Если в мире три миллиарда женщин, то соответственно, опыт с первой составляет одну трехмиллиардную, и так далее... Можете сами сосчитать, я не силен в математике.

— То есть вы полагаете, этим опытам нужно посвятить жизнь?

— По-вашему, лучше наблюдать свои кишки, навернутые на штык, оказаться растоптанным боевым слоном или сойти с ума от паралитического газа? Я не хочу это проверять. Все это знают, только ни у кого нет времени об этом помнить. Кстати, о времени. Я через полчаса должен быть на работе.

Отдав должное блюдам индийской кухни, мы с Пурушем вышли из парка.

— Вообще-то, — сказал на прощанье Пуруш, — нет некрасивых женщин.

— Это старая шутка, — я попытался уклониться от пошлого продолжения.

— Нет, правда. Женщина становится красивой, когда ее искренне любят. Мои обе знаете, какими замарашками были? Да еще и актрисами. Хоть в зоопарк сдавай. Одно слово — неприкасаемые.

В случае с железной дорогой отсутствие билетов не является большой проблемой. Всегда можно договориться с проводником, но лично мне такие варианты не нравятся, и я купил билет в кассе. Джентльмен должен соблюдать закон даже в мелочах, чтобы при необходимости нарушать его по-крупному без всякого вреда для своей совести.

Катманду — город маленький и запутанный невероятно. Вымощенные бульжником улочки переплетаются так непредсказуемо, что любой путеводитель тут бесполезен. Ведь в нем не сказано, что из Алмазного переулка можно попасть на улицу 2500-летия Адвайты не только через площадь Героев Тяньаньмынь, но и более коротким путем: пройдя через магазин циновок мастера Ханя, а также сквозь его жилище, которое с противоположного конца превращается в массажный салон.

Откинувшись в кресле, я наблюдал, как пожилой китаец сидит у моих ног на низком табурете. Следует признаться, что массаж ног — одно из самых приятных чувственных удовольствий. После того, как помощники унесли медный таз с водой и мои нижние конечности стали практически стерильными, Хань круговыми движениями стал разогревать правое колено. В последующие полчаса он растягивал мне икроножную мышцу, пытался оторвать пятку и вдавливал стальные пальцы в стопы.

За стеклянной витриной салона ходили люди, преимущественно местные жители, нагруженные коврами, плетеной мебелью и посудой. Складывалось такое впечатление, что население Катманду затеяло всеобщий переезд и переносит вещи вручную.

К витрине подошла дама с рыжими волосами. Ее взгляд рассеянно скользнул по зеркалам на стенах салона, и она скрылась из вида. В руке дама держала желтый зонтик, и это была Кирхен.

— Вторую ногу, пожалуйста, — на плохом английском сказал Хань.

Мгновенно рассчитавшись с невозмутимым стариком, я вонзился в туфли, вылетел на улицу и попытался бежать. Желтый зонтик стал надежным ориентиром и покачивался над головами в каких-то ста метрах. Но сразу догнать девушку не удалось. Не то что бежать, даже стоять было практически невозможно. Правая нога, обработанная мастером, хотя и прекрасно подчинялась нервным импульсам, была настолько расслабленной, что я ее совсем не чувствовал. Дождись я окончания массажа, такая участь ожидала бы и вторую ногу, и я был бы бесконечно за это признателен. Но теперь из-за разницы ощущений в ногах, я потерял чувство баланса.

Желтый зонтик уплыл так далеко, что был едва различим в разноцветной перспективе улицы, как на картинах Ренуара. Опираясь то на одну ногу, то на другую, я помчался следом, ускоряясь с каждым прыжком. Смешно сказать, но такой вид передвижения был более эффективен, чем если бы я пробирался сквозь толпу обычным образом. Прохожие расступались, удивленные появлением скачущего белого человека, и очень скоро желтый зонтик был достигнут и взят в плен. Кирхен оказалась барышней искренней и общительной. Она не скрывала радости от неожиданной встречи. Пока мы

прогуливались вдоль длинного ряда торговцев коврами, я узнал, что она родилась в Эдинбурге, изучает социологию, что они с братом приехали позавчера и остановились в отеле «Ритрит Плаза».

— Бари проводит круглые сутки в массажных салонах, — сообщила она доверительно. — Он сейчас пишет сценарий и все время в поиске вдохновения, а я немного скучаю. Кстати, в пять мы с ним договорились встретиться в отеле, а сейчас — без пятнадцати.

— Что же, приятно было пообщаться, — я всеми силами пытался не проявить огорчения. — Проводить вас?

— И проводить, и поужинать с нами, — девушка взяла меня под руку, — и вообще я вас куда не отпущу. Мне скучно, разве не видите?

Знакомство продолжалось и обострялось. После нескольких рюмок местного самогона, выпитых в ожидании Бари, я уже очень хорошо чувствовал ту самую симпатическую связь, которая рождается между мужчиной и женщиной, называется по-разному и никогда не бывает односторонней. Вы знаете, о чем я — когда обретают новый смысл слова, со стороны кажущиеся все более бессмысленными — это значит, что по невидимым проводам, натянутым между людьми, струится энергия новой жизни. Сохранить эту связь намного сложнее, чем разорвать, и я до сих пор не знаю, что лучше.

Бари явился, увешанный гирляндами живых цветов, и следующие несколько часов полностью соответствовал описанию, которое дал ему Левон. За это время он успел дважды напиться и трижды протрезветь, спеть несколько песен, отстукивая ладошкой ритм по столу и обаять компанию богатых новозеландских овцеводов, сидевших за соседним столиком. При всем этом Бари каким-то невероятным образом успел поговорить с каждым по отдельности на самые разные темы.

— Он у вас потрясающе общительный, — заметил я, когда Бари танцевал вальс с пожилой американкой под аккомпанемент оркестра неизвестных инструментов.

— Не могу понять — вы кого сейчас похвалили: меня или его? — улыбнулась Кирхен.

— Вас, конечно.

— Имейте в виду, брат любит мужские комплименты.

— Какая собственно разница? — вмешался в разговор вездесущий Бари. — Не все ли равно, если в каждом из нас живет и мужчина и женщина?

— Это вы на основании монографии доктора Нахтштерна о единстве внутренних Амины и Аминуса? — проявил я знание модной теории.

— Не только. Еще в древности считали, что в человеке равно присутствуют мужское и женское начало. Я совершенно с этим согласен, поэтому поворачиваюсь к мужчине своей женской стороной, а к женщине — мужской.

— Это правда, — подтвердила Кирхен и зевнула. — Может быть, погуляем?

Я кивнул в знак того, что отправляюсь вместе с ней.

— Я не пойду, — сказал Бари. — Буду пить и есть.

— Скажите, а ваши внутренние Амина и Аминус любят друг друга? — спросил я.

— В молодости по-разному бывало, — вздохнул Бари. — Но с годами они стали более терпимыми. Куда им одной от другого деваться?

Распрощавшись с драматургом, мы еще раз прошлись по центру Катманду. Обнаружив на Малой Бенгальской улице единственный в городе кинотеатр, отсутствие очереди за билетами и начало сеанса через десять минут, мы сочли это стечение обстоятельств указующим знаком. Я еще не смотрел «Вавилонскую библиотеку» — на то время один из самых дорогих фильмов, снятый по сценарию молодого, но подающего большие надежды аргентинца Менара. Однако увидеть эту ленту в тот вечер мне так и не довелось.

Прежде чем продолжить рассказ, я хотел бы обратиться с вопросом к читателю. Не перехожу ли я границу дозволенного в описании личных событий? Честно сказать, я не понимаю, почему изображение батальных сцен в искусстве приветствуется, а постельных — наоборот? Самое меньшее половину газетных полос занимают фотографии криминальной хроники и боксерских нокаутов, а музеи переполнены холстами, на которых отрубают головы, расстреливают и распинают. Но стоит описать в подробностях ночь любви, как невнятные слои общества обвиняют автора в грубой игре, ломают над ним шпагу и ставят к позорному столбу. Меня эта перспектива не пугает, однако я все же избавлю себя от задачи изображать подробности того вечера в Катманду. Но только лишь потому, что и сейчас не могу вспоминать его без грусти. Тем не менее, один момент, который имеет непосредственное отношение к дальнейшему повествованию, я все же опишу.

Так вышло, что мы заблудились в темном кинотеатре и оказались по другую сторону экрана. Лаская друг друга в сиреновом полумраке, мы не боялись быть услышанными: звуки фильма гасили наши стоны. Упираясь ладонями в стопку щитов с афишами, Кирхен закричала так громко, что если бы не музыка, ее услышали бы даже на задних рядах. После этого я не смог себя больше сдерживать и пролился в девушку.

— О майн гот! — дрожала затихающая Кирхен. — О майн гот! О майн гот!

Ноги мои подогнулись, но я продолжал крепко сжимать руками тонкую талию, пока она не успокоилась. Все описанное удивительным образом совпало с концом фильма.

Глава 14

Дверь с ангелом. О глупых и умных женщинах. Симулянт.

*Кровавая светит звезда
Исполнилась адская плутня
И тонут в крови города
Прощай, моя милая лютня
Прощай моя нежная лютня
И я призываюсь туда.*

(Александр Солодовников, 1917)

Воскресенье не подчиняется законам физики. Этот день может тянуться бесконечно или сразу после завтрака превратиться в сумерки — продолжительность выходного зависит только от личного желания, в отличие от всех остальных дней, когда потоки высокой интенсивности насильно втягивают частные мысли в общее течение.

Когда человек просыпается, очень важна его первая мысль. В момент пробуждения, пока лампы желаний еще только разогреваются, голова загружает в оперативную память показания всех органов, включая совесть, и докладывает о результатах своей работы.

Таинственную и прекрасную страну снов связывает с реальным миром человека его мочевой пузырь. Только он решает, когда именно возратить душу из ночных странствий. Арсений открыл глаза и увидел четыре двухъярусные кровати без признаков белья или матрасов, занимающие почти все пространство камеры следственного изолятора. В предыдущую секунду ему снилось, что он сидит в ложе театра. Спектакль (кажется, это был «Новейший Плутарх» по мотивам сборника Розы Андреевой) вроде бы, уже заканчивался, когда Романов почувствовал малый позыв природы. Обеими руками раздвинув тяжелые шторы, он вышел из ложи, прошел по коридору и отразился в огромном зеркале фойе. В уборной обнаружилось три двери. На первой был изображен мужской профиль с курительной трубкой. На второй — дама в пышном платье с зонтиком. На третьей — ангел с крыльями и трубой. Немного посомневавшись, Романов толкнул дверь с ангелом. В дальнем углу, возле железной двери с круглым окошком Арсений нашел завешенное висащими тряпками ведро, справил малую нужду и окончательно проснулся.

Рядом с отхожим местом, на крайней кровати, сидел небритый человек в обветшалом спортивном костюме.

— Здравствуйте, — сказал Романов и протянул руку. — Меня Арсений зовут.

— Петя, — сказал небритый. — Со мной нельзя за руку. Такие правила. Вы впервые в камере? Тогда послушайте, что я скажу. Первым руку не протягивайте, вопросов не задавайте и вообще поменьше говорите. Ну, ничего. Поначалу все так. Первые полгода трудно, потом пообтешетесь.

— Меня завтра выпустят.

— Так все сначала думают. Эх, молодость! Вот кажется, я вчера таким же был, — вопреки собственному совету, небритый Петя не умолкал ни на секунду, — а не успел и оглянуться, как двадцать два года прошло.

— И все это время вы здесь? — содрогнулся Романов, глядя на древние стены, оклеенные газетами и вырезками из журналов прошлого века.

— Почему здесь? Я много где сидел. И в Соликамске, и в Липецке, и в Хабаровске. И в Средней Азии был, и на Дальнем Востоке, и в Карпатах. Много поездил, мир повидал.

— Как же повидали, если все время в камере? Что вы могли видеть?

— Вы достопримечательности имеете в виду? На них можно и в книжке посмотреть. В путешествии самое главное — люди. Будете курить?

Осторожно, чтобы не задеть Романова рукой, Петя протянул ему пачку «Огонька». Арсений отказался: немного удовольствия курить на пустой желудок дешевую сигарету без фильтра.

— Предлагаю позавтракать, — сказал Петя, будто прочитав его желание. Впрочем, в воскресное утро мысли о завтраке так громки и очевидны, что их легко угадать. — Сейчас устроим, — суетился он вокруг столика под решеткой. — Можете постоять у двери?

— Зачем? — спросил Арсений.

— Чтобы шпифты забить, то есть, прикрыть спиной дверной глазок. В него могут заглянуть. Кипятильник нельзя, а без него чайку не попьешь. Да и овсяночки хочется. Любите овсяную кашу?

Вывинтив лампочку и набросив оголенные концы кипятильника на патрон, Петя в считанные минуты вскипятил воду и показал Арсению шкафчик с эмалированными кружками, мисками, чаем и овсянкой.

После завтрака Петя затеял в камере уборку, объясняя это тем, что «придут люди — неудобно будет». Арсений пытался помочь, но был твердо отстранен и тихо сидел на втором ярусе. Сквозняк теперь выполнял функции кондиционера и приятно охлаждал голову.

— То есть, получается, в зоопарке все однолюбы: и моногамы, и полигамы, — вспоминал Романов вчерашнее свидание. — Один партнер на всю жизнь. Но что им остается? В клетке нет выбора.

— Так увезут вас завтра? — выкручивая тряпку, не умолкал Петя. — Уж простите, что я все время разговариваю. Соскучился по общению. И куда же, разрешите поинтересоваться?

— Сказали, что в армию.

— Ах, вот что. Как я не догадался? Война ведь началась.

— Как война? Где?

— На Севере. Здесь вчера один служивый буянил, он и рассказал. В новостях называется — силовая акция в защиту белых медведей. По официальной версии, террористы вывозят лёд с полюса. Это нарушает экологический баланс и сильно сказывается на среде обитания белых медведей. Которые, как выяснилось, и без того на грани исчезновения.

— Зачем этим странам лёд?

— Наверное, жарко у них.

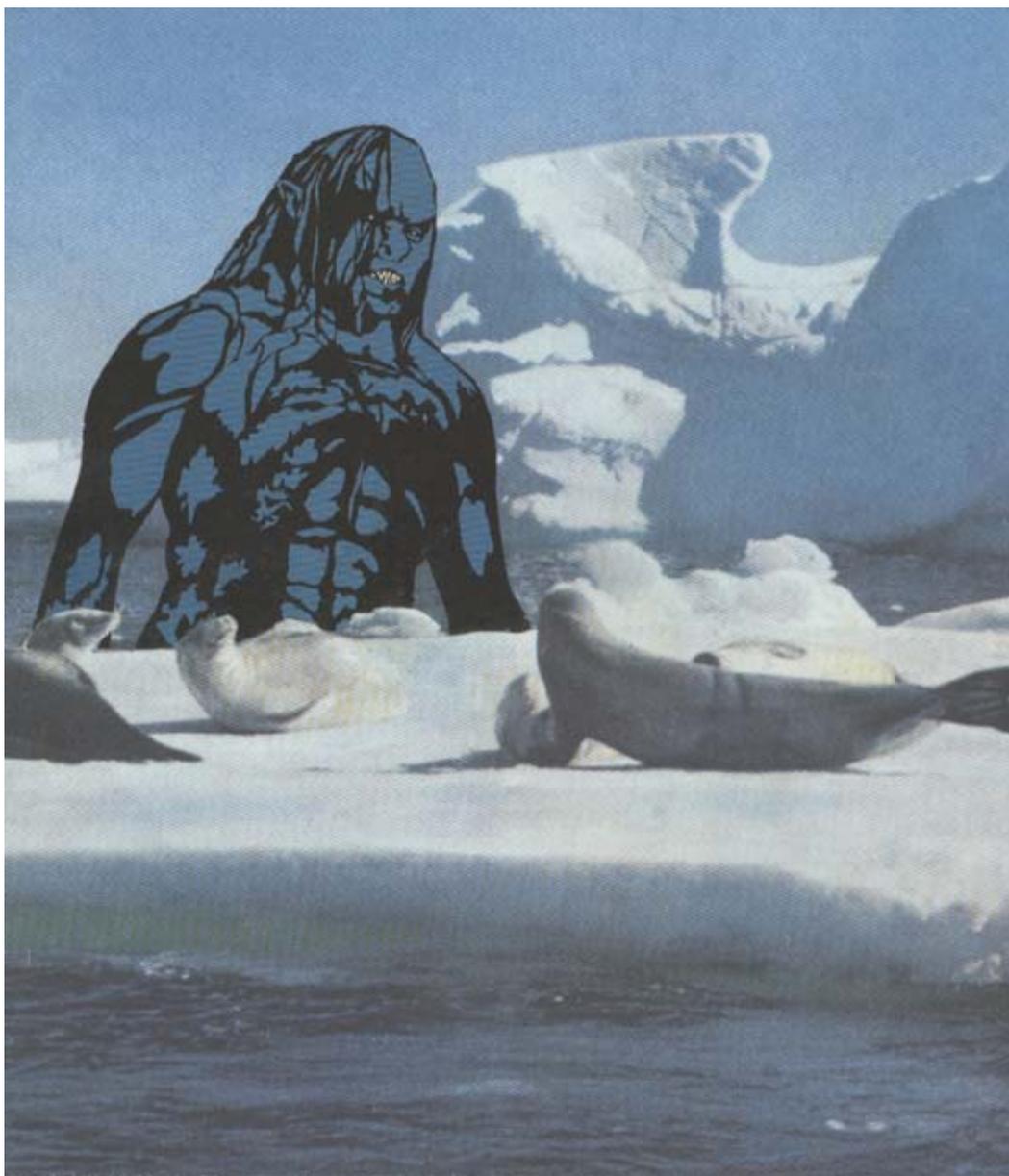
— Но можно ведь искусственный делать, — Романову вспомнились счастливые Амор и Морда. — А вообще-то, жалко медведей.

— У вас появляется реальный шанс их защитить, — язвительно сказал Петя. — Ограниченный контингент наших войск

на полюсе составляет пятьдесят тысяч человек. Медведей там штук пятьсот, не больше. Сто человек на одного медведя. Так что не в них дело.

— А в чем?

— Знаете, одиночество располагает к размышлениям. Я здесь много думал, и пришел к выводу, что у войны есть только одна реальная причина.

По официальной версии, террористы вывозят лёд с полюса. Это нарушает экологический баланс и сильно сказывается на среде обитания белых медведей.

О чем могут говорить мужчины, чья свобода надолго ограничена замкнутым пространством? О чем угодно, но преимущественно — о гендерных противоречиях, или, выражаясь простым языком, о бабах. По теории небритого Пети, выходило, что любой конфликт — от школьной поножовщины до Троянской войны и силовой акции в защиту белых медведей — происходит от острого недостатка на планете умных женщин.

Движимая инстинктом продолжения рода, самка человека выбирает единственного мужчину, от которого рождает ребенка. Пока выбор не сделан, в поле ее внимания удерживается максимальное число более-менее подходящих кандидатов. Так делают все — от сорокалетней фотомодели до пятилетней девочки.

Умная женщина делает мужчину человеком, а глупая — пробуждает в нем зверя. Первая не допустит, чтобы рядом одновременно находилось несколько кандидатов на руку и сердце. Высший пилотаж — когда они вообще не знакомы между собой. И уж разумеется, сделав окончательный выбор, умная женщина теряет из вида всех, кроме своего избранника.

Глупая женщина в школьные годы ходит в кино с двумя мальчиками, чуть позже — встречается с обоими по очереди, а выйдя замуж за одного, никогда не забывает поздравить другого с днем рождения. Эти двое растут, учатся, ходят на работу и ездят в отпуск, они совершенно разные люди. И объединяет их лишь одно: сами не желая, они отняли друг у друга веру в любовь, честность, порядочность и верность.

— Ну а война здесь причём? — спросил Арсений.

— Так ведь ненависть никуда не девается. Она живет, вытесненная в подсознание, и не имеет конкретных границ. Мужские попытки реализовать это чувство в спорте и пьянстве — только жалкое подобие войны, единственного места, где

ненависть может быть выплеснута без остатка.

Петя специальным стеклышком скоблил до свежего дерева столик у стены.

— Вот так, Арсений. Начинают женщины, кончают мужчины, а страдают дети.

— Странная у вас, Петя, теория. Такое чувство, что вы кем-то сильно обижены.

— В точку попали! Я и есть обиженный. Так меня здесь так и называют. Или еще — петухом. Не очень приятное звание, надо сказать. Только я все равно не жалею, что попал сюда. Если бы не тюрьма, сидел бы сиднем в своей деревне и ничего бы не знал. А так — хоть мир повидал. Знаете, какие интересные люди попадаются?

Ближе к вечеру дверь с грохотом отворилась, и в камеру вошел офицер в сопровождении двух крепышей с резиновыми дубинками. Не обращая внимания на Петю, он подошел к Арсению и спросил скучающим тоном:

— Жалобы есть?

— У меня есть, — отозвался Петя.

— Ключ зашелкни, — ответил ему офицер. — Ты-то дома, а этот здесь в гостях до завтра. Насобирали, понимаешь, как грибов, по распоряжению два-два-семь, а где держать, не подумали. Догадались тоже — призывников в следственный изолятор сажать. Ну, так что, молодой человек, вопросы есть?

— Который час?

— Какая тебе разница? Ну, восемнадцать — ноль пять. Это все?

Арсению показалось, что плоскость тюремного потолка, покрытая лепестками облупившейся краски, стала медленно, тяжелым прессом опускаться вниз.

— У меня одна просьба, — твердо сказал он. — Мне нужно позвонить. Срочно.

— Не положено. Да и куда тебе звонить? Все равно до завтра начальства не будет. И утром на звонки не рассчитывай.

Война началась. Или ты телевизор не смотришь?

Романов уже начинал привыкать к манере людей в форме резко переходить на повышенный тон и обратно.

— Не смотрю. У меня нет телевизора.

— Вот, а в армии есть телевизор. В красном уголке. И если ты хоть раз посмотришь новости, — непонятно было — офицер говорит серьезно, или глумится, — то узнаешь, что мы окружены кольцом вражеских стран. Уже на наших белых медведей руку подняли. Родина, блядь, в опасности, понял?

Дверные засовы громко лязгнули за офицером, но Романов этого не слышал. Уговор с Кузей был на шесть. Арсений сел и обхватил руками голову.

— Что, очень надо? — спросил Петя. — Выньте вон тот кирпич из стены, там лежит мобильник. В тюрьме все есть, надо только знать где. Вы недолго, ладно?

— Спасибо, Петя. Вы меня спасли, — Арсений снова попытался пожать соседу руку.

— Нельзя ко мне прикасаться, сколько раз повторять? Если прикоснетесь — останетесь здесь навсегда, понятно? И «спасибо» у нас не говорят. Люди должны помогать друг другу.

«Как в Индии», — подумал Арсений.

После трех бесконечных гудков Кузя сняла трубку.

— Готов играть? Вечер, ночь, утро, день.

— Да. Только ты начинай.

— Вечер. Никаких событий, смотрела телевизор.

— Я попал в милицию. Тоже ничего особенного. Ночью приснился сон, в котором мы были в театре.

— Мне ничего не снилось. Еще забыла окно закрыть, и сквозняком меня продуло. Утром на мое окно прилетел белый голубь. Представляешь? Такой красивый! А у тебя что утром?

— С петухом познакомился.

— Ты где вообще?

— Давай подробности при встрече. Что днем?

— Днем узнала, что война началась.

— И у меня война. Один совпалыч из четырех, уже неплохо. И еще — телевизор.

— Это если не считать твоего петуха и моего голубя. Знаешь, я почему-то очень сильно о тебе беспокоюсь. У тебя ничего не случилось?

— Все нормально, — сказал Арсений, замечая краем глаза размахивающего руками Петю. — Я тоже о тебе думаю. Не могу говорить. Пока. Связь завтра в шесть вечера.

Пока Арсений прятал телефон обратно, Петя снова стал наводить чистоту, теперь объясняя столь частые уборки желанием убить время. Законопатив сквозняк в решетке, Романов пожелал соседу спокойной ночи, залез наверх и через миг спал легким сном без сновидений.

Так закончилось воскресенье, которое, несмотря на все законы, иногда случается даже в тюрьме.

Утром повезли на медицинскую комиссию. Автобус долго плутал по городу, собирая изловленных за выходные. Рядом с Арсением расположился широкоплечий бритоголовый парень лет двадцати, одетый в охотничий камуфляж.

— Скорее бы уже в поезд, — обратился он к Романову, который в качестве ответа ограничился пожиманием плечами, не найдя в организме соответствующей моменту эмоции. — Только бы медкомиссию пройти, — не отставал сосед.

— Думаю, пройдете, — вежливо поддержал беседу Арсений. — Туда только совсем больных не берут.

— Вот и я им говорю — здоровый я, — возмущенно стал рассказывать бритоголовый. — Первый разряд по боксу. В тире выбиваю девяносто из ста, хоть из пистолета, хоть из арбалета. Знаю радиодело и с парашютом прыгал три раза. А они — ни в какую. Ну, ничего, сейчас возьмут. Война все-таки. Илья, — протянул он Арсению руку. — Илья Вилкин.

— Почему же не берут? — Романов пожал каменную ладонь соседа.

— По нервам не прохожу. Я им говорю — ледяной водой обливаюсь, а они — у вас в карточке написано, что вы подвержены вспышкам неконтролируемой агрессии. Как, мол, такого отправлять? А что я к армии с детства готовлюсь, им до лампочки. Понимаешь, бегаю по десять километров каждый день, двести раз могу от пола отжаться на кулаках, а они за эту карточку вцепились. Козлы!

Вилкин несильно ударил кулаком перед собой по спинке сиденья. Сидящий спереди возмущенно развернулся, но

встретившись глазами, сник и вернулся в исходное положение. Когда людей набилось больше чем в час пик, автобус въехал в ворота станции Москва-Сортировочная и выпустил содержимое в шумную толпу.

На станции царил атмосфера праздника. Громко играла музыка, отовсюду доносились веселые голоса и смех. Арсений отметил, что он, самое малое, лет на пять старше большинства призывников. В основном это были восемнадцатилетние подростки, бодрые и пьяные. Их сопровождали нетрезвые по случаю важного дня отцы, рассказывающие сыновьям и друг другу байки из собственного армейского опыта. Матерей было поменьше. Они сжимали в руках пластиковые пакеты с едой, глаза их были влажными и покрасневшими.

Призывников разделили на две группы. Первые — успешно прошедшие медицинскую комиссию и ожидавшие погрузки — играли на гитарах, целовались с подружками и почти открыто пили водку. Остальные стояли в длинной очереди, примыкавшей к двери с красным крестом. Заняв место в хвосте, Арсений вскоре почувствовал, что очередь продвигается довольно быстро. Собственно, внутри никакого обследования не было. Врачи смотрели личное дело раздетого до трусов Романова, сравнивали бумажные данные с реальным внешним видом, интересовались — нет ли жалоб, и ставили печать. Арсений и опомниться не успел, как его обходной лист украсился фиолетовыми штампами хирурга, окулиста и невропатолога.

Чуть дольше им занимался врач, чья специализация по звуку была похожа на имя экзотического животного — «ухогорлонос». Арсений даже успел представить себе силовую акцию по спасению горной колонии ухогорлоносов, как вдруг услышал знакомый голос.

— Это шумерский орнамент, — по обыкновению наседа на собеседника Клейн. — И совсем не похоже. Какое же это макраме? Это тату. Ладно, давайте ставьте штамп, я курить хочу. О, привет, — заметил он Романова. — Тебя тоже загребли? Поздравляю. А наш друг Алимов под машину попал. Представляешь — идем мы от тебя... Кстати, ты уже освободился? В смысле — прошел комиссию? Тогда я быстро. Короче, нас на бульваре сначала ограбили, а потом замели менты, но отпустили. Утром в пятницу мы к тебе заходили, но не застали, на твоей крыше встретили какую-то шпану, потом пошли пить пиво. А тут — облава. Алимов побежал и попал под крутой «Бентли». Я тоже мог бы смыться, конечно, но не стал. Сейчас медведей надо защищать, а не брюки по конторам просиживать. Как подумаю, что они там без снега могут остаться, рука тянется к автомату.

— Слушай, ты же сам тогда про войны рассказывал. О том, кто их устраивает и почему. Лишних — в лес. Помнишь?

— Тихо ты, — перешел на шепот Клейн. — Думаешь, я не понимаю, что вся эта история с медведями — сплошная информационная поганка? Но в армию все равно пойду. На работе отчет за девять месяцев. Как об этом подумаю, меня тошнить начинает. Реально, лучше на войну чем в офис. Да и попутешествовать хочется, мир посмотреть. А то сижу сиднем, ничего не вижу. Я так понимаю, эта война не последняя: после северной будет южная, потом западная и так далее, так что насмотрюсь красот. С оружием в руках путешествовать интереснее, чем по туристической визе. Больше увидеть можно. Знаешь, я только что таблицу окулиста наизусть выучил, чтобы не забраковали по зрению. Ну, все, заканчивай и выходи! Я уже всех врачей прошел, пойду, водки выпью с братьями по оружию.

Арсений переходил от одного врача к другому, высовывал язык, показывал зубы, давал себя скоблить, щипать и обмеривать. Все, о чем он думал в это время — предстоящий вечерний звонок Кузе. Чуть прикрыв глаза, чтобы тени в белых халатах стали еще более призрачными, он видел Кузю в серебряных туфельках и серую Лулу, слышал «Лачо Дывэс» и ни о чем не беспокоился.

— Вам плохо, Романов?

— Мне — хорошо, — обратившись к реальности, Арсений увидел глаза пожилого врача, раскладывающего на столе разноцветные карточки.

— Выберите три карточки, которые вам больше всего нравятся, — у психиатра была седая борода и внешность ветхозаветного патриарха.

— Мне они все вместе нравятся, — сказал Арсений. — Но по отдельности — ни одна.

— В самом деле? — улыбнулся патриарх. — И по какой причине?

— Я не пойду в армию. Потому что не хочу. И не хочу до такой степени, что сделаю все, чтобы там не оказаться.

— Что же именно вы сделаете?

— Все. И вам, как психиатру, который меня обследует, лучше признать меня негодным к службе. Потому что если вы так не сделаете, я очень постараюсь, чтобы доказать свою негодность. Тогда вас накажут, — Арсений говорил спокойно и твердо. — Прошу мне поверить. Нужны доказательства? — Арсений встал.

— Нет, не нужны, — спокойно сказал врач, с интересом глядя на Романова. Я вам верю. Но не имею права признать кого-либо негодными. Это может сделать только психиатрическая экспертиза. Я дам направление. Только учтите: в случае положительного диагноза вас больше не возьмут ни на одну приличную работу.

— Я не собираюсь работать на приличной работе. Если мне сейчас дадут мобилизационный листок, — Романов с подозрением глядел на документы, — я дам в морду командиру. Пусть меня расстреляют; но форму я не надену.

— И водительские права вам не выдадут, — это патриарх говорил, уже заполняя бумаги.

Выйдя из двери с красным крестом, Арсений огляделся. Очередь заметно поубавилась, зато толпа с водкой и гитарами была разделена теперь на равные группы человек по пятьдесят, между которыми сновали офицеры. Уже никто не пел, родителей осталось мало, хотя музыка из репродукторов все еще играла что-то бодрое.

— Постой здесь пару минут, сейчас машина будет, и поедем, — сказал Романову сопровождающий сержант и угостил его сигаретой.

— Арсений, тебя не остригли? — рядом оказался бодрый Клейн. Его череп сверкал на солнце. — Я в магазин сбегал — за водкой, сигаретами и книгой в поезд. Вообще-то, выходить уже нельзя, но за деньги все можно. Если осторожно, — Клейн только сейчас заметил рядом сержанта и резко сменил тему разговора. — Вот, смотри — вышли все книги о Толстом, если по одной в день читать — как раз на три дня.

Клейн показал три книги со сверкающими обложками, где был изображен герой модных бестселлеров по кличке Толстый. На первой, которая называлась «Война Толстого», супермен спокойно смотрел на вертящуюся по бильярдному столу осколочную гранату; обложка второй представляла собой коллаж из жизни ночного клуба, увенчанный заглавием «Мир Толстого»; а третья книга, где Толстый в монашеском облачении держал блестящий пистолет с глушителем, именовалась «Воскресение Толстого».

— Это, ясное дело, не интеллектуальное чтение, — сказал Клейн, — но для армии в самый раз: там умных не любят.

— Стань в строй, воин! — строго сказал сержант, — Болтаешь здесь.

Одновременно с его словами музыка в репродукторах закончилась, и после шипения послышался надтреснутый голос: «Внимание, призывникам построится в шеренгу по три! Остальных просим покинуть территорию!»

— Ну, не поминай лихом. Поехал я на белых медведей смотреть!

Клейн пожал руку Романову и побежал в строй. По пути он вильнул в сторону, сделал крюк метров в десять и оказался рядом с группой провожающих родителей, среди которых выделялась осанкой, крупным носом и общей невозмутимостью барышня в форме лейтенанта милиции. Не останавливаясь, Клейн с размаху шлепнул ее по заду, обтянутому серой форменной юбкой, и через несколько секунд уже занял место на правом фланге. Рядом с Клейном стоял сияющий от счастья Вилкин.

— Пойдем, симулянт, — сержант слегка толкнул Арсения в спину. — Лечиться будем.

Глава 15 Энцефалограмма. Минералка. Аллилуйя!

*Твоя вера с тобой пока ты с ней спишь,
Ты встретил ее на одной из крыш.
В тот миг ты понял истину простую -
Что в ожидании борца
Встретишь свой последний час
Если станешь петь ей в губы — Аллилуйя!
(Leonard Cohen, “Halleluya”)*

Над жильцами старинного дома по Варсонофьевскому переулку нависла тень печальных перемен. И хотя единственным симптомом было отсутствие комиссий и угрожающих звонков, Мила понимала, что наступившее затишье не к добру. Сообщив об этом угрюмому Краснову, смывавшему с рук кирпичную пыль, она прошлась по этажам и велела жильцам собирать вещи. Вернувшись к себе, Мила села пить чай.

— Знаешь дорогая, — сказал доцент, — Моя идея сработала. Клад нужно было искать в соответствии с шахматной теорией.

Мир полон выброшенных вещей.

В шахматах есть такое понятие — «тихий ход». То есть незаметный и на первый взгляд малоэффективный маневр, который впоследствии меняет расстановку сил и приводит партию к завершению.

— Ну и что?

— А то, применив метод ладейных окончаний, я проверил все камни. И хотя я ничего не нашел, в клетке «аш-пять» увидел пустой тайник. Если бы это была шахматная доска, после этого хода белые получили бы преимущество. Кто-то нашел клад раньше нас.

— Теперь все равно, — сказала Мила. — Давай укладывать вещи, чуёт мое сердце — закончилась наша жизнь в этом доме.

Милю настроение передалось остальным жильцам. Не пошел за пивом детский писатель Журавлев. Разложив по бархатной тряпице сверкающие инструменты, бездумно царапал стол своим лучшим резцом миниатюрист Барбакару. Режиссер сообщил группе, что на неопределенный срок возвращается в горы, а украинские строители стали собирать нехитрые пожитки. Только Ниточка и Пипеточка были в силу своего юного возраста веселы и беззаботны, однако сегодня это никого не умиляло.

Родственник неистовой управдомши Павел Кайло тенью спустился на площадку второго этажа, выкурил дешевую «Варанаси», вывинтил древние шурупы и спрятал латунную дверную ручку за радиатором. Чтобы снять и вторую, Кайло попытался бесшумно открыть дверь, но за отсутствием только что свинченной ручки это оказалось нелегко.

Тем временем, сладкий запах индийских сигарет проник наверх. Жильцы третьего этажа расшевелились, и скоро движение на мраморной лестнице стало по-обычному оживленным. Сверкая загорелыми ногами, поскакали умыться Ниточка и Пипеточка; выполз на площадку детский писатель Журавлев с тающими следами от циновки на лысом черепе; и прихрамывая, медленно проковылял к кому-то в гости седой человек с тонким длинным шрамом на лице. Поднявшись на самый верх, он взвесил в руке огромный замок, поковырялся отмычкой и беззвучно открыл чердачную дверь.

Внутри висела кирпичная пыль. Осветив фонариком свежие пробоины в основаниях каминных труб, человек со шрамом тихо присвистнул и двинулся дальше. Через несколько минут он нашел открытое чердачное окно и продолжил путь по крышам. Тихо ступая по ребрам старой жести, седой прошел примерно полквартиры, когда, наконец, увидел домик на соседней крыше, почти скрытый трубами дымоходов.

Мир полон выброшенных вещей. На помойках покоятся старые абажуры и продавленные стулья, телевизоры щерятся разбитыми кинескопами, гниют ковровые дорожки и сохнут цветочные горшки. Прошлое надо оставить в прошлом — жертвами этой философии становятся не только вещи. Полуживые домашние цветы, дачные котята, запойные знакомые — как бы вы продолжили этот список? Домик на крыше окружало кольцо фикусов, кротонов и пальм. Некоторые особо разросшиеся растения были заботливо подвязаны к бамбуковым удочкам, воткнутым в горшки. По стенам вились лианы и хмель.

Две деревянные ступеньки, выдраенные до стерильного блеска, вели на крыльцо размером с песочницу. Окна домика были темны, а выкрашенная суриком деревянная дверь заперта. Седой снова достал отмычку, но в этот момент его внимание привлекли искусно сплетенные веревочные перила. Он присел на ступеньку, достал трубку, долго набивал ее табаком, долго держал в руке, и, в конце концов, закурил, распространяя над крышами долгий аромат.

Приблизительно через час послышались негромкие шаги по крыше, и возник Иваныч в джинсах, рубашке и кожаных сандалиях на босую ногу. Подойдя ближе, он пригляделся к гостю на крыльце, присел рядом и только потом нарушил тишину:

— Саблин, бродяга! — сказал он чуть насмешливо. — Как твоя нога, не отросла еще?

Первое, что сведет вас с ума в психиатрическом диспансере — отсутствие на дверях ручек с внутренней стороны. Их снимают и носят в карманах халатов врачи и санитары. Очень удобно: достал ручку из кармана, открыл дверь, вытащил ручку из двери, а дверь на пружинах захлопнулась сама. И больше никто ее изнутри не откроет, разве что такой же обладатель алюминиевой ручки.

Ключи, конечно, привычнее, но их не напасешься на такое множество дверей: в отделение — раз, в приемный покой — два, и еще двадцать две двери внутри отделения, включая кабинет заведующего и манипуляционную. На туалете замка нет, но нет там и двери. Не положено.

— Постарайтесь расслабиться и стоять тихо, — пожилая санитарка оставила Романова в темной комнате. Все происходило уже ближе к вечеру и называлось — энцефалограмма. Датчики на голове передавали информацию об активности мозга в соседнюю комнату, где возились с приборами врачи.

— На счет «три» замрите и не шевелитесь, — послышалось оттуда. — Один, два, три!

Загудела аппаратура. Вопреки инструкции, Арсений напряг мышцы лица, и стал корчить чудовищные гримасы. Он высовывал язык, морщил лоб и пытался шевелить ушами. Через минуту включился свет.

— Вы точно стояли смирно?

— Да, — солгал Романов.

— Очень странно. Сейчас сделаем повторно. Я останусь здесь и прослежу за вами, — санитарка подозрительно смотрел на Арсения. — Думайте о чем-то спокойном. Три, два, один!

Теперь жульничать стало сложнее. Романов чуть прикрыл глаза, и в который раз вспомнил, что Кузя ждет его звонка в шесть. От предвкушения сердце послушно забило в два раза быстрее. Чтобы у санитарки не оставалось никаких сомнений в его честности, Арсений полностью расслабил мышцы лица и стал представлять, что на часах уже восемь вечера, а позвонить неоткуда. От этой мысли его сразу прошиб холодный пот.

— Достаточно. Снимайте электроды.

— Который сейчас час? — спросил Романов у доктора, изучавшего тонкую бумажную ленту.

— Шесть, — ответил доктор. — Ну что же, придется вам у нас погостить, — сказал он необычайно нежным голосом. — Давайте, уважаемый, в палату, а перед сном попрошу заполнить опросничек. Там ничего сложного.

У Арсения было такое чувство, что ему пять лет и с ним разговаривает воспитатель детского сада.

— Скажите, я могу позвонить? Мне очень нужно.

— Вообще-то, не положено. Но вы ведь не знали. Сейчас вас проводят в приемный покой, там есть телефон, — голос доктора был как будто смазан оливковым маслом. — А потом — в палату.

С какого-то непонятного момента статус Романова в отделении резко вырос. Нежно поглаживая его по плечу, переставшая быть грубой и неприветливой санитарка привела Арсения в кабинет, где, кроме вешалки, телефона и

накрытой резиновой простыней кушетки, ничего не было.

— Только недолго, зайчик, ладно? — и дверь без ручки захлопнулась.

Кузя взяла трубку после первого гудка и сразу начала игру.

— Вечер. Ремонтировала форточку — она все время раскрывается и дует.

— Совпалыч! — обрадовался Романов. — Я решетку заклеивал, чтобы сквозняка не было.

— Какую решетку?

— Давай без подробностей, чтобы не отвлекаться. Ночью ничего не снилось.

— Если мне тоже ничего не снилось, это совпалыч?

— Нет, — сказал Романов. — Могут быть разные ничего.

— Утром к соседке приезжала «скорая». До обеда с врачами общалась.

— Я на медицинском обследовании был. Совпалыч.

— Ого, два из трех. Днем ходила на занятие по актерскому мастерству. Научилась, кстати, ушами шевелить. А у тебя?

— И я ушами шевелил. На энцефалограмме. Долго рассказывать. То есть сегодня — три из четырех.

— Это победа! — голос Кузи в трубке гремел на весь кабинет.

— Я очень хочу тебя видеть.

— И я тебя.

— Вот и ещё один совпалыч. Так что, ты ко мне или я к тебе?

— Лучше я к тебе, — Арсений оглядел стены и невольно усмехнулся, представляя Кузю в психдиспансере.

— Пиши адрес. Метро Сокол, улица Оловянная одиннадцать, квартира девяносто восемь. Я жду тебя, — голос Кузи звенел серебряным колокольчиком. — Только попитьхвати, ладно?

В двери послышался звук вставляемой ручки и вошел доктор.

— Поговорили? Теперь отвечаем на вопросы, и спать.

— Можно, я здесь заполню, а не в палате?

— Хорошо, только ничего не трогайте. Думаю, полчаса вам хватит, — доктор положил на кушетку книжицу толщиной со школьную тетрадь.

— «Калифорнийский личностный опросник», — прочитал Арсений название. — И что мне с ним делать?

— Все просто, уважаемый, — ласково ответил доктор. — Здесь читаете вопросы, а здесь ставите крестик — да или нет. Вот вам ручка. Через тридцать минут я вас выпущу.

Романов раскрыл книжицу, и наугад ткнул пальцем. Вопросы были хотя и простыми, но все же крайне странными.

— Какие же это вопросы?

— Что вы имеете в виду? — доктор остановился на пороге и внимательно посмотрел на Романова.

— Ну, в вопросах есть хотя бы вопросительные знаки. А здесь — все в утвердительной форме, — Арсений стал зачитывать вслух. — «Не терпит чтобы им командовали — да/нет», «Обладает чувством достоинства — да/нет», «Часто разочаровывается», или вот еще — «Неумолимый, но беспристрастный». — Это не вопросы, это ответы.

Алюминиевая ручка звякнула с той стороны.

— Я по королевским узлам на твоём крыльце сразу понял — свой, — радостно рассказывал Саблин. — Ты давно здесь?

— Да как оттуда, так сразу сюда.

— И как там?

— Как здесь, только места меньше.

Со стороны диалог двух пожилых мужчин многим показался бы малосодержательным, но собеседники, по-видимому, восхитительно друг друга понимали. Как могли бы написать в дипломатическом протоколе, торжественный прием старого товарища проходил в тихой, неприметной атмосфере.

Обстановка в домике Иваныча была скромной: в одном углу разместился заставленный всякой всячиной верстак, в другом — висел гамак из крупной манильской пеньки, на стене поблескивал морской хронометр, на полу лежали бамбуковые циновки. Все это делало интерьер очень похожим на каюту небольшой яхты.

— Ты все такой же фраер, как я погляжу. Очки дорогие носишь, — Иваныч зажег примус и поставил на огонь прозрачный чайник толстого стекла.

— Мне самому мало что нужно, — сказал Саблин. — Это по работе. Сам знаешь, разные люди попадают.

— Сам не знаю. Так не нужны тебе эти очки? А почему они по-прежнему на тебе надеты?

— Будет тебе поучать, Иван Иванович. Мы не на «Гаммарусе», — Саблин снял очки и перевел разговор на другую тему. — Я и здесь, между прочим, по делу. Да, видно, опоздал. Этот дом вот-вот расселять будут. Не волнуйся, на крышу они не полезут.

— У меня в этом доме знакомый живет. Нормальный такой пацан, с понятием. Надо предупредить. Слушай, а ведь до первого августа осталась всего неделя!

— Вот вместе в Ленинград и поедем, — сказал Саблин. — Эх, отметить бы встречу, да лень бегать. Или спустимся по-быстрому?

— Вверх — это значит вниз, — ответил Иваныч и прислушался.

Тот, кто неподалеку гремел шагами, не имел ни малейшего представления об искусстве хождения по крышам, в котором есть два основных правила: во-первых, стопу надо ставить на всю плоскость подошвы, а во-вторых, перемещаться следует по стыкам жестяных листов. Грохот приближался, и обеспокоенный Саблин вышел на крыльцо.

— Погасим бортовые огни?

— Спокойно, — сказал Иваныч. — Кажется, я знаю, кто это может быть.

Из-за жестяного гребня показалась лысая голова, а затем и весь Журавлев.

— Иван Иванович! — обрадовался он. — Как я рад вас видеть! Брожу как февральский медведь. Внизу общий траур — вещи собирают. А у меня вещей нет, — язык Журавлева слегка заплетался. — Зато есть «Леприконс» двенадцатилетней выдержки, сегодня в редакции подарили. Денег не дали, что характерно, а виски не пожалели. Вот, — писатель поставил бутылку на крыльцо. — Литр! Ну, почти литр. Добрый вечер, — заметил он Саблина.

— Позвольте вас познакомиться, — сказал Иваныч. — Журавлев, писатель. Саблин, вперёдсмотрящий.

— Очень приятно, — трезвым голосом произнес Журавлев. — Ну, так что насчет «Леприконса»? Составите компанию?

- С удовольствием, — ответил Саблин. — Вы весьма своевременно появились. Как будто знали.
- Может, и знал, — кивнул писатель. — У меня на чердаке было такое чувство, что я не случайно сюда иду.
- Наш человек! — сказал Иваныч и снял чайник с огня.

Несмотря на изображенную на гербе московского района «Сокол» хищную птицу, поселок получил название вовсе не в ее честь. Московские соколы гнездятся не там, а в окрестностях Университета, на Лосином острове и на улице Радио. Однажды на Гороховом поле Романову свалился под ноги желторотый птенец пустельги. Вспоминая тот случай, Арсений обычно повторял слова профессора-орнитолога, у которого тогда спрашивал совета — как выхаживать малыша. «Судя по тому, что он вывалился из гнезда, ему ничем не помочь, — ответил профессор. — Если птица не хочет жить, она жить не будет». Птенец, и в самом деле, отвергал смешанные с шерстью кусочки сырого мяса, пытался выпрыгнуть из корзинки и, в конце концов, затих навсегда. А московский район назван в честь генерала по фамилии Сокол, разводившего породистых свиней.

Открыть окно, отогнуть решетку и слезть по водосточной трубе с третьего этажа порой бывает проще, чем заполнить оросник из пятисот с лишним пунктов. Свернув со Стеклопанной площади в Деревянный переулок, Арсений нашел Оловянную улицу и стал отсчитывать номера домов. Найдя одиннадцатый — добротное семиэтажное строение эпохи развитого тоталитаризма — он вспомнил о просьбе принести попить, выбрал из карманов последние монетки и купил бутылку минеральной воды «Дао». Двухлитровая емкость была выполнена в форме тыквы-горлянки, которую каждый уважавший себя древний мастер носил на кончике посоха.

Как только Романов переступил порог квартиры, его шею обвили тонкие руки. Не сказав ни слова, Кузя повела Арсения в комнату, где горели свечи, звучала музыка и пахло чем-то таким, от чего кружилась голова. Дальше все понеслось молча и со стремительным ускорением. Тела сплелись упругими змеями, и небо опустилось на землю.

Когда испарилась последняя капля пота, было уже раннее утро. Романов аккуратно курил в форточку первую за ночь сигарету, а завернутая в простыню Кузя гасила уже не нужные свечи.

— Ты только это принеси попить? — кивнула она на тыкву-горлянку. — Вообще-то, я имела в виду что-то типа шампанского. Несовпалыч случился.

- Если честно, у меня денег нет, — признался Романов. — А так-то я понял, что ты имеешь в виду.
- Зачем тогда принес воду, если понял? — Кузя выглядела огорченной.
- Разбавить ситуацию, — попытался пошутить Арсений. Чувствуя, что Кузя огорчена, он как на духу описал ей свои жизненные обстоятельства, от отъезда Веры до сегодняшней энцефалограммы.
- Ты сказал, что работаешь финансовым консультантом.
- Ну, это только так называется, а на самом деле это что-то другое, — мямлил потрясенный резкой переменой атмосферы Арсений. — Я только с завтрашнего дня начинаю там работать. Да и какая разница?
- Послушай, — холодно сказала Кузя. — Давай теперь в мою игру поиграем, хорошо? Я тебе буду рассказывать историю. И постараюсь сделать так, чтобы у тебя были все основания после первой фразы сказать: «Это хорошо», а после второй: «Это плохо». Например — летел самолет, он был новенький.
- Это хорошо, — понял правила игры Романов.
- У самолета отказал мотор, — продолжила Кузя, — это плохо. У летчика был парашют, это хорошо. Но парашют не раскрылся, это плохо. Внизу оказалась большая копна сена, это хорошо. Из копны торчали вилы, это плохо. На вилы летчик не попал, это хорошо. И на копну летчик не попал. Понял смысл? Тогда слушай другую историю, — Кузя чуть повернула крышку минералки и продолжила говорить под противное шипение. — Жила—была красивая девочка, ее родители заботились о ней.
- Это хорошо, — сказал Романов.
- Когда девочка подросла, родители разошлись.
- Это плохо.
- Девочка еще немного подросла и полюбила талантливого человека, почти гения.
- Это хорошо.
- У него не было денег, потому что он много пил.
- Это плохо.
- Ей пришлось зарабатывать деньги самой.
- Это хорошо.
- Деньги ей давали поклонники, с которыми она спала. Ну, отвечай!
- Это плохо.
- Теперь она могла прокормить и себя и своего возлюбленного.
- Это хорошо.
- Почти гений узнал о ней больше, чем смог простить, и оставил ее.
- Это плохо.
- Она поняла, что никогда не полюбит человека, который не сможет купить ей все, что она хочет.
- Это хорошо? — спросил Арсений.
- Это правильно, — совершенно спокойным голосом сказала Кузя. — Кстати, я в зоопарке перчатки потеряла. Давай спать.
- Я пойду, — окаменевшими руками Арсений натянул брюки.
- Пока, — сказала Кузя. — Но в палычи мы все равно будем играть, правда?
- Да, — солгал Романов.

— Когда-то я здесь был уже,
И в этом подъезде и на этаже,
На этой хате здесь валялся на полу я.
Я не помню ни мрамора, ни картин.
Только помню, что был совершенно один,
Но теперь Ты здесь, и значит — Аллилуйя!!

— Так вы капитан или впередсмотрящий? — спросил Журавлев. — Непонятно.

— Вас что-то смущает? Капитан — это обычное звание, — перебиравший струны Саблин пожал плечами.

— А смотрящий вперед — необычное призвание, — вмешался Иваныч. — Я, между прочим, тоже впередсмотрящий. Настоящий островной виски, честное слово. И литр — отличный объем. Пой дальше Саблин, соскучился я по твоим песням.

Давно уже вынесли дубовый столик на воздух, троица восседала в окружении фикусов и кротонов, и единственным источником света была полная луна. Журавлев смотрел на нее сквозь стакан, где «Леприконс» рисовал на стенках масляные картины.

Сначала губы лишь беззвучно шевелились, угадывая слова, но когда зазвучал припев, Журавлев с Иванычем в один голос затянули:

— Аллилуйя, Аллилуйя!

— Саблин, выпей, — Иваныч поднес стакан к губам поющего.

— Ни родины, ни флага, — пробормотал впередсмотрящий, быстро сделал большой глоток и продолжил петь. Журавлеву даже показалось, что песня не прервалась ни на миг. Причина такого феномена, рассудил он, заключается в том, что литр виски и трое мужчин создают идеальную пропорцию, наподобие золотого сечения.

— Может, я все не так пою,

Я ведь не знаю песню Твою,

Ну а если бы знал, я бы пел все равно другую.

Мне все равно — какой дашь совет,

Я давно привык знать, что Тебя как бы нет,

А есть только это слово — Аллилуйя!

Аллилуйя, Аллилуйя,

Аллилуйя, Аллилуйя!

Аллилуйя, Аллилуйя

Если бы этот припев в три голоса можно было взвесить на весах, измерить его плотность и вычислить молярную массу, исследователь столкнулся бы с необъяснимым явлением: песня стелилась над крышами, оседала на листьях дубов Малинового монастыря, но одновременно поднималась вверх, к светлеющему небу.

По данным медицинской статистики, семьдесят процентов населения планеты страдают от слуховых галлюцинаций. Следует предположить, что прочие тридцать процентов слуховыми галлюцинациями наслаждаются. И проваливающимся один за другим в тяжелый сон украинским рабочим, и молча обнявшимся на диване Миле с Красновым, и художнику Барбакару, набрасывающему на большом листе эскиз новой миниатюры под названием «Наноонан», и пешком возвращающемуся с Оловянной улицы Романову, — всем казалось, что они слышат эту песню. Но почему-то, за исключением крепко спящих Ниточки и Пипеточки, никто не был уверен до конца, что все это так и есть на самом деле.

Глава 16

Любовь равно H₂O. «Хайвей имени Роберта Броуна». Чайное озеро.

Чай — хорошо тонизирующий и утоляющий жажду напиток, содержит большое количество полезных элементов...
(Надпись на пачке черного байхового чая, ГОСТ № 4828721, Ташкент, 1984 год)

Если где-то появилась первая звезда, сразу можно увидеть и вторую, надо только поискать. А к тому моменту, когда она найдется, в небе проявится уже столько звезд, что вряд ли астроном-любитель вспомнит о той, с которой все началось. Хорошо, конечно, что наблюдение за звездами доступно не только профессионалам, но вдвойне прекрасно, что простым смертным открыта только та часть звездного неба, которую можно видеть невооруженным взглядом. Каждому свое. Наблюдающий за галактиками не видит отдельных светил.

Звезда никогда не бывает одна. Ослепленный не столько открытием, сколько сияющими россыпями над головой, я даже не пытался вообразить — что открылось бы взгляду, будь у меня хоть самый слабенький телескоп. Да и какое мне дело, что пульсар Крабовидной туманности по-прежнему вращается вокруг своей оси? Что с того, что Плеяды видны сейчас еще отчетливее, чем во время закладки первого камня Лхасы? Ведь это вовсе не означает, что для моих современников звезды имеют такое же значение, как для древних тибетцев. И если в памяти живут воспоминания о местах, где я побывал, это не значит, что в мире есть что-то еще кроме этой отражающей звездный свет кремнистой дороги вдоль озера, на которой остановились повозки, запряженные черными страшными яками. И если я лежу в повозке и смотрю в небо, этот факт не имеет никакого отношения к тому, что под теми же звездами обретаются люди, с которыми я когда-то был знаком. Да и был ли на самом деле?

На тринадцатый день путешествия впереди показался четырехугольный Кундун. При виде белоснежной вершины наш караван — груженные элитным ойвейским чаем повозки — остановился на берегу озера для отдыха и молитвы перед встречей с духами горы.

Тибетцы — народ весьма добродушный и любят хорошие шутки, а если таких в данный момент нет, то они готовы посмеяться просто так, для порядка. Самым смешным анекдотом здесь считался вопрос: почему самцы панды переглядываются между собой, когда видят самку? Ответ — самцы смотрят друг на друга, чтобы не забыть о том, что они не самки. До сих пор не могу понять, в чем здесь соль.

Справедливости ради добавлю, что забавлявшие меня всю дорогу изображения мужских половых органов на домах и скалах, цветные, как из журналов моды, казались смешными только мне одному, да еще хозяину каравана — молчаливому и надменному китайцу Ру.

Этот Ру был очень жадным. Взять меня с собой на Кундун он согласился только после того, как я отдал ему все имеющиеся у меня наличные. Похоже, он рассчитывал неплохо заработать на партии чая, прочно упакованного в бумажные мешки. Хотя на повозках было нагружено самое меньшее полторы тонны, Ру не позволял брать чай для заварки, и тибетцы обходились местными сортами, по вкусу похожими на веник. Впрочем, в виду вершины Кундуна он расщедрился и принес к общему костру грамм триста.

— Когда караван обойдет гору сто восемь раз, этот чай будет стоить как золото, — на ломаном английском сказал Ру, присаживаясь в общий круг. — Тогда не просите, сам не буду пить. Но сейчас — пожалуйста. Только не надо кипятка лить, этот сорт заваривается холодной водой.

— Вы скоро будете богатым человеком, — спросил я. — Что станете делать?

— Это знает только тот, судьба которого скоро свершится, — отвечал китаец. — Никто не знает, что он захочет. Завтра к вечеру все мы будем другими — и я, и ты, и даже эти яки.

Рано утром, после ритуального омовения в водах озера мы отправились в дорогу и вскоре приблизились к горе настолько, чтобы я смог осознать всю нереальность своей миссии. Восхождение на заснеженную вершину выглядело задачей, очень сложной даже для опытного альпиниста, коим я не являлся.

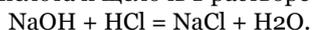
К тому же, подножие горы оказалось местом весьма многолюдным. Кроме нашего каравана, ритуальный обход вокруг Кундуна совершали самое малое еще сто человек. Бредущие паломники благоговейно пели мантры, и штурмовать святую гору при них было бы так же неосмотрительно, как лезть на Спаскую башню на глазах у всей Красной площади. Судя по свирепым лицам некоторых паломников, здесь могли бы быть примерно те же последствия.

Еще раз убедившись, что Ру планирует обойти гору сто восемь раз, я решил не спешить и до поры оставил мысли о вершине. На освободившееся место тут же нахлынули воспоминания о вечере в Катманду. Сожаление о так и не увиденной экранизации «Вавилонской лотереи» впрыскивалось в мозг в равной смеси с огорчением от того, что вечер в компании Кирхен закончился, и, по-видимому, уже никогда не повторится.

Чувства — это вода, а мысли — приправы. Какие бы мысли ни приходили в голову, настроение зависит не от них, а от мягкости той постели, в которую эти мысли укладываются. Теперь размышления о возникшей в последний момент преграде, из-за которой задание Краснова казалось уже практически невыполнимым, сменились не менее безнадежными раздумьями о собственной личной жизни, ее бестолковости и грустной предопределенности.

Почему мне так не везет? Дважды мне повстречались женщины, к которым я испытывал истинную страсть, и обе встречи закончились совершенно глупым образом. Как было бы хорошо, если бы все сложилось иначе! Размечтавшись, я представил себе дважды невозможную ситуацию, в которой Люба и Кирхен были бы рядом со мной одновременно. Я вспомнил Пуруша и обеих Свамипараспати. Что он там рассказывал о химических реакциях? Точнее не он, а его бабушка утверждал, что люди — это химические реактивы, и никогда не знаешь заранее, каким будет результат их смешения.

Я — фармацевт, разбираюсь в химии и при составлении препаратов не раз слышал специфическое шипение, когда кислота и щелочь в растворе обмениваются молекулами, взаимно нейтрализуя друг друга.

Вспомнилась легкомысленная эстрадная песенка:

Ты спросишь — нафиг этот цирк?

А я — не знаю

Зачем еще в одну из дырк
Забили сваю
Зачем мы щелочь с кислотой
Перемешали
Ведь нас же, кажется, с тобой
Предупреждали?

Похоже, неприкасаемый дедушка был прав. Ошеломленный открытием, я достал блокнот и записал:
КИРХЕН+ИВАН=ЛЮБОВЬ+Н₂O

Это и называется реакцией нейтрализации, от латинского neuter — «ни тот, ни другой». Реакцией, приводящей к потере характерных свойств обоих соединений, что и позволяет применять полученное вещество в медицинских целях.

В голове было шумно, и этот шум создавали танцующие паломники, тянущие свою бесконечную мантру, бьющие в медные диски и звенящие колокольчиками, Чтобы не отвлекаться, я соскочил с повозки и уселся на большом теплом камне у самого подножия горы

Тысячу раз прав был Пурушев дедушка! Результатом общения с Любой стало мое одинокое морское путешествие в сторону Арамболя. ЛЮБОВЬ+ИВАН= ИВАН+Н₂O. Что, после элементарного арифметического преобразования, дает ЛЮБОВЬ=Н₂O.

Ощувив голод, я набил рот найденными в кармане крошками цампы –поджаренной ячменной муки — и продолжил размышлять. Я будто вернулся в тот день: ушедший под воду «Гаммарус», бескрайний океан вокруг, бесконечное одиночество и тонкая береговая линия прямо по курсу.

ЛЮБОВЬ=Н₂O.

Разноцветные паломники давно уже скрылись за поворотом, лишь густые обертоны огромных труб все еще доносились до меня будто из-под земли, и это пугало.

— Нет — это значит да, — громко произнес я вслух, чтобы приободриться. — Вверх — это значит вниз.

Говорящего в одиночестве рано или поздно настигает странное состояние. Какая-то скованность, как будто слова не хотят звучать ни для кого. Вообще, если вспомнить все немногие обстоятельства, когда человек разговаривает вслух один, можно сделать вывод, что таковых крайне немного. Собственно их всего лишь три — брань, молитва и игра, причем последнее преимущественно в детстве.

Человек, говорящий сам с собой, пугает других и объявляется сумасшедшим. А ну, как он произносит что-то вредное и опасное, ведь как его проверишь, если никто не слышит? Да с собой ли он говорит сейчас?

Практика произнесения слов в одиночестве забавляла меня еще в университете. Тогда задание Краснова заключалось в том, чтобы в течение суток размышлять только вслух, не обращая внимания ни на присутствие других людей, ни на их отсутствие. В первом случае, любое место, где находилось больше одного студента, превращалось в жужжащий улей. Во втором случае происходило неизменно что, потому что никто не мог проверить — насколько точно мы следуем инструкциям. Лично о себе скажу, что после нескольких попыток говорить вслух в одиночестве я предпочел этой практике другие занятия — например, уже упомянутые групповое лежание в темноте под музыку или синхронное исполнение «Дубинушки».

Почувствовав легкий укол совести в связи с таким несерьезным отношением к заданиям профессора, я решил хотя бы сейчас компенсировать студенческую небрежность.

— Так, — сказал я тихо вслух, — караван ушел уже слишком далеко, чтобы его догонять. Но путь его не так сложен. Надо только идти вокруг горы и рано или поздно я всех встречу. Или можно дождаться их прямо здесь. Хотя, лучше прогуляться.

Отправившись по кремнистой дороге, я еще раз убедился — как сложно говорить в одиночестве. Слова застревали в горле. Попробуйте это сделать прямо сейчас и вы поймете, о чем я. Подобное ощущение возникает у человека, ведущего дневник, который никто, кроме него, никогда не прочтет. Хотя, наверное, в глубине души все надеются, что их дневник прочтут когда-нибудь.

— И они не ошибаются: все дневники, действительно, рано или поздно читают! — крикнул я. — И нет мне нужды догонять караван! Пойду-ка я лучше, пока не стемнело, может быть, и найду с какой стороны подняться.

— Кирхен, Кирхен, дорогая, — тянул я вполголоса. — Как бы там ни было, твой путь ведет сюда, хотя ты опоздала — в этом соревновании я тебя обошел. Я вскочил на подножку последнего поезда, и теперь между нами сезон дождей, в который ни ты, ни твой братец не сможете даже выйти из гостиницы. А вот я уже здесь. Вот только не знаю, как подняться на вершину. Господи, как же мне туда подняться?

За очередным поворотом меня ждал сюрприз — перекресток. К основной дороге примыкала еще одна, уводившая вверх по более-менее пологому склону. Судя по нетронутому слою каменной пыли, здесь давно никто не ходил. Недолго думая, я свернул с кремнистой дороги и пошел по твердой колее. Через несколько шагов она превратилась в петляющую тропинку, а скоро и вовсе растворилась среди валунов.

Прижимая к груди саквояж, я отыскивал еле заметные выступы на каменной поверхности и карабкался по ним все выше и выше. Не поднявшись и на сотню метров, я изрядно испарался и устал, но выбрался на плато размером с футбольное поле, за которым гора уходила вверх практически вертикально. Примерно посередине поля виднелась традиционное тибетское жилище — двухэтажная каменная башня с плоской крышей.

— Эй, хозяин, — крикнул я в дверные щели. Похоже, дом был пуст. Войдя внутрь, я, на всякий случай, продолжил говорить вслух, чтобы меня не приняли за вора. Теперь произносить слова было проще, потому что я обращался к хозяину дома.

— Эй, хозяин! Я иду на вершину. Может быть, ты укажешь мне путь?

Первый этаж, предназначенный для скота и припасов, был пуст, если не считать разваленного стойла для яков, пересохшего сена в углу и валяющихся под стенкой остатков птичьего гнезда. Обугленная земля в середине пола указывала на место, над которым когда-то был очаг. На втором этаже, я отметил, что инструменты и кухонная утварь были заботливо перенесены сюда и аккуратно сложены. Дом сразу перестал казаться оставленным. Устланый толстыми

циновками дощатый пол, крепкий столб, подпирающий крышу, свитки на стенах и нехитрая, но яркая мебель создавали непривычную, однако уютную обстановку.

— Хозяин! Если ты есть и если ты меня слышишь, благодарю тебя за гостеприимство! — сказал я почти шепотом, после чего, уставший и исцарапанный, забрался под гору цветных шерстяных одеял и мгновенно уснул.

Проснулся я утром от сильного холода и долго не вылезал из свернутого за ночь кокона. В конце концов, пришлось покинуть свое шерстяное убежище по причине сильного голода. Царапины несколько не беспокоили, и даже будто совсем зажили за ночь, а мышцы гудели силой, что было весьма удивительно, если вспомнить о вчерашних альпинистских практиках. Вообще, чувствовал я себя на удивление бодрым и свежим. Даже пронзительный холод не доставлял дискомфорта, особенно после того, как я встал и сделал зарядку.

Подойдя к окну — узкой бойнице, обведенной черной краской для защиты от злых духов — я даже зажмурился от неожиданности. Оказалось, ночью выпал снег, и теперь все обозримое пространство было ослепительно белым. На этом фоне цветная обстановка внутри дома выглядела еще ярче.

— Хозяин, какой красивый у тебя дом! — произнес я громко и подмигнул висящему на стене клыкастому деревянному демону.

Во мне бурлила энергия — словно микроскопические пузырьки бегали по венам. Дышалось легко и глубоко, и улыбка не сходила с моего лица, несмотря на голод и отсутствие еды. Осмотрев на всякий случай свой саквояж, я еще раз убедился, что кроме заветного футляра, блокнота и всякой дорожной мелочи, там больше ничего не было — ни кубика бульона, ни галетины, ни даже жевательной резинки. Папиросы кончились еще неделю назад.

Скоро нашлись котел средних размеров, медный чайник и тренога для очага. Я спустился вниз и установил треногу точно на том же месте, где она когда-то стояла, оторвал несколько досок от загона для скота, разжег аккуратный огонь и через минуту над полным снега котелком поднимался пар. Кроме того, я обнаружил пакет чая, очень похожего на тот, который должен был в скором будущем озолотить китайца Ру. С приправами в круглых деревянных банках я решил не рисковать, используя только те из них, которые знаю. Так в котелок попали соль, мята, имбирь и чеснок. И когда на поверхности появились первые пузырьки, я подобрал замеченное вчера гнездо не то ласточки, не то стрижа, бросил его в воду, проварил немного, снял котел с огня и оставил остывать.

Ближе к полудню бывшее птичье жилище разбухло, увеличилось в объеме раз в десять, и теперь занимало почти половину места в котле. В остальной половине колыхалась янтарного цвета кисельная масса с приятным пряным запахом. Для пробы я наполнил супом небольшую пиалку и выхлебал ее содержимое с огромным удовольствием, несмотря на незначительное неудобство, связанное с наличием в еде птичьего пуха. Блюдо оказалось очень питательным — одной пиалки вполне хватило, чтобы оставаться сытым целый день.

Вечером снова пошел снег, и шел еще три дня. Все это время я питался «ласточкиным киселем» и ойвейским чаем, запасы которого в большом количестве хранились на втором этаже. Заваренный ледяной водой, этот чай и в самом деле был очень вкусным.

Из-за огромных сугробов я больше не мог открывать дверь на улицу и зачерпывал снег прямо из окна второго этажа. В доме также нашлось немало интересного, и среди прочего — бронзовая кофемолка на длинной деревянной ручке. Выяснилось, что если раскручивать тяжелый шарик, связанный с кофемолкой толстой цветной бечевкой, вся эта конструкция начинает издавать приятное жужжание, под которое очень комфортно предаваться и своим мыслям, и полному их отсутствию.

Наверное, это и было то самое усоединение, о котором говорил Беспрозрачный. Вспоминая о «Гаммарусе», я скучал по нему, но не той тоской изгнанника, когда тени прошлого навевают ностальгию по ушедшим временам. Я не чувствовал ни грусти, ни тоски, а только сожаление о том, что друзья не могут сейчас разделить со мной радость жизни в этом замечательном снегопадами пустом тибетском доме. Вечером четвертого дня я совершил еще одно открытие, повлиявшее в конечном итоге и на исход моего путешествия, и на многое другое.

Сидя перед очагом и по обыкновению треща бронзовой кофемолкой, я упражнялся в говорении вслух, обращаясь к хозяину дома.

— У ласточкиного киселя ярко выражен рыбный привкус, — я старался произносить слова четко и ясно, — это и не удивительно, если вспомнить что неподалеку есть озеро. Представляю, как оно разливается, когда сходят снега. Кстати, когда это происходит? Здесь, конечно, очень хорошо, но мне нужно идти вверх. Если бы кто-то подсказал мне путь!

Так, в разговорах неизвестно с кем, заканчивался еще один день моего снежного заточения. Перед тем как отправляться спать, я устроил внизу уборку — окончательно разобрал загон для яков и сложил бревна в поленищу.

Потом я решил разбросать по земляному полу остатки сена. Пытаясь подцепить вилами пересохшую копну и поразившись тому, что не смог не только поднять ее, но даже оторвать от земли, я стал разбрасывать траву руками и увидел, что вилы зацепились за торчащее в полу кольцо.

Оказалось, в доме был подвал — выложенная глиняными кирпичами небольшая комната, куда вела каменная лестница. Вопреки надеждам, продуктов в подвале не оказалось, зато я нашел деревянную дверь, за которой начинался длинный коридор.

Я прошел по коридору несколько метров, но факел стал стремительно гаснуть, и пришлось вернуться обратно. На втором этаже я достал из саквояжа механический фонарик и собрался было уже спускаться в подвал, но что-то заставило меня отнестись к сборам более серьезно. Перебирая свои вещи, я обдумывал, что теоретически может пригодиться внизу — и, в итоге, взял весь саквояж и отправился в путь, в последний момент зачехлив любившуюся бронзовую кофемолку.

Через десять минут продвижения вглубь я понял, что имею дело с лабиринтом. Слева и справа примыкали другие коридоры, равные по ширине тому, по которому я шел прямо, никуда не сворачивая. Примерно через одинаковые отрезки пути передо мной оказывались ведущие вниз каменные ступени — в точности как те, по которым я попал в подвал. После третьей или четвертой лестницы я стал трещать кофемолкой, чтобы унять подступающий страх. Эти звуки поглощались темнотой и гасли в подземелье, однако помогали успокоиться.

Как всем известно, существует несколько методов прохождения лабиринта: метод правой руки, «хайвей имени Роберта Броуна» и «волокно Ариадны». Хотя даже не три, а два, потому что «волокно Ариадны» по сути своей не является методом. Вы просто привязываете большой моток бечевки у входа — это не помогает пройти лабиринт, а только

гарантирует, что вы в нем не заблудитесь.

Метод правой руки — самый простой и практичный — заключается в том, чтобы все время сворачивать направо, однако это хорошо для садовых лабиринтов, где нет закольцованных узлов.

Но для трехмерного лабиринта, проложенного под землей неведомо кем, неизвестно когда и непонятно с какой целью, единственно подходящим способом прохождения был и остается «хайвей имени Роберта Броуна», состоящий в том, чтобы за все время пребывания в лабиринте не сделать ни одного осмысленного шага. Как бы ни старался организм обратить внимание лабиринтонавта на факт движения по кругу, необходимо продолжать хаотичное движение — где попало сворачивать, внезапно останавливаться или возвращаться назад. Главное при этом не пользоваться здравым смыслом, что практически невозможно, поэтому «хайвей имени Роберта Броуна» — для профессионалов.

Все эти неожиданно пригодившиеся знания я почерпнул когда-то в книге художника Георга Шеффера, основанной на трудах неизвестного средневекового алхимика, который, в свою очередь, ссылался на чертежи троянского архитектора Меандра, по легенде перенявшего науку строительства лабиринтов непосредственно у богов. Откуда получили знание боги — неизвестно, поэтому далее нить преемственности теряется. С этими лабиринтами всегда все очень запутано, даже в плане первоисточника.

Продвигаясь вперед и вниз, не думая ни о чем, сворачивая то влево, то вправо, сопровождаемый жужжанием фонарика и треском кофемолки, я бродил по одинаковым коридорам и лестницам. Как мне казалось, это происходило бесконечно долго. Но беспристрастный хронометр фиксировал каждую минуту, и, благодаря этому, я точно знаю, что прошло три с половиной часа с момента входа в лабиринт, когда я нашел гигантскую лестницу.

...прошло три с половиной часа с момента входа в лабиринт, когда я нашел гигантскую лестницу

Мощный крупной брусчаткой спуск по спирали уходил вглубь фантастически огромной воронки. Ступеней на лестнице не было — был широкий пандус, обвивающий по кругу внутреннее пространство горы, которая оказалась полой. Все напомидало бы увеличенную в сотни раз многоэтажную стоянку для авто, если бы внизу не зияла беспросветная темнота, а наверху не виднелся минимальный кусочек синего неба.

— Вверх — это значит вниз, — сказал я громко и стал спускаться. — Исходя из ваших же слов, дорогой капитан. Чтобы попасть на небо, следует спуститься в преисподнюю.

После выхода из лабиринта настроение мое стало несколько игривым, и даже слово «преисподняя» вызвало забавную словесную ассоциацию — представилось «преисподнее», то есть белье для грешников. Развеселившись, я запел подходящую моменту песню, которую не раз слышал в бомбейском порту:

Эта девочка верит лишь в то, что блестит
Покупая лестницу в небо
По молитвам ее будет вход ей открыт
В те места, где ее раньше не было

— О... покупая лестницу в небо, — я пел под аккомпанемент кофемолки и одновременно размышлял о странной закономерности: чем популярнее песня, тем глупее у нее текст. Более того, если положить самые умные слова на мотив и сделать из этого песню, текст будет выглядеть тем глупее, чем популярнее станет песня. Вот и гадай в чем здесь дело — в музыке или словах?

Только слов на стене недостаточно ей
Ведь у слов много разных значений
Вот журчит ручеек, вот поет соловей
В наших мыслях полно заблуждений

Воронка постепенно сужалась. Потянуло холодным свежим воздухом. Подняв голову, чтобы оценить пройденное расстояние, я остановился от удивления — теперь лоскут неба стал ближе и больше. Вокруг стало светло почти как днем. Все, кроме здравого смысла, подтверждало тот факт, что с каждым витком я поднимаюсь вверх.

Вы играли в детстве в прогулки по потолку? Нет? Тогда попробуйте прямо сейчас: возьмите зеркало средних размеров и держите его параллельно полу, чтобы оно отражало потолок. Теперь идите куда хотите, глядя при этом под ноги, то есть, в зеркальное отражение потолка. Очень скоро вам покажется, что вы ходите вверх ногами.

Такое же странное чувство было у меня на последних витках спирали — чем ниже я спускался, тем ближе оказывалось небо. Воздух становился холоднее, спуск делался все круче, поэтому последние десятки метров пришлось преодолевать бегом, чтобы не упасть.

И все-таки, в самом конце я поскользнулся и упал, покотившись по снежному склону, а когда выбрался из сугроба, обнаружил себя на вершине Кундуна. Внизу блестело озеро, медленно плыли облака, и острые хребты простирались до самого горизонта, над которым поднимался солнечный диск цвета молодой моркови.

— Вот я и пришел, — слова мои были адресованы лежащему у ног кожаному футляру. — Здесь восходит солнце, и я говорю — все в порядке.

Тут мне в спину ударил внушительных размеров снежок. Я оглянулся и в десяти шагах увидел Кирхен — судя по следам на склоне, она спустилась аккуратно, а не катилась кубарем. Второй снежок прошелестел в метре от моей головы и продолжил полет к подножию Кундуна.

Не найдя в сложившейся ситуации ничего лучшего, я стал спрессовывать внушительный ответ. В это время Кирхен, у ног которой стоял красный альпинистский рюкзак, достала оттуда нечто такое, от чего у меня перехватило дыхание, а именно — брата-близнеца моего футляра. Совершенно не обращая внимания на снежное ядро в моей руке, она сосредоточенно пыталась разделить примерзшие половинки кожаного цилиндра.

Оставив свой снежок, я провернул заранее вставленный микроскопический ключик, не без усилия открыл свой футляр и чуть зажмурил глаза, как это многие делают в самый страшный момент, когда смотрят фильм ужасов. Честно сказать, я ждал хоть какого-то эффекта от произошедшего — прогремевшего грома, сверкнувшей молнии или хотя бы порыва ветра. Но ничего такого не случилось, разве что солнце поднималось над горизонтом все выше, но это произошло бы в любом случае.

Ситуация напоминала сцену из триллера — футляр был пуст. То есть, мне так показалось. Приглядевшись, я увидел на дне горсть белого порошка и на всякий случай вытряхнул его из цилиндра, отчего образовалось небольшое облако, которое тут же развеял ветер. Какая-то часть попала мне в лицо, я почувствовал жжение в глазницах, а во рту появился привкус горчицы.

Сквозь слезы я смотрел, как Кирхен смогла, наконец, справиться со своим футляром, высвободив такой же кратковременный смерч, как у меня, и с тем же результатом. Разница заключалась лишь в том, что ее облако было черным. Она закашлялась и стала тереть лицо. Какое-то время мы приходили в себя, утираясь снегом. Когда жжение прекратилось, я подошел.

— Доброе утро мисс, — пытаюсь вложить в тон как можно больше холодного разочарования, я ощущал желание обнять и согреть ее. — Прекрасная погода, не так ли?

Погода и в самом деле улучшалась с каждой минутой — солнце грело все сильнее, и снег стал немного подтаивать.

— Как будем выбирать? — не обращая внимания на мои слова, спросила Кирхен. — Орлы за нами не прилетят.

— Что у вас в инструкциях об этом сказано? — мне все же хотелось упрекнуть ее в нечестной игре. — Уверен, вы знаете об этом больше моего.

Девушка ничего не ответила, со вздохом взяла свой рюкзак и стала осторожно пробираться вниз. Она даже не оглянулась. Мне стало стыдно. Несколько раз поскользнувшись, я догнал Кирхен и взял у нее рюкзак.

— Предлагаю вернуться внутрь горы и выйти через лабиринт. Думаю, что я мог бы нас вывести. И прошу простить меня

за тон, это от неожиданности.

— На небо я еще успею, — ответила Кирхен. — И нечего обижаться на то, что я ничего не сказала в Катманду. Работа есть работа. У тебя было свое задание, а у меня свое.

— Почему же на небо?

— Если вверх — это значит вниз, то вниз — это значит вверх. Вспомни, как ты сюда попал. Поэтому, если не планируешь путешествие в космос, спускаться в гору не советую. И это не в моих инструкциях сказано, а ежу понятно.

Почему когда общаешься с девушкой, которая тебе нравится, интеллектуальные способности скачут от слабоумия к гениальности и обратно, не задерживаясь надолго ни в одной из этих крайностей? Наверное, тибетцы могли бы дать остроумный ответ. Почувствовав себя совершенным болваном, я предложил идти по руслу небольшого ручья, образованного тающим ледником. Спуск оказался очень сложным: ноги проваливались в мокрый тяжелый снег, то и дело встречались глубокие трещины, и, вдобавок, становилось все жарче. К полудню мы едва ли спустились на триста метров.

— Как поживает ваш брат? — поинтересовался я, когда окончательно выбившись из сил, мы сделали привал.

— Бари? Прекрасно. Надеюсь, он ждет меня внизу. Кстати, я не хотела бы, чтобы вы там встретились.

— Почему?

— Я говорила, что к женщинам он поворачивается мужской стороной. А я не из тех, кто позволяет себе одновременную связь более чем с одним мужчиной. И он мне не брат.

— Что же тогда произошло в кинотеатре?

— Я в тебя влюбилась, — Кирхен взяла меня за руку. — Но это ничего не меняет. И еще. После нашей встречи ...Уверена — будет мальчик. Но это тоже ничего не меняет.

— Но как же? Почему? — потрясенный до основания, я не находил слов.

— С таким чувством реальности ты проведешь жизнь в бесцельных перемещениях по планете и утопических проектах. Что ты сможешь дать мне и нашему ребенку? Только без обид, ладно? Я расскажу ему о тебе, но постараюсь, чтобы он вырос другим. Ну что, продолжим путь?

Подхватив рюкзак, Кирхен отправилась вниз по руслу и, похоже, не собиралась дальше обсуждать тему. Я же, наоборот, решил внизу вернуться к разговору.

Сделав несколько шагов, я услышал странный шум, оглянулся и увидел свой снежок, оставленный на вершине. Теперь он был размером с небольшой дом и катился в нашу сторону по склону, на глазах увеличиваясь в размерах.

— Осторожно, лавина! — закричал я, и через несколько секунд уже барахтался внутри плотного кокона из мокрого снега.

Потом я почувствовал знакомый запах. Мое тело лежало на остатках сугроба, вокруг была талая вода, в которой плавали колеса повозок, музыкальные инструменты и знакомые мешки из каравана китайца Ру. Над головой возвышалась вершина Кундун без признаков снега.

Зачерпнув ладонью немного забортной воды, я убедился, что нахожусь посреди гигатской лужи, наполненной элитным ойвейским чаем. Вот и сбылась судьба чая — он оказался заваренным, как и положено, ледяной водой.

Мой сугроб быстро уменьшался под жарким солнцем, и, в конце концов, я выбрался из чайного озера вплавь. Выйдя на кремнистую дорогу, я отметил, что нахожусь в том же месте, в котором несколько дней назад покинул повозку и вскоре даже нашел большой валун, сидя на котором делал свои записи.

ЛЮБОВЬ=H₂O. Да уж, воды в последнее время достаточно. К счастью, камень по-прежнему был теплым, словно я и не поднимался на вершину. Я расстелил одежду для просушки, погрузился в мысли и кажется, уснул.

— Похоже, вам сейчас не повредит глоток портвейна! В это время дня и для подобного климата рекомендую «Уайт Руби», тем более что именно он залит в мою фляжку.

Поначалу я не мог понять — снится мне голос Левона или я слышу его наяву.

-

Похоже, я проспал несколько часов. За это время вокруг произошли множественные изменения: лавина окончательно растаяла, чайное озеро превратилось в незначительные мелкие лужицы, и даже обломки повозок и мешки были куда-то убраны.

Мимо брела пестрая процессия паломников, жарко светило солнце, а в двух метрах от моего камня и в самом деле стоял Сурьяниан.

— С удовольствием сделаю глоток-другой. Вот только оденусь. Но откуда вы здесь?

— Некоторые дела требовали присутствия в Макао. Я арендовал этот «Юнкерс», а на обратном пути решил узнать как ваши дела, — рассказывал Левон, когда мы сидели в салоне спортивного гидросамолета, покачивавшегося на поверхности озера Сновсдарова. — Как и следовало ожидать, найти вас не составило большого труда — достаточно было спросить о белом человеке с саквояжем, и меня сразу провели к вашему камню. По пути мне представлялось что-то подобное, но я не предполагал застать вас спящим на камне в совершенно э... разоблаченном виде и окруженным толпой молящихся на вас пилигримов. Честно говоря, вы представляли собой экзотическое зрелище. Поначалу я подумал, что вы решили стать живым богом — по крайней мере, именно так вас называли окружающие. Через сутки я поверил, что вы и в самом деле спите, но не стал вас будить. Но когда вы не встали ни на третий, ни на четвертый день, я начал беспокоиться.

— Как? На четвертый день?

— Вообще-то, по утверждению некоего китайца Ру, вы сошли с его повозки и просидели на этом камне целую неделю, ни на секунду не приходя в сознание. На третий день к вам потянулись первые посетители, а сегодня мне уже еле удалось протиснуться через толпу зевак, с которых Ру собирал по монетке за возможность сделать вам подношение. Кстати, я позволил себе взять некоторые безделушки, а также от вашего имени получить у Ру сорок процентов кассовых сборов. Извольте взглянуть.

Левон высыпал из холщового мешка гору золотых и серебряных монет, а также ювелирные украшения. Некоторые из них выглядели очень древними.

— Неплохие сборы за неделю гастролей, если учесть что здесь меньше половины. Этот Ру хорошо на вас заработал в качестве антрепренера. Между прочим, прелюбопытнейший экземпляр — единственный на моей памяти китаец, который не любит чай. Что же, поздравляю — вы более чем состоятельный человек. Давайте-ка все положим в ваш футляр, он выглядит надежным.

Все еще слабо ориентируясь в реальности, я открыл цилиндр и ссыпал туда россыпь нечаянно образовавшегося богатства. Изнутри на стенках футляра искрились остатки белого порошка.

— Что это, Левон, как вы думаете?

— Вам лучше знать, — мой друг посмотрел на меня с легким подозрением. — Похоже на... — он провел пальцем по стенке и зачем-то стал втирать порошок себе в десну, — ...на горчичные зерна. Да, точно, это они и есть. Одно время мне приходилось заниматься пряностями, поэтому можете не сомневаться.

— Но зачем они здесь?

— Знаете, горчичные зерна не так просты, как выглядят. Во-первых, это самые маленькие семена растений, известные современной ботанике. И еще позвольте напомнить вам известную притчу: если иметь веру с горчичное зерно и сказать горе: «Перейди отсюда туда», то она перейдет, и ничего не будет невозможного. Примечательно, что семена горчицы бывают двух сортов — белые и черные. Можно предположить, что и вера соответственно... хотя продолжать аналогию как-то боязно перед полетом.

Левон подал знак пилоту и самолет начал разгон по глади озера. Передавая друг другу флягу с портвейном, мы смотрели в иллюминатор на вершину Кундун и молчали. Я размышлял о том, что пересечение границы между сном и явью происходит тем проще, чем меньшим количеством вещей обладать в этот момент, и в этом смысле все границы одинаковы.

Не знаю, о чем тогда думал Левон, но похоже, ход его мыслей был направлен в ту же сторону. Прежде чем откинуться в кресле и уснуть, он задал мне вопрос, ответ на который я не могу найти до сих пор.

— Многие говорят, что жизнь это сон, — сказал мой друг, втыкая беруши и надевая на глаза шелковые шторы. —

Некоторые, наоборот, утверждают, что сон — это жизнь, прочие не видят разницы между первыми и вторыми, но никто не знает — почему, если справиться во сне малую нужду, просыпаешься мокрым, а когда снится, что утоляешь жажду, все равно встаешь с пересохшим горлом?

Глава 17

ООО «Генри». Мандарин Кондратьев. Первая любовь.

Дымовая шашка наиболее эффективна в условиях густого тумана.
(Учебник по начальной военной подготовке для средних школ)

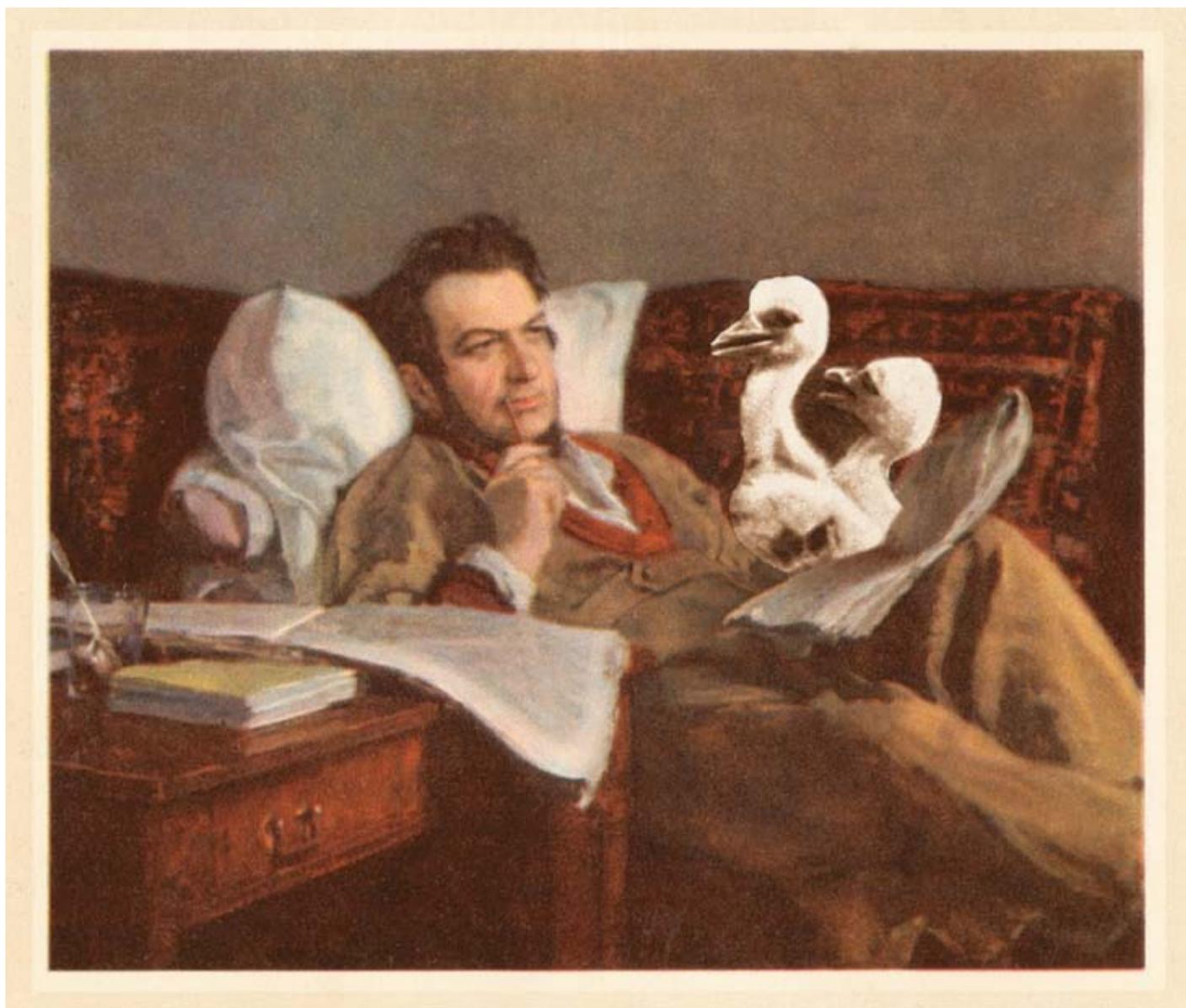
Бабушка колотила любимой тростью единственного внука, явившегося ни свет ни заря в огромную ее квартиру на Курской для консультации по вопросу чрезвычайной важности. Поводом для экзекуции явилась попытка Леопольда закурить сигарету возле аквариума с экзотическими лилиями, но истинная причина трепки заключалась совсем не в этом, о чем внук догадался не сразу, а лишь того, как физическое воздействие дополнилось словесным вразумлением:

— Сколько! Раз! Говорила! Тебе! Не обращаться! К Синичкину! — слова синхронизировались с ударами. Трижды прогулявшись по спине, трость лупила кожаный диван. — Ну почему ты у меня такой имбецил, Польдик?

Прикрывая на всякий случай ребра, внук впервые в жизни видел слезы в глазах бабушки Любы — легендарной разведчицы и живой легенды, заменившей Леопольду погибших родителей.

— Что ты натворил? — спросила она уже совершенно спокойным голосом.

Бабушка прожила долгую и непростую жизнь, основная часть которой прошла в атмосфере совершенной секретности. Заслуженная пенсионерка органов госбезопасности, она не имела друзей и родственников. Сын пошел по ее стопам и погиб в Афганистане вместе с женой, во время провальной спецоперации по спасению статуй Будды от религиозных фанатиков. Леопольд почти не помнил родителей, вместо них всегда была бабушка, всесильная и мудрая как сказочная королева. Ее звонков по телефону бывало достаточно, чтобы юного оболтуса отпускали из милиции, не отчисляли из института или не брали в армию. Стоило Леопольду лишь заикнуться о бабушке Любе, и каменные чиновники моментально тештели и закрывали глаза на мелкие и крупные нарушения в фирме, а криминальные авторитеты брали назад свои предложения, от которых еще только что было невозможно отказаться, и мгновенно исчезали. Бабушка была его отцом и матерью, его «крышей», главным советником и единственным другом.

...показалось, что в глазах Солнца русской словесности мелькнула завистливая тень одобрения

— Бабуля, я не понимаю, что будет плохого, если этот дом расселит спецназ? — осторожно сказал Леопольд. — Твой друг

Синичкин сам не заинтересован в лишнем шуме и обещал прислать лучших из лучших.

— Генерал Синичкин мне не друг, а бывший коллега. И во вторых, ты кое-чего не знаешь, — бабушка налила внуку новую чашку чаю взамен попавшей под пристрелочный удар трости. — Ты встретился с капитаном Саблиным?

— Да, — внук принял от бабушки розетку с вареньем из белой черешни. — Он обещал все сделать тихо и быстро.

— Тогда хорошо, — улыбнулась бабушка. — Облажался генерал. Значит так. Звонишь сейчас Синичкину, и сообщаешь, что выходишь из темы с Варсонофьевским, потому что, к примеру, получил сотрясение мозга и тебя везут в клинику. Там подтвердят. Если хоть на букву отойдешь от текста, у тебя будет реальное сотрясение, понял?

— Бабуля, я все сделаю, только объясни, что случилось?

— Они обязательно встретятся, вот что! И тогда дело Синичкина не выгорит ни при каком раскладе.

— Кто встретится?

— Саблин и Харламов. Человек, которого ты видел в «Бесплатном сыре» и... — бабушка Люба закрыла лицо руками, — ...и твой дед, Харламов Иван Иванович. Он не погиб шестьдесят лет назад. Прости, Польдик, я тебя обманывала. Теперь отправляйся на вокзал и закажи два билета на «Красную стрелу». Мы едем в Ленинград.

Соловьи — такие же птицы, как все остальные, со своими радостями и заботами, и поют они до тех пор, пока нет яиц. Тем удивительнее было жителям улицы Беговой слышать сейчас отчаянные трели последнего соловья — не нашедшего пару, не свившего гнездо, не вскормившего птенцов, лето красное пропевшего и достигшего в этом невиданного мастерства.

Граница Московского ипподрома, окруженная густым кольцом номенклатурных домов, гаражей и растительности, замерла в ожидании рассвета. Не прислушиваясь к переливам одинокой соловьиной трели, жокеи выводили на тренировку лошадей. Вот ахалтекинец Лавр, три года подряд берущий кубок Белокаменного дерби, вот стремительная Оговорка и бодрый Яволь, а вот и легендарная Первая Любовь, ко всеобщему восторгу часто приходящая последней.

В последнее время на ипподроме наблюдались удивительные и неприятные совпадения. Исключительно во время самых ответственных заездов, всегда на одном и том же месте фавориты шарахались в сторону, теряли драгоценные секунды и проигрывали темным середнячкам. Предчувствуя появление очередной комиссии, жокей дал Лавру шенкелей и прижался к лошадиной гриве. Парочка перешла с рыси на галоп и помчалась по песочной дорожке.

Вернувшись от Кузи и проспав всего несколько часов, Арсений отправился на новую работу. В бывших классах старой школы бурлила новая жизнь. По коридорам ходили мужчины в строгих костюмах, за приоткрытыми дверьми велись телефонные переговоры, скрипели факсы и катились по столам игровые кубики. Сделав несколько звонков и наткнувшись на непробиваемые секретарские заслоны, Романов вышел покурить. Место, отведенное для этой цели, находилось в уборной для старшеклассников.

— Ты первый день сегодня? — подошел к Романову улыбающийся бритый наголо крепыш, похожий на китайского бога.

— Будем знакомы. Меня зовут Мандарин.

— Арсений, — пожал ему руку Романов. — А почему Мандарин?

— У нас здесь все по кличкам, — пояснило божество. — Школа все-таки. Если не по кличке, так по должности. Тогда я —

руководитель департамента природоведения Кондратьев.

— Консультант по родной речи Романов, — представился Арсений.

— Быстро схватываешь, — похвалил Мандарин. — Вообще-то, здесь все намного проще, чем в обычном офисе.

Корпоративная этика отсутствует, да и некорпоративная тоже. Одно слово — адские шахматы.

— Почему адские?

— Ну да, ты не в курсе еще, — усмехнулся Мандарин. — Узнаешь скоро, когда фигуру повезешь.

— Какую фигуру? — в памяти возникла обнаженная Кузя.

— Какую получится, — похоже, Мандарину нравилось одновременно давать разъяснения и нагонять туман. — Скоро узнаешь. Покажи свой кубик.

Арсений достал из кармана янтарную кость и показал Кондратьеву.

— Шеф личную отдал? Поменяемся на время? Держи!

В ладонь Романова лег тяжелый кубик белого металла.

— Платина, шестнадцать грамм, — пояснил Мандарин. — Он счастливый. А я эту побросаю пока.

После девятого выдоха по результатам трех бросков выпал номер 248, под которым в книге значилось некое ООО «Генри». Арсений набрал номер приемной и приготовился к разговору по футбольным правилам, где задача секретаря состоит в том, чтобы не пропустить телефонный звонок в директорские уши, а целью звонящего является путем хитрых финтов добиться именно такого результата.

— Добрый день, — отозвался голос в трубке. — Генеральный директор слушает.

— Это по проекту двести сорок восемь, — от неожиданности Романов растерялся. — Вам сейчас счет выставят, так вы его это... оплатите. А то... — Арсений забыл что говорить дальше — ... а то сами знаете.

— Знаем, знаем, — вздохнул директор. — Сколько?

— Сто тысяч.

Зависла пауза, показавшаяся Арсению бесконечной. Он успел прикинуть, что причитающихся ему двадцати пять тысяч рублей должно хватить не только на аренду скромного жилища, но и на новые перчатки для Кузи.

— Надо так надо, — вздохнул голос в трубке. — Добро, сейчас перечислим сто тысяч долларов. Только счет по факсу пришлите в течение получаса, пожалуйста. Позже меня не будет — еду на лыжах кататься.

Романову показалось, что в глазах Солнца русской словесности мелькнула завистливая тень одобрения.

Предком домашней лошади была лошадь Пржевальского, а предком человека домашнего — сам Пржевальский. Придя к такому странному выводу, пенсионер Петр Павлович Крутов, проживающий в квартире номер сто сорок восемь на четвертом этаже дома четыре дробь шесть по улице Беговой, подвинул традесканцию на подоконнике и приоткрыл окно. Квартира наполнилась внешними звуками — лаем собак, далеким гулом транспортной эстакады, и очень близким голосом из репродуктора, установленного на судейской башне, в каких-то пятидесяти метрах от окна.

Непосредственная близость ипподрома льстила местным жителям, хотя и доставляла им определенные неудобства в смысле шума в дни проведения бегов. Крутову же шум не мешал из-за давно утраченной способности воспринимать звуки

с низкой амплитудой, что в медицине называется нейросенсорной потерей слуха.

— Участники третьего заезда! — сказал диктор. — На первой дорожке — Марцифаль, на второй — Выход, на третьей...

Пенсионер Крутов прошел в кухню, достал из холодильника запотевшую бутылку водки «Апгрейт» и наполнил до краев тяжелую рюмку с толстыми стенками. Покопавшись на полках среди разноцветных деликатесов, он взял плоскую банку без крышки и выгреб оттуда разваливающуюся щепоть подсохшей паюсной икры. Выплеснув в глотку «Апгрейт» и облизав пальцы, Петр Павлович надел слуховой аппарат и отправился на ипподром.

У колоннады перед входом он шепнул несколько слов молодому человеку в белой ветровке.

— Вас понял. Первая любовь, Бетельгейзе, Лавр и Оговорка. Четвертной экспресс, шестой заезд, — повторил молодой человек. — Все сделаю.

Вернувшись в квартиру и выпив еще рюмку «Апгрейта», пенсионер вытащил из-под кровати спортивную сумку с надписью «Олимпиада — 1984», достал оттуда длинный алюминиевый приклад и стал привинчивать ствол с утолщением на конце, похожим на глушитель.

— Новичкам везет, — сказал Дамианский, недоверчиво глядя на Арсения. — Такие крупные суммы редко заходят. Я предпочитаю, чтобы платили меньше, но чаще. Как бы ни было, поздравляю.

Арсений не знал что ответить. Толстая пачка новеньких зеленых банкнот лежала в кармане пиджака, а рабочий день только что перевернулся с живота на спину, чтобы переварить обеденный перерыв.

— Итак, Романов, — в первый день вы заработали двадцать пять тысяч долларов. Все по-честному, как видите. С первой фигуры у нас принято выставляться, но только после командировки.

— Фигуры?

— Так у нас называют финансовые транши. Какой-то умник заметил, что здесь шестьдесят четыре рабочих кабинета, отсюда и пошло сравнение с шахматами.

— Адскими? — вспомнил Арсений слова Мандарина.

— И это успели рассказать? — Дамианский поморщился. — Вот что, Романов. Вам предстоит командировка. За три-четыре дня обернетесь. Вылетаете завтра утром.

— Участники шестого заезда! На первой дорожке — Лавр, на второй — Оговорка, на третьей — Бетельгейзе... — оптический прицел мягко щелкнул фиксатором и дополнил впечатляющую композицию: словно на пьедестале почета, на треножнике стояло чудо техники, поблескивая алюминиевым прикладом. Сквозь листья традесканции, оно было обращено стволом в сторону дорожек ипподрома.

Пенсионер поставил левое колено на табурет с лежащей на нем подушкой, прижал приклад к плечу и стал прицеливаться. Дорогая оптика вплотную приблизила напряженные лица жокеев и мокрые морды лошадей с выпученными глазами, на всем скаку приближающиеся к финишу. Крутов навел неоновый крестик прицела прямо в ухо лошади, на полкорпуса шедшей впереди остальных, и нажал курок.

Фаворит заезда, черный Лавр услышал волчий вой. Стая была где-то совсем рядом, может быть, за ближайшим кустом. Лавр сделал попытку уйти влево, но опытный жокей до конца натянул правый повод и чуть не свернул ему шею. Краем глаза он заметил, как жокей Оговорки вылетает из седла. Мимо пронеслись остальные участники гонки.

— Первой к финишу пришла Первая Любовь, — даже в искаженном динамиком голосе слышалось удивление. Трибуны заревели. — Второй — Бетельгейзе, третьим — Лавр, четвертой — Оговорка.

Пенсионер Крутов не спеша разобрал аппарат, сложил его в сумку и налил себе еще одну рюмку водки.

«Утром читала О'Генри, скучала. Только что отлетел каблук на босоножках».

После ночного разговора Арсений совсем не хотел общаться, но игра есть игра. Кузино сообщение застало его пьющим коньяк в компании Мандарина. Класс природоведения, обустроенный обстоятельным Кондратьевым, напоминал бар в охотничьем ресторане: на фоне совиных чучел и оленьих рогов совершенно органично разместились разнокалиберные бутылки.

«Утром получил платиновый кубик, — написал он, — днем заработал двадцать пять тысяч долларов».

— Подружке стихи пишешь? — поинтересовался Мандарин. — Лучше купи ей кольцо с бриллиантом. Или машину. Знаешь, как будет любить? Я своей в прошлом месяце «Дименцию» подогнал — кожаный салон, все навороты. Так она гляди — что мне подарила.

Кондратьев показал синюю кружку с золотой надписью «Таких мужчин как ты — один на миллион».

— Видишь — как ценит. Один на миллион!

— Это значит, — подсчитал Романов, — что таких, как ты — тридцать тысяч человек.

— Как так? — нахмурился Мандарин.

— Если на планете примерно три миллиарда мужчин, то по одному на миллион столько и получается — тридцать тысяч.

— Тебя Дамианский уже проинструктировал насчет командировки? — поспешил сменить тему Кондратьев.

— Да, только я ничего не понял, — ответил Романов. — Завтра вылетаю в Каллипсо, оттуда еду в какую-то глушь, чтобы отвезти семьдесят пять тысяч долларов наличными какому-то Капитону. Неужели нельзя перевести деньги через банк?

— Это не какой-то Капитон, а очень авторитетный человек, — шепотом сказал Мандарин. — Председатель Совета директоров «Невесомость Инвестмент». Наша крыша, понимаешь? Есть такая традиция — лично отвозить ему деньги. Я тоже ездил. Только с Капитоном надо очень осторожно, следи за каждым своим словом, иначе могут быть неприятности, — Кондратьев поморщился, видимо, вспомнив что-то плохое. — Так что сочувствую. Хотя во всем остальном поездка тебе понравится: к морю едешь. Я зимой был, а там ... ну, сам увидишь. Ты сейчас куда? Я подвезу.

— Не знаю, — сказал Арсений. — Наверное, по магазинам пройду. Перчатки надо купить.

Если в городе двадцать миллионов жителей, то все развлечения в нем приспособлены для одинокого человека или большой компании. Для двоих придумано немного — поесть в ресторане, побродить по тропинкам Ботанического сада, пойти в кино или театр. Это логично — зачем двоим развлечения, если им и так неплохо?

Условившись с Мандарином встретиться ближе к вечеру и отметить первую зарплату, Романов позвонил Кузе.

— Я на Смоленской, — сказал он не здороваясь. — Если хочешь, приезжай, купим тебе перчатки.

А если двоим вместе ни плохо, ни хорошо, то в большом городе для них остается единственное развлечение — обменивать деньги на цветные тряпочки в модных магазинах. Кузя приехала очень скоро, однако Арсений уже успел выпить двести грамм «Леприконса» шестидесятилетней выдержки, после чего принимал в процессе шоппинга пассивное участие, компенсируемое Кузиной активностью.

Перед осоловевшим Романовым пронесли и исчезли: пиджак «Биенале» — 12 000 рублей, брюки «Оскар Уальд» — 5 000 рублей, рубашка «Супервайзер» — 3 000 рублей, туфли «Фродо» — 7 500 рублей, галстук «Пьер Аронакс» — 3 000 рублей, летние ботинки «Рокоссовски» — 10 000 рублей, костюм «Дефолт» — 40 000 рублей, рубашка «Фон Штирлиц» — 4 500 рублей, галстук «Карл-Густав» — 6 000 рублей, часы «Бригадирские» — 20 000 рублей, носовые платки «Masha Narka» — 2 500 рублей за дюжину, летний костюм от Франкенштейна — 100 000 рублей, рубашка «Киплинг» — 15 000 рублей, галстук «Муравьев-Апостол» — 10 000 рублей, туфли из шерсти кенийского паука — 55 000 рублей, платиновый хронометр «Левша» — 500 000 рублей, рубашка «Pietro» — 8 000 рублей, брюки от Бровкина — 30 000 рублей, запонки белого металла с васильковыми сапфирами — 100 000 рублей, зажим для галстука белого металла с васильковыми сапфирами — 25 000 рублей, часы желтого металла «Rabbit» — 300 000 рублей, валенки летние «Carbonari» — 35 000 рублей, брючный костюм «Левински» — 45 000 рублей, цепочка белого золота и кулон «Волки да вороны» — 15 000 рублей, костюм «Эскобар» — 50 000 рублей, рубашка «Килиманджаро» — 5 000 рублей.

Приобретение всех этих вещей Романов остановил у самой кассы, но какие-то другие тряпки все же были куплены. Часа через четыре они отвезли на Оловянную улицу несколько десятков килограммов ярких бумажных пакетов Кузи, оставили в Варсонофьевском романовские обновки и отправились в «Бесплатный сыр», где в никелированной клетке ждал Мандарин.

Окончание вечера Арсений помнил обрывками — звон задетого локтем бокала, птица с яркими перьями, целующиеся на брудершафт Кузя с Кондратьевым, выброшенный в окно лимузина пакетик с блевотой. Очнулся он от холода на мраморной лестнице Варсонофьевского. До вылета оставалось три часа, и он успел подняться к себе и собраться. Не желая больше возвращаться, Арсений захватил с собой ноутбук и переданный Иванычу футляр. Антикварная вещь показалась ему достойной компенсацией за обман.

В тот самый момент, когда по пути в аэропорт Романов отметил, что заработанная вчера пачка похудела не более чем на толщину Кузино мизинца, пенсионер Крутов получил из рук сонной барышни в окошке кассы Ленинградского вокзала билет в спальный вагон поезда «Красная стрела». Вечером того же дня поезд умчал пенсионера из Москвы в направлении, противоположном тому, в котором утром вылетел Романов, а именно — в Санкт-Петербург, колыбель трех революций и по совместительству — город на Неве.

Глава 18

Сталинградский мир. Культ Ледяных родителей. Свет из тьмы.

То далеко от нас, то близко падали бомбы, поднимая огромные фонтаны воды, и она, подсвеченная ракетами и огнями трассирующих пуль, сверкала всеми цветами радуги.

(Л.И. Брежнев, «Малая земля»)

«Восточный ветер приносит жажду, северо-западный — ложь и неправду, — белыми поплавокками всплывали в омуте памяти слова рыбацкой песни, — южный приносит траву и рыбу, ветер в сердце приносит силу». В низких широтах ветра задувают со всех сторон и приносят косые порывы дождя, режущего острыми струями лицо и руки. Быть окруженным в океане проливным ливнем — что может быть страннее? Хочется нырнуть в кипящую поверхность за бортом, чтобы скорее укрыться под водой от воды.

С каждым днем «Гаммарус» был все ближе к Ленинграду и теперь шел полным ходом вдоль португальских нейтральных вод. Берег был невидим, но пикирующие за кормой бакланы являлись бесспорным подтверждением тому, что материк находился, самое дальнее, в двадцати милях.

На палубе гостили полярные крачки. Эти удивительные птицы каждый год проделывают путешествие из Арктики в Антарктику и обратно. В последние дни субмарина шла в надводном положении, и крачки использовали «Гаммарус» в качестве попутного транспорта. До определенного момента всех удивляла миграция с полюса на полюс, по фантастической версии курсанта Саблина, птицы доставляли пингвинам приветы от белых медведей и наоборот. Выкурив трубку с наветренной стороны, я поспешил спуститься в теплую каюту.

Кроме меня, в Индии на борт взошел еще один пассажир. У Левона возникли важные дела в Москве, и капитан легко согласился взять его с собой. У меня сложилось впечатление, что мой друг уже бывал раньше на «Гаммарусе». Он быстро сошелся с командой и стал участником вечеров в кают-компании, которые в последнее время бывали более поэтическими, нежели музыкальными.

К сожалению, на борту я не увидел комиссара. По словам все того же Саблина, Всеволод Абрамович срочно вызван в Москву для выполнения особого задания, связанного с его увлечением темой космоса. Спальное место комиссара занял Левон.

Во всем остальном жизнь на корабле была такой же, как раньше. Утро начиналось с подъема прозрачного флага, днем все немного спали после обеда, вечера проходили под стук янтарного кубика и отдавали литературной салонностью. Однако за внешним спокойствием духа проявлялся шизофренический душок.

— Вы хорошо спите ночами? — в первый же день заинтересовался капитан. — Я кивнул и зеркально осведомился о здоровье самого Беспрованного.

Не отвечая, капитан задал еще один вопрос:

— Сны вас не беспокоят?

Сны мне тогда вообще не снились. Не то, утомленный гималайским путешествием, я спал слишком глубоко, не то снился мне исключительно храп акустика Крутова, теперь уже не помню. Сны — блестящие обертки, скрывающие конфеты иных миров; но бывают сладости и без фантиков.

— Тогда вам повезло, — сказал капитан. — В отличие от других. Хотя уж вас-то, наверное, это должно бы было затронуть в первую очередь.

И он рассказал о девушке, имя которой я постарался забыть. После нелепого случая с письмом прошло два месяца. Было известно, что Любу оставили работать в лаборатории, только перевели в другой отдел, делами которого занимался Синичкин, примерно тогда же из полковника сделавшийся генерал-майором.

Очень скоро на «Гаммарусе» по ночам стало беспокойно — в сновидениях моряков посещала Люба. Одних она соблазняла наготой и уводила в мутный туман, где вязли ноги и белели простыни под низким потолком неизвестного помещения, выкрашенным масляной краской. Другим она пела под гитару, после чего превращалась в гигантскую сколопендру и пыталась отгесть у них уши.

Часто она приходила такой, какой ее помнила и любила команда, но порой выбирала для проявления самые невероятные формы. Благоразумный и глухой акустик, с первого же сновидения отказавшийся слышать Любины песни, встречал потом ее по ночам в виде гигантского ската — «морского дьявола». Это существо следовало за субмариной совершенно бесшумно, расстраивая нервы Крутова акустической недосыгаемостью.

— Самое интересное, что подобного ската я недавно наблюдал в иллюминатор наяву, — закончил рассказ Беспрованный. — Действительно экземпляр гигантских размеров.

Прошло еще несколько дней. Линия пути на неоновой карте в кают-компании укорачивалась и обещала скорую встречу с домом. Все чаще я ловил себя на мысли, что мне сложно называть Москву домом, хотя бы потому, что бывал я там в последние годы нечасто. Возвращение в столицу навевало беспокойство и легкую паранойю и прежде всего смущало молчание профессора: с момента возвращения на «Гаммарус» я не получил ни одного сообщения из лаборатории, несмотря на отправленные радиogramмы.

С другой стороны, дела казались блестящими, ведь задание удалось выполнить в точном соответствии с инструкциями. Тем более, что заголовки газет не оставляли сомнения: конец войны близок. Уже действовало соглашение о прекращении огня в Сталинградском котле, и в ближайшее время стороны обещали международной общественности подписать мирный договор.

Подсчитывали потери, и выходило, что с одной стороны погибло на сто тысяч человек больше чем с другой, но сделалось инвалидами на сто двадцать тысяч меньше. Международный арбитраж разрабатывал сложные формулы взаимных компенсаций между военными блоками и распределения этих средств между союзниками. Общее настроение было приподнятое, как перед Рождеством, а я был счастлив больше всех от ощущения взаимосвязи между моей личной миссией и потеплением мировой политики. Молчание профессора я объяснял его желанием поздравить меня при личной встрече.

Вечером 22 марта состоялось общее собрание — последнее, на котором мне удалось присутствовать. В повестке значились два пункта — доклад «Культ Ледяных родителей и перспективы мировой энергетики» (докладчик Левон Сурьяниан), а также обсуждение темы «Об участии команды в турнире субмарин Полуторакубка Ллойда».

— Известно ли уважаемому собранию — как охотится белый медведь? — риторически начал выступление Левон. — Он

сидит возле проруби и ждет тюленя, а когда тот вынырнет, дает бедному животному молниеносную оплеуху. Медведь может ждать несколько дней. Он сидит почти не дыша, чтобы в один момент вложить в один удар всю свою силу, свой голод, свое ожидание. В это самое время, когда мы находимся здесь, медведь сидит и ждет.

Голос моего друга, всегда окрашенный в тона доброжелательности и спокойствия, сейчас звенел высшей октавой. Я представил белую точку на белом немом пейзаже. Бдительный полусон голодного зверя навалился на меня, и в скрипении кожаных кресел я услышал шорох льдин и треск спянных космическим холодом торосов.

— Белый медведь ждет, — витал над ледяными просторами голос лектора, — и вместе с ним ждет вся Арктика, от Югорского Шара до Берега Франца-Иосифа, и ждет Антарктика от Земли Королевы Моб до Мыса Кашалота. Чего же они ждут?

Левон перевел взгляд с записей на слушателей. На протяжении долгой паузы глаз докладчика не искали встречи с кем-нибудь отдельным, ему требовалось внимание всей, без исключения, аудитории — и он получил его. В кают-компании звенела тишина.

— Конечно же, неодушевленные ледяные шапки полюсов не могут никого ждать, — разрядил атмосферу докладчик. — Сформулируем вопрос по-другому: если они никого не ждут, кто или что, в таком случае, ожидает их самих?

Он заговорил о вещах столь необычных, что рука моя сама принялась конспектировать. Вот что я услышал. Давным-давно, во время одного из ледниковых периодов, существовала единственная человеческая раса. Была она немногочисленной — вот и все что о ней известно. Но было в том мире нечто потрясающее, а именно — культ Ледяных родителей. Все люди с рождения поклонялись двум гигантским статуям изо льда. На Северном полюсе планеты стоял Ледяной Папка, на Южном полюсе — Ледяная Мамка. Ежегодно в день зимнего солнцестояния народ собирался на полюсе и отправлялся в путь, длившийся ровно полгода, чтобы, дойдя до противоположного полюса, отправиться назад. Можно было бы подумать, что у этих людей было не все в порядке с головой, если бы у них не было настолько все в порядке с астрономией, навигацией и кораблестроением.

К сожалению, никаких материальных следов раса Ледяных детей не оставила, за исключением нескольких камней с клинописными путевыми заметками, хранящихся в Макао, где Левону довелось побывать не так давно. Заинтересовавшись странным культом, он выменял на детекторный приемник некоторые крупницы информации, анализ которых позволял сделать следующие выводы:

1. Арктика и Антарктика являются чем-то наподобие положительного и отрицательного полюсов электрической батареи, вырабатывая на протяжении миллиардов лет неопределенного типа энергию.

2. Это энергия более древняя, чем энергия Солнца, она лежит в основе природных явлений — движения атмосферных фронтов, морских течений, вулканов и землетрясений, обеспечивая даже вращение нашей планеты вокруг своей оси.

3. Неизвестно как действует эта сила на живые организмы. Но, если учесть, что раса Ледяных детей не оставила ни изображений охоты, ни кухонных черепков, можно предположить, что питались эти люди исключительно вышеупомянутой энергией.

Сурьяниан закрыл свои записи и продолжал:

— Война, которую мы только что пережили, не была битвой за территорию.. Это была борьба за энергетические ресурсы — нефть, леса, озера и реки. Энергия полюсов даст человечеству мир без войны, потому что ее хватит для всех на вечные времена.

Сейчас, когда мир получает передышку, необходимо серьезное изучение вопроса, объединение ресурсов всех держав. Вот почему я направляюсь в Москву, а в скором времени надеюсь посетить Токио и Лондон. Ученые должны знать, что у мира есть не только реальный шанс, но и подходящий момент его использовать.

Мой друг вернулся в кресло под одобрительные аплодисменты. Моряки переговаривались, ждали выступления капитана.

— Разрешите поинтересоваться, — встал Саблин, — только прошу правильно меня понять. Вот сейчас война закончится. В мирное время все это не нужно, — курсант очертил кают-компанию движением руки. — Что мы будем делать, когда мир изменится?

— Мир не изменится, — сказал Беспрозванный, — и люди не изменятся. Но отношения мира и людей станут другими. Какими — неизвестно, поэтому работа для нас найдется. Во всяком случае, в ближайшее время. Лет через пятьдесят-шестьдесят посмотрим. Вот только тогда мы будем уже стариками.

— Давайте же сейчас договоримся, — срывающимся от волнения голосом сказал Саблин. — Что бы ни случилось, встретимся через шестьдесят лет в Ленинграде. Скажем, первого августа. И пусть каждый к этому времени воспитает себе замену для «Гаммаруса». Кто за?

— Единогласно, — подвел итог голосования капитан. — А все это мы сдадим в музей.

Он кивнул в сторону плаката «Служба в армии — отстой и позор». Под текстом художник изобразил цепочку эволюции — от простейших организмов до Homo Sapiens. На предпоследней картинке человек поднимал с земли палку, а на последней — снова превращался в обезьяну.

— Мы хорошо потрудились, — сказал Беспрозванный. — Миллионы экземпляров «Справочника дезертира» на пятнадцати языках, повесть старшины Кубикова «Приключения Йожефа Лады», мультфильм «Мадам Кураж», десятки подпольных радиостанций классической музыки. Нам есть что вспомнить.

Нельзя забывать, какой ценой досталась победа. Жизнями товарищей мы уплатили эпохе долг с процентами. Провал резидентуры в Лозанне обошелся в двенадцать человек, не считая Леопольда, о котором ничего не известно. Нас будут искать до самой пенсии, потому что о стратегических наступлениях предупреждались обе стороны конфликта. Мы смешивали им карты, как могли, и они этого не простят. Так что, без адреналина не останетесь, курсант, — Беспрозванный поморщился, — хотя рекомендовать обходиться без него. Есть еще вопросы?

Вопросов у матросов не было. Далее капитан рассказал, что через три дня состоится встреча с союзниками и турнир субмарин «Полуторакубка Ллойда». Половинка кубка добавилась в название после того, как предыдущий турнир был прерван в полуфинале — в небе появилась стая вражеских торпедоносцев, при виде турнира выстроившаяся вопросительным знаком и уже расходящаяся в боевой порядок.

После собрания все немного обсудили компанию Ллойда и пришли к единогласному мнению, что если синхронизировать с плеском прибоя удары колокола, по традиции в каждое Рождество отсчитывающего число погибших

за год судов, то можно попасть в интересный совпадыч.

Затем состоялись безалкогольные поэтические чтения, мой сосед по каюте — молчаливый и слабо слышащий Крутов — читал поэму «Освобождение», первое четверостишие я могу вспомнить даже сейчас.

Вечер в музее. Сгущаются краски
Бледные маски острова Пасхи
Русские сказки
Немецкие каски
Тянется время, как связки гимнастки

В поэме рассказывалось о том, как в художественном музее, где хранилась картина Караваджо «Взятие Христа под стражу», один из пожилых искусствоведов отождествил себя с римским легионером на полотне и решил освободить Спасителя, для чего тайно вынес картину из музея. Опомившись и почувствовав уколы совести, он попытался вместе с другом — отставным следователем прокуратуры — вернуть картину на место, но было уже поздно — музей сравнила с землей разъяренная толпа художников.

Турнир должен был состояться в северном районе Атлантики, предположительно в сотне миль от Оркнейских островов. Место представляло собой скалистый остров, покрытый хвойной растительностью. На западе линия побережья образовала уютную естественную гавань. «Гаммарус» прибыл на встречу с союзниками за сутки до начала турнира, когда склянки отбили восемь вечера. До полуночи ветер гнал по заливу мелкую волну, но, когда небо провисло под тяжестью созвездий, вода стала черной и неподвижной, как в глубоком колодце.

Несколько матросов выкатили на палубу катушку толстого электрического кабеля, подвесили непонятного назначения стеклянный шар и спустили эту конструкцию за борт.

— Ночная световая станция, — пояснил появившийся из темноты Беспрозванный, — *Lux ex tenebris*, свет из тьмы вручную. Забавный прибор.

Некоторое время шар погружался под скрип катушки, увлекая за собой кабель.

— Свет, — скомандовал капитан, и под водой зажглось белое солнце. Шар висел на глубине нескольких метров, освещая песчаное дно так ярко, что были заметны даже отдельные ракушки — залив оказался вовсе не глубоким. Освещенная арена быстро заполнилась любопытными подводными жителями. По дну ползали невероятной формы членистоногие, омары и лангусты забирались друг другу на панцири, пытаясь огромными клешнями дотянуться до светящегося шара; стаи мелкой рыбешки вились как насекомые вокруг лампы; по песку скользили тени акул, устроивших хоровод вокруг подводного солнца. Все вместе это было так прекрасно, что на палубе стало совсем тихо — наше восхищение не нуждалось в словах.

— Пиздец, — нарушил общее молчание акустик. — Слышу эту живность каждый день, но лучше один раз увидеть. Я сейчас подводные микрофоны включу, узнаете как там шумно.

С этими словами он ввинтился в люк, ведущий в акустический отсек. Команда понемногу разговорилась, с кормы потянуло сладким дымком, хлопнула бутылка шампанского.

— Для вас получена радиограмма из Москвы, — тихо сказал мне Беспрозванный. — Черт-те что там происходит.

Капитан показал блокнотный лист, где карандашом дешифровщика было написано следующее:

«Гаммарус. Харламову. Поздравляем окончанием командировки. Можете не возвращаться. Саквояж уничтожить. Любые попытки связаться Красновым запрещены. Генерал-майор Синичкин».

— Что все это значит? — я буквально оледенел от прочитанного.

— Центр раздает награды, — ухмыльнулся капитан. — Кому звезды на погоны, кому мышь в карман, а кому и краба в штаны, — чиркнув бензиновой зажигалкой, сделанной из медной гильзы, Беспрозванный уничтожил радиограмму. — Поднялся там Синичкин, — продолжил он, двумя пальцами удерживая догорающий лист. — Раскрутился. «Гаммарус» он никогда не любил, а с вами у него еще и личные счеты. Мало того, что из-за вашего ... из-за вас с Любой закрыли отдел симпатической связи, который он курировал, он еще и ревнует. Похоже, Люба сейчас при нем.

— А почему молчит Краснов? Мне кажется, в Москве что-то случилось.

— В Москве постоянно что-то случается. А потом что-то случается после того как что-то случается. В результате не случается ничего. Но с профессором определенно что-то произошло. Вообще-то, пока мы вас ждали в Бомбее, мы получили приказ идти в Ленинград, но разве можно бросать товарища? Единогласно было принято решение: с выполнением приказа повременить. Похоже, никого из нас по возвращении не ждёт ничего хорошего.

Я был тронут

— Спасибо! Даже не знаю что сказать.

— Во-первых, не говорить «спасибо», между нами это не принято. И потом, вы ведь член команды «Гаммаруса», а это братство сильнее любых приказов. Ни родины, ни флага, Иван.

— Всегда хотел поинтересоваться. Почему «ни родины, ни флага»? Разве у нас нет родины?

— Когда-то она у нас была, — сказал капитан. — Да сплыла. Точнее, расползлась на материки и расы, а вслед за тем появились первые войны. Сначала это были конфликты между родами и племенами, потом походы людей против людей, говорящих на другом языке. С тех пор всякий, кто ощущает свою принадлежность к какой-нибудь нации, является потенциальным пушечным мясом. Или экономическим салом. Конечно, человеку сложно не гордиться тем, что он русский, немец или еврей. Эта гордость поддерживает человека, особенно если больше гордиться нечем. Только гордость эта — наживка, маскирующая острый крючок, на котором рано или поздно оказывается всякий, кто питает свою гордость расовой принадлежностью.

Мы же носим в сердцах память о временах, когда людей не разделяли национальности, и никакая другая родина нас не достойна. Мы свободны выбирать и свободны от выбора. Нас не так уж и мало — людей без родины и флага. И в моменты, когда нас собирается трое, мы слушаем древнюю музыку нашей родины. Надо лишь прислушаться к своему сердцу.

Сердце мое было переполнено в равной пропорции радостью, гордостью, и, несмотря на тревожный фон из Москвы, уверенностью в том, что все продолжится и кончится хорошо.

— Чувств много, — признался я внимательно следящему за мной капитану, — но я не уверен, что я слышу что-то кроме стука в висках.

— Так ведь нас ещё не трое, — Беспрозванный рассмеялся. — Погодите, сейчас мы это исправим. Саблин! — крикнул он в

сторону кормы.

В Москве постоянно что-то случается. А потом что-то случается после того как что-то случается. В результате — не случается ничего.

Послышался грохот ботинок по стальной палубе и появился курсант, окруженный невидимым ароматическим облаком, возникающим в природе исключительно в результате взаимодействия белого сухого вина с молодым растущим организмом.

— Не рано ли пить начинаете? — поинтересовался капитан. — Точнее, не поздно ли? Второй час ночи.

— Так ведь за победу пьем, товарищ капитан первого ранга, — пробормотал Саблин. — Завтра конференция в Куала-Лумпуре. Войне конец.

— Вот что, курсант. Пойдите-ка с нами одну минуту и помолчите. А теперь слушайте. Последние слова были обращены ко мне.

Чтобы полностью расслабиться по системе доктора Мюллера, отпущенной минуты было недостаточно. Поэтому я ограничился несколькими вдохами и выдохами, направив расфокусированный взгляд за борт, где под светящимся шаром продолжался парад морских жителей. Под сопение Саблина и прерываемую приглушенным хохотом травлю анекдотов на корме, я погрузился в созерцание и размышление.

«В известном смысле, — думал я, — мы все имеем общих предков. Даже эти крабы на дне являются нашими дальними родственниками — и моими, и Саблина, и капитана, и генерала Синичкина. Потому что жизнь, как известно, сотни миллионов лет назад вышла из воды. Только непонятно для чего понадобилось этим вольно парящим существам покидать родную среду? Конечно же, — осенило меня открытием, — жизнь вышла из воды не по своей воле, нас вытащили на сушу

чьи-то сети, да так и оставили...»

С неожиданной ясностью представился ужас существа, извлекаемого из темного и влажного мира. — Вот она, наша древняя общая родина, которой лишились все разом и каждый по отдельности. А ведь лично со мной это случилось сравнительно недавно, — медитировал я дальше. — Но когда и при каких обстоятельствах?

Вспомнились окровавленные пальцы в резиновых перчатках, они сжимали мою голову и тянули под стоны теплой и влажной матери в сухой и холодный мир белого кафеля, где под потолком висел ослепительный электрический шар. Я закричал и заплакал, а потом — услышал пронзительные звуки, смесь стрекотания и мяуканья — и от неожиданности чуть не свалился за борт.

— Настроил! — донесся откуда-то голос акустика. — Подключил подводные микрофоны к динамикам. Теперь вы понимаете, как вся эта живность мешает работать? Я поэтому только планктон уважаю, он молчаливый.

Трели подводного леса не были ни щебетом, ни клекотом, ни курлыканием — с птичьим гамом их роднило разве что периодическое совиное уханье. Скоро послышался повторяющийся ведический ритм, древнейший из всех известных — на корме стучали в большие индийские барабаны-мриданги. Еще несколько человек расселись полукругом, извлекая звуки из различных музыкальных инструментов, среди которых были как экзотические — ситар, варган и медная чаша, так и вполне привычные — ксилофон, флейта и виолончель.

Под звуки необычного оркестра, состоящего из рыб и людей, я отправился спать. В каюте номер семь пахло смесью французского одеколona и перегара. Источником обоих запахов был спящий Левон, прочие соседи все еще отсутствовали. Я натянул служившую ночной рубашкой огромную тельняшку, которая досталась мне в наследство от Всеволода Абрамовича, и быстро уснул. Через мгновение в моем сневидении появилась Люба.

Она весьма изменилась с того дня, когда я видел ее в последний раз. Пленившая меня детская непосредственность исчезла, уступив место манерности взрослой дамы. Излом бровей-иероглифов оказался, к сожалению, выщипан в тонкую нитку, а волосы коротко острижены и выкрашены в черный цвет, отчего она стала похожа на сгоревшую спичку. Мы вполне отстраненно поболтали, сидя на облаке, ни словом не вспоминая о прошлом. Люба рассказала, что рассталась со своим возлюбленным и теперь ее увлекает только работа. Я вежливо кивал головой и делился своими планами на мирную жизнь. Простились мы почти дружески, и только за минуту до того как исчезнуть, Люба открыла цель своего визита.

— Не возвращайся в Москву, — сказала она, глядя в сторону, — Будет неприятности. И всем передай. Вас арестуют.

— Что за глупости? — удивился я. — За что?

— Тебя за связь... — Люба запнулась. — С той иностранкой и за то, что ты позволил ей посеять черные зерна. Если бы этого не произошло, то мы бы победили, а так будет ничья, — она говорила словно о результате шахматной партии.

— А команду за что? — я смутился и поспешил увести разговор от темы Кирхен, вспомнив, что были посеяны еще и мои личные семена.

— На «Гаммарус» у Синичкина полное досье. Раньше их Краснов прикрывал, а теперь его нет.

— Где он?

— Где надо, — с неожиданной злобой ответила Люба. — Короче, в Москву ни ногой, понял меня? Сойди на берег где-нибудь в Северной Европе или возвращайся в Индию.

— Мы здесь как-нибудь разберемся, куда нам надо. Без генеральских помощниц, — ответил я колкостью на резкость.

— Я тебя предупредила, — прошипела исчезающая Люба. — Не послушаешься — пеняй на себя. Мне же легче. Концы, знаешь ли, в воду, — заключительное девичье хихиканье прозвучало уже в пустоте. Размышляя над смыслом ее последней фразы, я проснулся как раз к завтраку.

Взволнованные предстоящим турниром, мы не воздали должного праздничному столу — сашими из свежайшей рыбы и пирог с икрой осьминога остались почти нетронутыми. В кают-компании в последний раз обсуждались кандидаты от «Гаммаруса» для различных состязаний: Стас Ларионов был утвержден большинством голосов для песенного конкурса, Саблин — для поэтического (в связи с чем курсант бросился натирать и без того сверкающие башмаки), перетягивание каната доверили спортсменам из палубной команды, а представлять субмарину в соревновании преферансистов вызвался Левон. Кроме вышеназванных, ожидалось состязания ловцов жемчужин, астрономическая дискуссия и мастер-классы по йоге. Мою кандидатуру неожиданно предложили в жюри, куда традиционно включалось по одному человеку от каждой субмарины.

Насколько я смог понять, все эти соревнования были только дополнением к собственно и непосредственно турниру субмарин, который представлял собой шахматную партию, где капитаны тридцати двух подводных лодок поочередно делали ходы, обмениваясь радиогаммами, а кубок доставался сделавшему победный ход.

Наконец, сверкая белоснежной формой, команда поднялась на палубу. Вдоль залива полукругом покачивались на мелкой волне еще несколько подводных лодок, приветствуя специальными дневными фейерверками появление ежеминутно всплывающих на поверхность новых участников турнира. Беспрозванный застыл с хронометром в руках, отсчитывая минуты до полудня.

Дальнейшее произошло так быстро, что я могу все вспомнить по секундам. Засмотревшись на выкрашенную в лимонный цвет субмарину (как пояснил Саблин — британскую), я пропустил момент подъема флага на «Гаммарусе», однако видел, как такие же прозрачные полотнища были подняты на флагштоках всех участников. Вой сирены я принял за сигнал к началу турнира, но слова Крутова убедили меня в том, что произошло нечто непредсказуемое.

— Это «Гакенштерн»! — крикнул акустик мне в ухо. — Опять накрылся турнир Ллойда!

Что-то просвистело в воздухе, и неподалеку от борта стали вздыматься водяные столбы. Неторопливо, как при замедленном воспроизведении киноленты, они поднимались вверх, а когда фонтаны почти коснулись неба, послышались металлическая дробь по палубе, и я увидел Саблина, лежащего с залитым кровью лицом.

— Погружение! — сквозь грохот донеслась команда Беспрозванного, но я не сдвинулся с места. Меня заморозил вид правой ноги курсанта: там, где только что был сияющий ботинок, из-под окровавленных белых лохмотьев торчала удивительно розовая кость.

Опомнившись, я бросился к Саблину и почувствовал тупую боль в спине, будто кто-то ударил меня тяжелой палкой по позвоночнику. Прежде чем меня подхватили чьи-то крепкие руки и вслед за орущим благим матом курсантом втащили в люк, я увидел переламывающуюся надвое желтую подводную лодку на фоне вползающего в залив гигантского корабля, оцегинившегося пушками и ракетными установками.

Последующие дни я наблюдал сквозь туман болеутоляющих наркотиков, поэтому буду краток. Потеряв половину команды, «Гаммарус» погрузился под воду и ушел от преследования по древнему фарватеру, с незапамятных времен существовавшему под таинственным островом. Ногу курсанту оторвало по щиколотку, что Саблина не особо огорчило на фоне общих грустных событий. Моя рана оказалась сквозной и быстро зажила. Дредноут «Гакенштерн», очевидно, не получил приказ о прекращении огня и уничтожил восемь из тридцати двух субмарин, собравшихся на турнир полуторакубка Ллойда.

«Гаммарус» прибыл в Ленинград на шестой день после заключения Сталинградского мира, но дальнейшая наша история требует отдельного описания.

Глава 19

Могила в яблоневоm саду. Надежда из Каллипсо. Ахиллесова губа.

Солнце, воздух и вода — наша лучшая еда.

(Плакат в пионерском лагере)

— Давным-давно, когда в небе летали только птицы, а люди не знали ни интернета, ни телевидения, на окраине маленького городишка жил человек. В жизни его не было ничего необычного, кроме могилы в яблоневоm саду. Когда его прадед сажал эти яблони, могила уже была, но даже тогда никто не помнил, кто в ней похоронен.

Серьезный розовощекий юноша в черной одежде с редкой растительностью на лице прикурил сигарету и выдержал длинную паузу. Его английская речь была акцентирована гортанными звуками, отчего казалась немецкой. Арсений вежливо кивнул, демонстрируя интерес не столько к повествованию, сколько к рассказчику. Место для курения в терминале международного аэропорта выглядело совершенно нелепым на фоне общей стерильности гигантского зала, ароматизированного парфюмерным букетом ближайшего duty-free.

— Этот человек ухаживал за могилой, как это делали его дед и отец, не задумываясь особо о том, кому она принадлежит. А потом пришли люди, почитающие покойника как святого, и предложили миллион за яблоневый сад. Человек отказался, но позволил посещать могилу за символическую плату. И он не прогадал, теперь все мы, — юноша кивнул в сторону, и Арсений увидел, что почти весь зал занят очень похожими на его собеседника людьми в черных одеждах с такими же бородками, — дважды в год прилетаем из разных стран, чтобы посетить могилу святого, — юноша завершил свой рассказ не без гордости.

Романов пожал плечами, сладко хрустнув кожей новенького пиджака от Lucavogo. Его смущало многое в этой истории, но особенно — пыльные ботинки рассказчика, несвежие лацканы его пиджака и криво отросшие ногти на руках. Сам Арсений после посещения десятка дорогих магазинов выглядел как никогда в жизни. Кроме купленного утром кожаного шедевра итальянского дизайнера, весь остальной гардероб был приобретен вчера — от серых брюк грубого холста и тончайшей рубашки с кружевными манжетами до шелкового белья, дизайнерских футболок и кожаных шлепанцев. Все это, плюс плотная пачка новеньких купюр самого крупного номинала в кармане и увесистая «фигура», надежно упакованная в дорожную сумку с жидкокристаллическим сенсорным замком, заметно отличало его от стада невразумительных существ, дважды в год поклоняющихся могиле в яблоневоm саду.

Арсений кивнул негигиеничному паломнику и направился в сторону большого зеркала, чтобы еще раз насладиться гармонией новой одежды с новой внешностью. Кузя убедил его укоротить бороду и вместо отросшей на голове гривы сделать ультрамодную стрижку «Элин». Вдоволь налюбовавшись, Романов сел в кресло и уткнулся в телеэкран.

— Продолжается силовая акция по защите белых медведей... — лицо диктора выражало профессиональное недоверие к произносимому тексту. — Наш корреспондент Иван Солнцев передает с места событий, — на экране зарыбила тень вертолета на зеленой воде. — Ситуация в Арктике продолжает оставаться напряженной, — азартно тараторил корреспондент, — особенно в районе научных станций «Мирный-девять» и «Маяк-двенадцать». В этих местах сегодня исчезло несколько айсбергов, и опять похитители не были обнаружены. Напомню, что с начала года утечка льда в горячей белой точке составила уже более триллиона тонн. Если эта тенденция сохранится, популяция белых медведей окажется перед угрозой вымирания.

Арсений подумал, что было бы справедливо лишить корреспондента Ивана Солнцева зарплаты за «ситуация продолжает оставаться», но вернуть половину денег в виде премии за «горящую белую точку».

— Для патрулирования шельфа мировыми державами в Арктику направлены более пятидесяти военных кораблей, — захлебывался от восторга Солнцев, — и среди них гордость отечественного флота — дредноут «Красные Зори», охраняющий рубежи нашей родины вот уже более шестидесяти лет.

В кадр медленно вползал стальной шестнадцатизэтажный дом, из окон которого торчали остроносые ракетные установки.

— То, что вы сейчас видите — только надводная рубка дредноута, — пояснил голос за кадром, — в которой располагается тактическое оружие малой дальности и восемьсот человек команды. Основная же часть «Красных Зорь» находится под водой и несет на себе все виды вооружений: ядерное, лазерное, пучковое и химическое оружие, а также культуры всех известных человечеству смертоносных бактерий.

Объявили скорую посадку на рейс Москва — Каллипсо. Толпа паломников потекла занимать очередь, и Арсений отошел подальше, уткнувшись в бар. Закусив шоколадом двойную порцию свежееотжатого тростникового сока с водкой, он услышал знакомый голос.

— ...я присмотрелся получше, и заметил людей в нашем зимнем камуфляже, но оружие у них было заграничное, — уверенно докладывал Клейн с экрана телевизора. Он выглядел непривычно, как и все люди, которые всю жизнь носят очки, а потом оказываются вынужденными их снять. Щурясь в объектив камеры, Клейн в обычной своей манере рассказал о военном отряде, грузившем ледяные глыбы на скоростные катера.

— За проявленную зоркость новобранцу Клейну выражена благодарность, — сообщил диктор. — Мы будем и дальше следить за событиями в горячей белой точке.

Очередь на посадку тем временем исчезла, и Романов поспешил занять свое место в самолете. Мчась под улыбки персонала по гофрированной трубе, ведущей в самолет, он вспомнил о попутчиках в неряшливых одеждах и подумал: «Хорошо, что я лечу бизнес-классом!».

— Мы все летаем бизнес-классом, — радостно сообщил через минуту пожилой паломник с редкой бородкой. — Тратиться на внешний вид религия не позволяет, а денег полно. Все благодаря учителю. Он завещал нам одно-единственное правило, следуя которому можно проникнуть даже во внутреннюю суть вещей, после чего привлечь финансовые потоки — раз плюнуть. Учитель сказал: «Ода форма далисан», что в переводе значит «Up is down».

— Вверх — это значит вниз, — кивнул Романов. — Знаю. На высоте десяти тысяч метров это успокаивает. А сейчас я посплю, извините.

Арсений закрыл глаза и стал думать обо всем сразу. Открывающиеся на новой работе финансовые перспективы окрыляли воображение, но ограничивали высоту полета узким коридором не шире телевизионного экрана, где на фоне

красивых вещей светились адреса модных магазинов. Оказалось, что в спинках кресел включились мониторы и перед фильмом крутили рекламу. Арсений щелкнул выключателем и в самом деле уснул. Через секунду самолет стал падать. Повинуясь закону не то невесомости, не то гравитации, желудок тяжелой птицей взлетел под горло. — Воздушная яма, — догадался Романов, открыл глаза и удивился. Нет, ему не показалось — одежды паломников стали белыми. Сменившие цвет попутчики пели песню на неизвестном языке, в части мотива сильно похожую на «Камаринскую».

Ода форма далисан
Тоне карма толиса
Кане доля увека
Мине добра итака

За полчаса она успела описать все когда-либо существовавшие литературные традиции, через пятьдесят минут — раскритиковать всех писателей школьной программы, через шестьдесят — современных авторов

— Уже проснулись? — вежливо поинтересовался сосед. — Извините, если помешали, но у нас торжество, — он показал утреннюю газету, где с передовицы щурился Клейн. — Война началась.

— Почему же торжество? — удивился Арсений. — Ведь люди погибли.

— Вот именно! — воскликнул паломник. — Свершится предначеченное. Видите ли, мы верим, что есть три типа людей: одни родились и живут в свое время, другие — опередили его, а третьи пришли из прошлого. С первыми все понятно. Со вторыми, в принципе, тоже — это гении, опередившие свое время. А вот кто из прошлого, с теми сложнее. Они привыкли все с помощью силы решать. И человека им убить легко, и даже желание такое у них возникает регулярно. Они опасные.

Агрессивные, понимаете?

— Понимаю, — кивнул Арсений. — Я одного такого недавно встретил. В армии.

— Вот-вот, — обрадовался белоснежный сосед. — Армия для них. Как раз такие люди убивают друг друга на войне.

— Как же гражданское население? Не агрессивное. Оно ведь тоже гибнет.

— Это плата за равнодушие. Ведь в мирное время люди из прошлого страдают у всех на глазах. Только немногие находят себя в обществе, остальные вяло сходят с ума. А население не лобит когда кто-то сходит с ума, оно милицию вызывает. Вот поэтому мы считаем войну благом, потому что люди из прошлого миллионами убивают друг друга, а после их гибели мир становится добрее. Отныне мы станем носить праздничные белые одежды, ибо любая война закончится миром. Мирное время обязательно заканчивается войной, поэтому до этого момента мы были в трауре, понимаете?

— Ясно, — сказал Арсений. — Up is down.

Подумалось, что всякая уважающая себя религия должна присутствовать в жизни человечества в двух вариантах: бесплатной демо-версии, когда любой может легко приобщиться или отлучиться без особого вреда или пользы, и в полномесном лицензионном варианте.

Лайнер снижался над облаками. Вид из иллюминатора легко можно было бы выдать за ледяной арктический пейзаж.

— Или антарктический, — подумал Романов. — Вверх — это значит вниз.

Повинуясь этой мысли, он посмотрел на потолок салона, бросил взгляд на пол и где-то посредине наткнулся на развернутую английскую газету. После фоторепортажа с антивоенной демонстрации в Лондоне, странно озаглавленного «Lake Move Wot Nag», следовала небольшая заметка, к событиям в Арктике отношения как будто не имевшая:

«На фоне обострения международных отношений лидеры более чем пятидесяти стран особенно драматически воспринимают участившиеся случаи получения под видом корреспонденции конвертов с порошком серого цвета. Остается только догадываться каким образом в условиях повышенной безопасности этот «пепел войны», как журналисты уже успели окрестить содержимое конвертов, все же попадает на столы президентов и премьер-министров.

В ходе расследования было неоднократно установлено, что во всех случаях порошок представляет собой абсолютно безвредную смесь зерен белой и черной горчицы и является, по-видимому, предупреждением...»

Сосед закрыл газету и стал пристегивать ремни. В иллюминаторе сверкнуло море, омывающее берега прекрасной Каллипсо — «жемчужины среди песчинок», как именуют её туристические справочники.

Отделившись в аэропорту от белоснежной толпы, Арсений сел в такси и велел водителю ехать в гостиницу поприличней. Пахнувший морем теплый ветер ворвался в люк автомобиля, за окном замелькал портовый город, и само собой пришло настроение провести вечер весело и беззаботно. Он бросил вещи в номере отеля, повертелся в душевой кабинке и вышел на прогулку в тот самый волшебный час, когда тени платанов еще различимы на булыжной мостовой. Пестрые компании говорили на самых разных языках, в кафе сидели иностранные матросы в смешных беретах, внизу переливались огни порта.

Непонятно зачем Романов взял на прогулку ноутбук и теперь сидел в кондитерской, внося в рукопись последние правки. Обман Иваныча сейчас больше смешил его, чем огорчал: благодаря встрече со стариком, Арсений пережил сложный период жизни, увлекшись таким бесполезным занятием, как переписывание пенсионерского вранья в компьютер. И все же, книга местами казалась Романову интересной. Пролистав файл до конца, он нашел в сети сайт издательства «Ундервуд» и отправил им результат своей работы под заглавием, придуманным в последний момент: «Неолит». Подразумевалась и новая литература, и версия детского писателя Журавлева о делящейся до наших дней фазе каменного века.

Мобильный пискнул и на экране появилось изображение конвертика. «Я переезжаю к Мандарину. Таких, как он, один на миллион. Игра окончена» — сообщение от Кузи не вызвало никаких эмоций, и Романов опять уткнулся в экран.

— Извините, вы не могли бы посмотреть в Интернете прогноз погоды на завтра?

Голос из-за спины был требовательным и принадлежал красотке за соседним столиком. Ее глаза цвета голубого арктического льда смотрели чуть насмешливо.

— Температура морской воды плюс двадцать два, — исполнил просьбу Арсений. — Ветер юго-восточный, воздух прогреется до тридцати пяти градусов тепла.

— Вы интересно отвечаете, — сказала девушка. — Обычно все с воздуха начинают, а вы — с воды. Только я на пляж не хожу. Сгораю моментально. Видите, какая белокожая? Надежда, — она протянула тонкую руку для знакомства.

Дальше все завертелось очень быстро. Романов угостил Надежду мадерой, они погуляли по улочкам старого города и поговорили о литературе — выяснилось, что она учится на филологическом факультете.

— Надеюсь, вы не роман своего поколения написали? — насмешливо спросила она, когда узнала о рукописи в недрах ноутбука. — Не то пришлось бы в вас срочно влюбиться.

— Это не роман, — сказал Арсений, ощущая прибывающую пустоту в голове и густую тяжесть в противоположной части тела, — это повесть. И не моего поколения.

Ее литературные предпочтения были такими же узкими, как ее бедра, чувство стиля — тонким, как талия, а эрудиция — широкой и щедрой, как улыбка. Надя любила австралийскую прозу семидесятых, русских фантастов девятнадцатого века и современных чешских художников. За полчаса она успела описать все когда-либо существовавшие литературные традиции, через пятьдесят минут — раскритиковать всех писателей школьной программы, через шестьдесят — современных авторов, а на шестьдесят первой минуте Романов целовал Надежду на ступеньках своего отеля.

— Триста долларов за ночь, хорошо? — шепнула она, забравшись рукой под его рубашку, чтобы медленно провести ноготками по животу. — И еще сто, если хочешь, чтобы я до утра прочла твой роман.

Никогда еще Арсений не тратил деньги с таким удовольствием. Засыпая на рассвете, он слушал профессиональные комментарии Нади, честно рецензировавшей страницу за страницей.

Проснувшись, Романов отметил, что девушка оставила на трюмо свои триста долларов, однако прихватила ноутбук. Прочее осталось на месте: и сумка с цифровым дисплеем, и несколько не похудевшая пачка банкнот, и — самое главное — прекрасное расположение духа, какое только может быть у человека с деньгами, посетившего морской курорт в разгар пляжного сезона. Заказав такси на три часа дня, Арсений отключил мобильный и сладко уснул.

Следующим пунктом командировки был мелкий город Гаврик, где следовало сесть в катер, отправляющийся раз в сутки,

чтобы по воде достичь конечной точки путешествия. По мнению Романова, в Ахиллесову губу теоретически можно было попасть сухопутным путем. Но водитель ни за какие деньги не соглашался ехать в указанное место, тыкая квадратным ногтем в карту и что-то говоря о болотах, зыбучих песках и пограничном контроле. Делать было нечего — Арсений уютно расположился на заднем сидении и продремал все время, пока машина добиралась от Каллипсо до Гаврика.

Удививший на причале крепкий старик в тельняшке сообщил Романову, что катер ушел в полдень, а завтра не вернется по причине ожидаемого шторма.

— Видишь, южак задул, — важно сказал незнакомец. — Как в песне: «южный ветер приносит рыбу, ветер в сердце приносит силу». Теперь закрутит на три дня. Если не на три, то на семь.

— А если не на семь, то на одиннадцать? — спросил Арсений, всматриваясь в размытые очертания Ахиллесовой губы, темной полоской вытянувшейся над горизонтом.

— Та ты не дрейфь, — старик выудил крупную плоскую рыбу. — Вечером пойду сетки на губе выбирать. Погуляй пока, посмотри город, а пойдет солнце — я к причалу на катере подойду. Бутылку не забудь.

Главной достопримечательностью Гаврика оказался памятник Иерониму фон Мюнхгаузену, воздвигнутый его нижнесаксонскими потомками именно там, где в соответствии с записками самого барона он совершил при осаде турецкой крепости свой знаменитый полет верхом на ядре. Памятник выглядел как огромный стеклянный шар, внутри которого, как комар в янтаре, летел раскинувший руки барон в треуголке. Выкурив у чугунного подножия пачку сигарет и слегка ошалев от концерта миллиона сверчков, Арсений вернулся на причал с наступлением темноты.

Катер оказался облупившейся от времени моторной лодкой, половину которой занимал деревянный ящик, остро пахнущий свежей рыбой. Старик сел за руль, указал Романову свободное место на носу, и лодка стала медленно, но верно удаляться от берега. Через десять минут Арсений замерз под порывами встречного ветра с брызгами, но старался не крчючиться от холода, подражая прямой и гордой посадке рулевого.

— Бутылку взял? — спросил старик где-то на середине пути, перекивая шум захлебывающегося движка. Арсений отрицательно замотал головой и пробормотал, что заплатит.

— Вот, бляха, ничего доверить нельзя! На, грейся.

Романов дотянулся до предложенной пластиковой бутылки, сделал несколько обжигающих глотков и надолго задышал раскрытым ртом, словно засыпающая на берегу рыба. Дальнейшие события воспринимались как десятый сон. Сквозь выступившие слезы Арсений видел, как в два подхода старик допил бутылку и выкурил сигарету без фильтра. Без единой мысли Романов помогал осторожно выбирать из воды сети с колючими осетрами, и даже когда нос лодки тихо ткнулся в песок Ахиллесовой губы, он не пошевелился и продолжал смотреть на ящик, доверху заполненный мокрыми сетками.

— Приехали, командир, — весело сказал старик. — Давай прыгай скорее на берег, мне надо вернуться до рассвета, пока рыбинспекция не проснулась.

Скользкими от рыбы пальцами Арсений выковырял из пачки первую попавшуюся купюру.

— Ты что, совсем угандонился от спиртяги? — спросил старик, рассматривая банкноту в свете фонарика. — У меня с таких денег сдачи не будет. На, забери от греха подальше. Мы за бутылку договаривались, так занесешь на обратном пути. Будь здоров.

— Куда идти? — спросил Романов, обзвывая беспросветный берег. Ответа не последовало: старик уже отвернулся к мотору и наматывал на пусковой механизм обрезок веревки, что-то почти беззвучно урча себе под нос.

Арсений долго не сходил с места, вслушиваясь в стрекотание удаляющегося катера, однако появление комаров заставило двигаться дальше. В нескольких шагах от воды стояла бесконечная стена непролазных кустарников, и он счел благоразумным направиться вдоль береговой линии — без фонарика в этих зарослях делать было нечего. В последний раз пискнул угасший мобильный, но сейчас это не имело значения — было бы неправильно так поздно звонить председателю Совета директоров «Невесомость Инвестмент», да и чуть страшновато из-за странных намеков Мандарина-Кондратьева.

Приметив дальний огонек, Романов определился с направлением и зашагал. Подробный план местности остался в ноутбуке, как и единственный файл текста повести. Ухмыльнувшись последнему обстоятельству, Арсений стал вспоминать сведения из туристического справочника: Ахиллесова губа — выдающийся в море песчаный мыс, покрытый лесами и озерами; длина 40 километров, ширина сужается от 10 километров в основании до нескольких метров в конце; во время раскопок найдены следы античных поселений; район объявлен заповедником, охота и рыбалка запрещены.

Из щели в темном небе выкатилась луна, продемонстрировав правдивость информации: линия берега описывала дугу и потом вполне обозримо сходила на нет. Также выяснилось, что Романов находится примерно посередине губы. Двадцать километров — расстояние от Варсонофьевского до Ботанического сада — не больше часа езды на велосипеде ночью, когда свободными становятся хотя бы тротуары.

Через час рубашка была мокрой от пота, а источник света, казалось, не стал ближе ни на метр. Залитая лунным сиянием картина переменилась: песчаная дорожка вильнула от берега и петляла среди поросших камышами соленых озер. Еще через некоторое время Арсений отметил блеск моря по обе стороны. Миновав массивный остов ржавеющей баржи, боком привалившейся к берегу, дорога растворилась в песках без признаков растительности. Пот заливал глаза, пиджак от Lusavogo был давно снят и превратился в бесполезную тяжесть.

Наконец, Романов признался себе, что после высадки на берег пошел не в ту сторону — привлекший его внимание источник света оказался каменным маяком. Возраст этой башни составлял не меньше сотни лет, если судить по виду выщербленных глыб в основании.

Приспособив дизайнерский шедевр от Lusavogo в качестве подстилки, Арсений стал готовиться к ночлегу. К счастью, в сумке лежала прихваченная в отеле большая бутылка воды, и это оказалось единственной полезной находкой. Все остальное вызывало невольный хохот, особенно костяные тапочки, антикварный кожаный футляр без ключа и «фигура» для Капитона. Недоставало всего лишь еды и сигарет, так что Романов решил, что устроился вполне неплохо, и провалился в сон.

— Я не успела дочитать и взяла ноутбук с собой, — извинилась Надя, сидящая у костра на краю бетонной баржи. — А деньги не взяла, потому что не знаю что с ними делать. Разве что костер разжечь.

— Что еще скажешь? — спросил Арсений.

— Знаешь, не хочу тебя обидеть, но книга — полный отстой. У меня складывается такое впечатление, что автор никогда не был ни в Индии, ни в Тибете, ни даже в Санкт-Петербурге.

— Так и есть, — сказал Романов. — Но какое это имеет значение?

— Еще какое имеет! Для повествования главное — точность и красота. Между прочим, в Индии по сто раз на дню слово «спасибо» только глухой не слышит. Все вокруг только и чирикают — «тэньк ю, тэньк ю». Вот так. Я еще координаты «Гаммаруса» проверю. Но это не главное.

— А что главное?

— То, что тебя здесь не будут искать. Завтра появится Капитон, и тебя не станет.

— Почему? — ситуация начинала раздражать.

— Потому что ты кинул его, а он этого не прощает.

— Не кинул. Деньги в сумке, — Романов на всякий случай показал Наде «фигуру». Смотри сколько.

— Сам смотри, это твой сон. Капитону нужна газета, а не то, что в нее завернули. Бумага для растопки здесь на вес золота, понял? Деньги горят быстрее, хотя и красивее. Клади их в огонь.

Сам не зная почему последовав глупому совету, Арсений бросил «фигуру» на багровеющие угли. В глаза ударил ослепительный свет. Солнце светило прямо в лицо, быстро выпаривая из глаз остатки сновидения.

Оглушенный тепловым ударом, он поднялся, сбросил одежду и через миг забежал в море. Вдоволь наплававшись в теплой прозрачной воде и переодевшись в шорты и майку с изображением пляжной красотки и текстом «Wove you. Leed you. Nant you», Романов пошел на разведку. Босиком, потому что кожаные тапочки Кузя купила на пять размеров меньше. То есть для себя.

Результатом обхода маяка стали найденное на берегу сухое дерево дикой маслины, идеально подходящее для костра, и выброшенные прибоем десяток мидий плюс три крупные раковины рапана. Безуспешно провозившись с разжиганием огня и истребив почти все спички, Романов догадался использовать для растопки газету, в которую была завернута «фигура» и с удовольствием позавтракал запеченными в панцирях моллюсками, запивая их остатками воды.

Теперь не было нужды выбирать направление: когда путь вперед совпадает с дорогой назад, прогулка вдвойне приятнее. Арсений шагал босиком по прибою, чувствуя прикосновение юных солнечных лучей к своим плечам, шелк песка под босыми ногами и смолистый воздух в легких. Разумеется, пейзаж был насыщен многообразием форм жизни: яркие птицы в небе, серая змея на песке и компания дельфинов в море — вот только несколько кадров из подаренного одинокому путнику райского видеоряда.

К тому моменту, когда Арсений узнал место своей высадки, он ничуть не устал. Дальше дорога повела через высокие луговые травы, потом сквозь сосновый лес и опять вывернула на морской берег. Наконец, впереди показалось человеческое жилище, оказавшееся единственным. Кроме окруженного камышовым забором белого домика, вокруг которого сушились многометровые рыбацкие сети, других строений не наблюдалось до самого горизонта. Перед крыльцом стоял тяжелый мотоцикл с коляской, следы от которого Арсений сегодня не раз видел на песке.

— Хозяин! — крикнул Романов сквозь камышовую калитку.

Во дворе не оказалось ни собаки, ни следов ее пребывания, и Арсений смело разлегся под развесистой грушей, на вершине которой дозревали золотые ароматные плоды. По всем описаниям, это и был дом Капитона, с которым нужно быть осторожным. Романов еще раз обошел домик вокруг и вернулся под грушу, не встретив ничего нового, кроме колодца с ледяной водой и грядки с огурцами.

К вечеру хозяин не появился, не было его и к завтраку, когда переночевавший в саду Арсений думал лишь об одном — что вместо кожаных тапочек следовало взять в путешествие хотя бы спичечный коробок поваренной соли. Тем не менее, нагретые солнцем огурцы насытили привычный к голоду желудок, и Романов стал ждать дальше. Капитона не было еще два дня, и все это время Арсений питался огурцами и медовыми грушами. Фруктово-овощная диета стала понемногу надоедать, когда под стеной нашлось покинутое гнездо ласточки. Как известно, это блюдо является деликатесом, но для его приготовления требовался огонь, а спички закончились еще в первый день. Вечером третьего дня Арсений решил влезть в дом, чтобы позаимствовать соль и спички. Протестировав окна на предмет закрытости, он заметил открытую форточку, влез на подоконник и попытался дотянуться до щеколды.

— Помочь? — спросила из темноты приближающаяся фигура. Романов быстро спрыгнул с окна и приготовился к неприятностям.

— А, старый знакомый. Бутылку принес, или как? — старик в тельняшке держал под мышкой полутораметрового осетра. — Ну, будем знакомы. Я Капитон.

Самое вкусное в жареной осетрине — длинный хрящеватый нос древней рыбы, хотя и прочие его части, покрывшиеся на углях янтарной корочкой и sprыснутые соком лимона, остаются непревзойденной закуской. Капитон наполовину разбавлял спирт водой из колодца, так что, прежде чем охмелеть и уснуть, Арсений успел поесть.

— Давай, что там у тебя, — сказал старик после ужина, заваривая душистый чай на травах. Романов порывлся в сумке и выложил на стол стянутую множеством резинок пачку зеленых банкнот.

— Надо было завернуть. Газеты не нашлось? — недовольно спросил Капитон. — Сколько здесь?

— Семьдесят пять тысяч долларов.

— Передай своим, пусть ложатся на дно. Отпускаю их на четыре ветра. Сам что делаешь по жизни?

— Не решил еще, — осторожно ответил Арсений, с ужасом осознавая, что его с виду полноценная социальная позиция на самом деле не выдерживает никакой критики: ни работа с янтарным кубиком, ни надиктованная Иванычем повесть ценности перед лицом окружающей природы не имеют. С этой мыслью он и уснул под грушей, завернувшись в выданный спальный мешок.

Наутро его разбудил Капитон, гладко выбритый и одетый в приличный костюм.

— У тебя два варианта, — сказал он Романову за завтраком. — Либо остаешься здесь на хозяйстве, либо едешь со мной в Питер на собрание Совета акционеров.

— Я поеду с вами, — мгновенно решил Арсений. — Никогда не был в Питере. А что такое адские шахматы?

— Это когда людьми как шахматными фигурами пользуются, — объяснил Капитон. — Не советую.

Покупая билеты на поезд Калипсо-Санкт-Петербург, Романов удивился еще одному странному совпадению: в соответствии с паспортом, фамилия Капитона была Беспрозванный.

— И называй меня капитан, — сказал Капитон. — Мне так привычнее.

Глава 20

Не сходи с ума, роднуля. Акционеры «Невесомость Инвестмент». Яблони на Марсе.

*Хоть потери возможны
на этом Пути
Направления и лица
Все же будет несложно
друг друга найти
Тем, кто дойдет до конца.*

(С.В. Ларионов, Всенародно избранное)

На время стоянки скорого поезда Калипсо-Санкт-Петербург перрон станции Жмеринка заполнился торговым людом, предлагающим сонным пассажирам пиво, мороженое, копченую рыбу и прочую снедь.

— Санкт-Петербург воздвигнут на крестьянских костях, а Жмеринка — на куриных!

Мужик в мятом пиджаке показал Романову образцовый завтрак плацкартного пассажира: жареное бедро курицы в обрамлении вареного картофеля и кружочков малосолевого огурца. Сомнительный натюрморт был выложен на картонке и затянута в целлофан, по которому изнутри стекали рыжие капли.

Арсения отчего-то испугал хаос жареного мяса, равно как и рассеченная симметрия копченых лещей. Белесые паровые котлеты и бутерброды в колбасных панцирях также вызвали недостойное путешественника чувство гадливости. На всякий случай он купил у сгорбленной старушки два килограмма яблок, пирожки с творогом и поспешил обратно.

У вагона Беспровзванный беседовал с франтоватого вида пожилым мужчиной в льняном сиреневом костюме. Как правило, такие люди первую половину жизни работают в бухгалтерии, живут скромно и незатейливо, а ближе к пенсии открывают собственный бизнес и пускаются во все тяжкие. Судя по неслабости беседы, сиреневый ехал в том же поезде.

— Знакомьтесь, это мой старый друг, — представил франта капитан. —

Станислав Вольдемарович. — А это мой юный товарищ, — он указал на Арсения. — Случайно встретились, представляете?

Романову показалось, что франт ехидно усмехнулся.

— Ларионов, поэт-песенник, — на мизинце сиреневого сверкнул и прибавил силу рукопожатия перстень с голубым камнем. — Да уж, никогда не смог бы представить вас в плацкартном вагоне, — продолжил он разговор с капитаном. — Перебирайтесь в мою каюту — спальня вагон, одно место свободно.

— Дядя, пожалуйста, дай на хлебушек, — потянул за сиреневый рукав оборванец лет десяти с профессионально грустным лицом.

— Мальчик, иди в школу! — рыкнул франт.

— В школе каникулы, — попрошайка на всякий случай сделал два шага назад.

— Ну так иди воруй, — мягко сказал ребенку Беспровзванный. — Даже не знаю, Стас, как быть, — обратился он к Ларионову, — У тебя ведь только одно место свободно, а нас двое.

— Не волнуйтесь, — сказал Арсений. — Я прекрасно доеду в плацкарте, а вы перебирайтесь к старому товарищу, раз уж так совпало.

— Вот именно, совпало! До встречи, молодой человек, — Станислав Вольдемарович увлек капитана в сторону спального вагона.

— Дядя, дай на хлебушек, — теперь это была девочка лет восьми в застиранном платьице, из которого торчали загоревшие до черноты тоненькие ручки и ножки.

— Девочка, иди в... — попытался подобрать Арсений достойный ответ.

— Внимание! — захрипел громкоговоритель. — Скорый поезд Калипсо — Санкт-Петербург отправляется с четвертого пути. Просим пассажиров занять свои места.

— Иди, девочка, — сказал Романов, сунул в исцарапанные ладони попрошайки свои пирожки, и запрыгнул в тронувшийся вагон. Пакет с яблоками порвался, и красные шарики упруго застучали по перрону, выложенному желтой восьмиугольной плиткой.

Не сходи с ума, роднуля
Возвращайся, все разрулим
Я тогда хотел как лучше
Я тогда хотел как лучше
Лучше разлюбить тебя, любить тебя

Звон гитары отражался в зеркалах двухместного купе. Запотевший графинчик с водкой, две тяжелые рюмки, тонко нарезанный белый хлеб, маслины и лимоны, хрустальные розетки с икрой и чай в серебряных подстаканниках восхитили бы любого преподавателя композиции, все равно — живописной или музыкальной.

Улыбнись моим детишкам
Почитай им на ночь книжку
Я всегда хочу как лучше
Я всегда хочу как лучше
Лучше разлюбить тебя, любить тебя...

— Удивительное дело, — Ларионов отложил инструмент, — достаточно повторить самую глупую фразу в припеве больше трех раз, и песня становится популярной.

— Красиво живешь, — капитан неодобрительно кивнул на деликатесы. — Шикуюшь, механик.

— Издержки профессии. Хорошая песня стоит не дешевле хорошего автомобиля. Я, между прочим, на общее дело и за

себя, и за Абрамыча возносил. Больше всех.

— Ладно, не горячись, — Беспрозванный налил по полной. — Все старались, кто сколько мог. Теперь все, я вчера в последний раз деньги перевел. Как соберемся, так и отвалим.

— Все там уже! И старики, и салаги. Капитана ждут.

— Есть люди, у которых капитан внутри, — строго сказал Беспрозванный. — Ты кого видел в последние годы? Как жил, Стас?

— Никого не видел. Жил как все, — Ларионов взял гитару и нарочито небрежно забренчал дворовой «восьмеркой»:

— Бывает грев как прошлогодний снег, бывает жизнь из ходок и движений, не отличай побед от поражений, тогда, пацан, ты будешь человек...

— Слышал я эту песню, — капитан закурил. — По радио. Твоя?

— Моя. Полгода в хит-параде «Блатпедали» на первом месте. Никто и не догадался, что это — перевод стихотворения Киплинга. Вот так и жил. Между ходками и движениями. Сам знаешь, все срока потянули огромные. Даже Харламов. Короновали его в Чите. Смотрящий теперь.

— Кому смотрящий, а кому впередсмотрящий. Привыкай опять. Как только окажемся на борту, сухопутные титулы в сторону. А то переменяли участь, кто во что горазд. Саблин вон, к примеру, на днях организовал какую-то «Выставку регенеративного искусства», не слышал?

— Знаю, — кивнул Ларионов. — Спецназ приехал дом в центре расселять, а там эти флаги, телевидение еще. Синичкину пришлось отвалить несолоно хлебавши, но дом все равно расселили.

— Какие флаги? — спросил Беспрозванный. — И Синичкин каким боком?

— Флаги самые разные. Короче говоря, Харламов жил на крыше дома Краснова, который наш старый друг генерал Синичкин хотел по-тихому расселить и продать. Решили Саблин с Иванычем утереть нос старому знакомому и подняли шум под предлогом выставки. Проект назывался «Ни родины, ни флага». Художественная идея была такая: смешать цвета внутри каждого государственного флага в соответственных пропорциях. От этого желто-голубой флаг Украины стал чисто зеленым, японский — розовым, а флаги России, Великобритании и США — одинаковыми как близнецы-братья. Почти черными. Неотличимыми стали Андреевский флаг и государственный флаг Израиля.

— Концептуально, — ухмыльнулся капитан. — Давай, Стас, за прозрачный флаг выпьем. И за тех, кто не дожил. Пятьдесят миллионов погибло за четыре года. Я как-то посчитал, что в день умирало около тридцати тысяч человек. Это не считая животных и растений. И вот теперь все по новой. Ты газеты читал? Скоро в Арктику пойдем. Спой, Стас, старую песню из тех, что на «Гаммарусе» пел. Что-то там у тебя про пилотку было.

— Сейчас изобразим, — Ларионов разлил остатки и взял гитару.

Голова дорога, но дорожке бывает пилотка
Хорошо одному, только все-таки лучше вдвоем
Вместо трупа врага наблюдать, как подводную лодку
Поведет по реке рулевой с побледневшим лицом
Ледяные фигуры вдоль берега слишком прозрачны
Юный штурман на вахте сверх меры расслаблен и смел
Не пытайся сегодня понять, что же все это значит
Разве только запомни, что это еще не предел

Рано утром поезд прибыл в Санкт-Петербург. Встретившись на перроне с капитаном и Ларионовым, Арсений шагнул к выходу из вокзала и думал о том, что сейчас, расставшись со своими спутниками, он позвонит Вере и попытается не бросить трубку до окончания разговора, который на этот раз должен быть дружелюбным и доброжелательным.

Рядом грузно ступал одетый в черный с зеркальным отливом костюм мужчина лет пятидесяти, обладатель огромного живота и килограммовых усов. Мужчина говорил по мобильному, выглядевшему в огромной ручище не больше спичечного коробка: «Лачо дывэс, чиргенори. Прокурор саро джинэл, бэнг шэнгэнца. Адана джяла обыск и выемка документов одой. Аи, ракло, ту джинэс со тэкэрав».

— Какой красивый язык, — тихо сказал капитан. — Очень певучий, но главное — нет в нем слов «прокурор», «обыск» и «выемка документов».

— Чувствуется древняя культура, — согласился Ларионов. — Послушайте, Арсений, сходите за папиросами, уважьте стариков.

Возвращаясь с двумя пачками «Эвереста», Романов столкнулся с усиленным патрулем. В результате проверки документов, он оказался в отделении и с ужасом выслушал знакомый уже рассказ о приказе два-два-девять. Рядом с решеткой «телевизора» висел свежий плакат, с которого из-под текста «Служба в армии — священный долг каждого гражданина» строго смотрел ретушированный Клейн в камуфляже с орденским крестом на груди.

— О, да ты еще с психиатрического обследования у нас сбежал, — офицер разложил на столе конфискованное содержимое сумки: разрывающийся от звонков мобильный телефон, антикварный футляр, папиросы для Ларионова, носовой платок и пачку банкнот, о существовании которой Арсений почти забыл. — Теперь так просто не отделаешься. Родина, блядь, в опасности! — продолжал офицер, пересчитывая купюры. — Пять тысяч долларов, — сказал он заполняющему бланк протокола сержанту.

— Там минимум десять, — заметил Арсений.

— Задержанный, не спорьте, — взвился сержант. — Капитан лучше знает.

— Кстати, вас уже третий раз какой-то капитан вызывает, — кивнул офицер на вибрирующий мобильный. — Интересное совпадение. Да, слушаю! — ответил он на вызов. — Ваш товарищ задержан и находится в отделении. Да, можете посетить. Разрешается принести пару теплых носок, зубную щетку, эмалированную кружку, сигареты без фильтра...

— Ты дешево отделался, — заявил Ларионов, когда спустя час они шли по Невскому проспекту. — Считай, даром.

— Ничего себе — даром, — сказал Романов. — Десять тысяч баксов, это все что у меня было.

— Самое дорогое у человека — это свобода. Свобода выбирать и свобода отказаться от выбора, — строго сказал капитан. — И воспользоваться свободой надо так, чтобы в случае ее потери не было мучительно больно. Что это за футляр лежал среди ваших вещей? Бритвенные принадлежности?

Самое дорогое у человека – это свобода. Свобода выбирать и свобода отказаться от выбора

Терять Арсению было нечего. Остановившись на мосту с чугунными перилами, он рассказал капитану и Ларионову все: об ушедшей Вере, старике-обманщике с Варсонофьевского переулочка, повести «Неолит», близоруком Клейне и странной новой работе. На рассказ ушло минут десять, и примерно столько же времени капитан и Ларионов хохотали, глядя то друг на друга, то на застывшего в недоумении Арсения. Со стороны это была странная картина: два старика — один в сиреновом одеянии, другой — в черном — сгибаются от хохота под фонарем с канделябрами рядом с остолбеневшим молодым человеком.

— Пачка чаю... — давился смехом Ларионов. — За сеанс... Муза Иван Иванович Харламов, вдохновляющий молодого автора!

— Не понимаю, что в этом смешного, — сказал Романов. — Наверное, мне пора.

— Ну, стоп машина, — утер выступившие от хохота слезы капитан. — Вот что, молодой человек. Этот кожаный футляр имеет для нас очень большое значение. Для вас же имеет значение не только футляр, но и тот факт, что он оказался в вашей сумке первого августа, а вы вместе с сумкой оказались в городе Ленинграде... то есть Санкт-Петербурге. У вас есть срочные дела?

— Не очень срочные, — ответил Романов.

— Тогда мы почти пришли, — сказал капитан и махнул рукой вдоль набережной Мойки.

В полдень первого августа в конференц-зале гостиницы «Астория» началось собрание Совета акционеров ЗАО «Невесомость Инвестмент». Прежде всего, Беспрозванный объявил минуту молчания. Романов исподтишка разглядывал присутствующих: слева от него сидел Стас Ларионов, успевший сменить фиолетовый костюм на серый пиджак с люрексом и белые джинсы, справа покачивал длинной бородкой, заплетенной в косу, легендарный питерский музыкант Боб, основатель группы «Прозрачный стеклянный куб». Всего за круглым столом расположилось человек тридцать самого разного возраста — от подростков в пестрой одежде до степенных старцев. При всем разнообразии присутствующих, в зале не было ни одной женщины. С удивлением, Арсений обнаружил рядом с капитаном старика, читавшего в метро «Загадки Мирового океана». Попискивая маленьким пультом, тот увеличивал чувствительность слухового аппарата до максимума, словно рассчитывая услышать в минуте молчания что-то важное.

— Дорогие друзья, — начал капитан. — Предполагаю, что большинство присутствующих не имеют представления о собравшей нас здесь причине. Немногие же остальные пусть будут готовы услышать нечто неожиданное, что превзойдет их самые смелые надежды. Прошу считать заседание Совета акционеров «Невесомость Инвестмент» открытым и обратить внимание старших товарищей, что кроме минеральной воды на столе имеется валидол, валокордин и корвалол. Слово для

доклада представляется нашему бессменному финансовому директору. Прошу вас, Левон.

— Уважаемые господа! — отозвался старик с белоснежной бородой, похожий на Деда Мороза. — Подробно описывать финансовую деятельность нашей организации нелегко, тем более что отчетный период составляет шестьдесят лет, поэтому ограничусь лишь общими цифрами. Первый слайд, пожалуйста.

На окнах конференц-зала беззвучно сошлись тяжелые шторы, и в полумраке на стене замерцал гигантский экран. После логотипа «Невесомость Инвестмент», представлявшего собой нехитрую графику — над фиолетовой линией горизонта вытянул прямые лучи полукруг солнца — появились столбики роста стоимости акций.

— В отчетный период деятельность организации была диверсифицирована более чем на триста шестьдесят градусов... — услышав знакомые по работе в «Царь-банке» бухгалтерские нотки, Романов предположил, что выступление финансового директора будет скучным и растянутым. Как только он приготовился к подобающему ситуации сонному состоянию, в кармане проснулся мобильник. Арсений как можно тише пересек полумрак конференц-зала и вышел в холл, где тем временем накрывались для участников столики с чаем и кофе.

— Могу я услышать Арсения Романова? — зашекетал слух бархатный голос в трубке.

— Можете, — осторожно ответил Арсений.

— Говорит Андрей Человеков, редактор отдела ненаучной фантастики издательства «Ундервуд». Мы прочитали ваш «Неолит» и хотим его напечатать. Вы готовы заключить договор? Тогда у нас есть некоторые условия, — не дождавшись утвердительного ответа, тараторил Человеков. — Во-первых, вы должны понимать, что все права будут принадлежать нашему издательству, в том числе и права на экранизацию. Это ведь первая книга? Тогда никто других условий и не предложит. Во-вторых, нас не устраивает финал. Нужен счастливый конец, иначе книгу не станут читать. Например, команда «Гаммаруса» в мирное время создает международную финансовую корпорацию и тайно строит звездолет и станцию на Марсе, а Харламов встречается с Любой, от которой у него внук. Если не хотите сами, у нас есть специалисты, они допишут.

— Мне все равно, — сказал Арсений.

— Вот и хорошо! — обрадовался Человеков. — А то, знаете, есть такие авторы — носятся со своей книгой как со списанной торбой, или как там говорят. Ну, что касается стиля, мы там тоже немного подправим. Это все мелочи. Согласны?

— Валяйте, — в этот момент Арсению стало не до разговора с издательством.

По ковровой дорожке в его сторону шел Иваныч.

— Ну, и последнее, — заливался голос в трубке, — ваш гонорар мы выплатим частью тиража. Такая традиция для новых авторов. Сто экземпляров.

— Договорились, — попрощался Романов. — Здравствуйте, Иван Иванович, — с вызовом сказал он старику. — Черного чайку не желаете? А вы мне потом про подводную лодку расскажете.

— Здравствуйте, Арсений, — будто не услышав иронии, Иваныч протянул руку. — Началось уже? Давайте быстрее.

Последние слова были обращены к подмигнувшему из-за спины Иваныча детскому писателю Журавлеву, допризывному подростку Равилю и прихрамывающему седому человеку со шрамом на лице, специалисту по завариванию трехслойного чая. Неожиданно возникшая тройка исчезла в полумраке конференц-зала, и оторопевшему Арсению ничего не оставалось, как отправиться следом и вернуться на свое место.

— Таким образом, — заканчивал выступление Левон, — с учетом расходов на финансирование различных гуманитарных проектов, чистая прибыль организации за шестьдесят лет стараниями наших акционеров составила около пятидесяти миллиардов долларов. Естественно, из этой суммы ни копейки налогов не было перечислено ни в один бюджет ни одного государства.

Финансовый директор «Невесомость Инвестмент» умолк под бурные аплодисменты. В свете мерцающего монитора Романов заметил, как Иваныч слепил из листка бумаги самолетик и запустил в Левона, который нисколько не удивился такому ребячеству и даже приветливо махнул Харламову рукой.

Во время десятиминутного перерыва, Арсений пил кофе в стороне, наблюдая за тихим, но оживленным общением акционеров. Несмотря на ощущение собственной чужеродности, он не хотел уходить не попрощавшись. Чтобы не выглядеть унылым столбом среди общего веселья, Романов позвонил Мандарину.

— Привет, консультант по вопросам литературы, — после десятка долгих гудков отозвался Кондратьев. — Ты уже в курсе? Давай быстро, мне некогда.

— Мне Кузя о вас написала. Я не в обиде, у нас с ней все равно не сложилось бы, — Романову не понравился отчужденный голос Мандарина. — Поздравляю.

— Ты о чем? — не понял Кондратьев. — Про Козетту? Да ну ее, таких как она — миллион на меня одного. Я ее не видел уже пару дней. Я спрашиваю — ты насчет ООО «Генри» в теме уже? Из-за тебя наш филиал закрывают.

— Не в теме, — ответил Арсений, предчувствуя неприятности. — Я в командировке. А что случилось?

— Контора, которая тебе сто тысяч баксов заплатила, не простая оказалась. Теперь они требуют деньги назад. На нас наехали, генерал приезжал. Дамианский арестован, а ты в розыске. Так что я тебе сейчас номерочек сброшу, ты позвони обязательно, может, все и обойдется. Генерал Синичкин Сергей Александрович велел передать, если ты объявишься, что чистосердечное признание облегчает понимание. И еще он Капитаном интересовался. Вы сейчас где?

— В Улан-Удэ, — ответил Арсений и отключил телефон.

После перерыва заседание Совета акционеров продолжилось в легком полумраке, над которым витал голос Беспровозанного.

На экране вращалась трехмерная модель космического корабля, словно вылетевшая из безвоздушного пространства голливудской кинофантастики. Несмотря на наличие нескольких прогулочных палуб, оранжереи и футбольного поля, корабль был похож на концептуальный спорткар, а его обтекаемые формы напоминали дельфины.

— ... приблизительно в одно время с закладкой строительства «Гаммаруса-два», нам удалось совместно с аргентинскими товарищами запустить программу освоения планеты Марс, — докладывал капитан. — Все это было бы невозможно без подвига профессора Краснова, передавшего ключи запуска единственного в то время космического аппарата нашему дорогому коллеге Всеволоду Абрамовичу Третьяку. Год за годом, десятилетие за десятилетием, он руководил строительством станции «Яблоневая» в кратере Скиапарелли. — Сколько времени осталось до вхождения в зону приема? — капитан задал неожиданный вопрос куда-то в сторону.

— Десять секунд.

— Итак, внимание! Комиссар «Гаммаруса» на связи!

Экран расцвел неожиданной белизной, от которой в глазах запрыгали яркие пятна. На фоне цветущего сада стоял крепкий пожилой человек с загорелым лицом.

— Товарищ капитан первого ранга, шестьдесят лет на базе «Яблонева» прошли без особых происшествий, — голос доносился сквозь треск трехсот миллионов километров. — Вот только в яблочках червячки стали встречаться. Так я ж их не опрыскиваю ничем...

— Абрамыч! — крикнул Саблин. — Мы скоро прилетим! Новый «Гаммарус» может хоть под водой, хоть на Марс!

— К посадке борта «Гаммарус-два» готовы, — доложил загорелый старик и смахнул слезу. — Жду вас, братва. А ты, Саблин, готовься. Здесь такая акустика под куполом...

У Романова кружилась голова, его тошнило и покачивало. Спотыкаясь, он покинул темный зал и побрел к выходу из «Астории», слегка пощипывая себя за руку, чтобы проснуться. В дверях он почти столкнулся с пожилой женщиной в шляпе с вуалью, которая вела за руку молодого брюнета в дорогом костюме.

— Польдик, не волнуйся. Я обо всем договорюсь. Все-таки, он твой дедушка. Пусть возьмет тебя в команду. Хоть юнгой, хоть курсантом...

Все происходящее могло быть только сном, и ничем другим. В подтверждение этой версии свидетельствовал еще и тот факт, что неделю назад Арсений видел афишу концерта «Прозрачного стеклянного куба», где Боб был без бороды. — Если бы наоборот — раньше с бородой, а теперь без бороды, бормотал Арсений, было бы еще ничего...

— Эй, автор, ты куда? — догнал его Равиль. — Капитан просил передать, чтобы ты через полчаса стоял на Фонарном мосту. Там будет катер проходить, он тебя заберет в Кронштадт на «Гаммарус-два». Вечером будет фейерверк, а мы под шумок вылетим на Марс. Неделю проведем на «Яблонева», потом — в Аргентину, а оттуда — в Арктику. Эй, братуха, с тобой все в порядке?

— Все нормально, — Романов почему-то решил не игнорировать персонажа собственной галлюцинации. — Передай, что меня в больнице доктор ждет, я еще не весь «Калифорнийский личностный опросник» заполнил. Как заполню, так сразу на Марс.

— Ладно, передам, — вздохнул Равиль. — Дело твое. Только мобилу включи, тебе еще Иваныч собирался звонить.

— Пожалуйста, — Арсений демонстративно включил мобильник. — До свидания.

Экран доложил о пяти непринятых вызовах и двух новых сообщениях. Не обращая на них внимания, Романов побрел мимо мраморных львов. Все время пока он шел по набережной, телефон в кармане мелко вибрировал одним вызовом за другим. Остановившись перед очередным питерским мостом, Арсений достал трубку.

— Ты как? — спросила Вера.

— Я в розыске, лечу на Марс, — признался Романов.

— Шутить, значит, все нормально. Я тебе хочу сказать что-то очень важное. Ты спрашивал — кто у меня здесь появился?

— Ну, — выдохнул Арсений.

— Так вот не у меня, а у нас. Будет мальчик. Ребенок, понимаешь? Уже скоро. Ты должен это знать. Я расскажу сыну о тебе, но постараюсь, чтобы он вырос другим. Только без обид, ладно?

— Я устроюсь на работу, — ощущение реальности возвращалось к Арсению с каждой секундой.

— Не обманывай ни меня, ни себя. С таким чувством реальности ты проведешь жизнь в бесцельных перемещениях по планете и утопических проектах.

— Я приеду, — сказал Романов. — Вы не подскажете, как называется этот мост? — спросил он у проходящего мимо бледного молодого человека.

— Это Фонарный мост, — бледнолицый указал на фонарь, висящий на увенчанном спиралью торшере. — Если вам нужен катер в Кронштадт, то вот он подходит.

К мосту и в самом деле вдоль рыжей гранитной набережной шел тихим ходом плоский катер. В кресле на прогулочной площадке сидел Боб и пел под гитару. «Есть люди у которых капитан внутри», — подпевали пассажиры. Арсений заметил Иваныча, стоящего в обнимку со старушкой в шляпке с вуалью.

— Арсений, прыгайте, — крикнул старик, когда нос катера оказался под мостом.

— Я никуда не полечу, — сложив руки трубочкой, крикнул Романов. — Я в Америку хочу!

Шумный катер прошел под Фонарным мостом и стал удаляться. Некоторое время Арсений прощально помахивал рукой, пока мобильный не доложил еще об одном звонке.

— Послушай, — сказала Кузя, — у нас мог быть ребенок.

— И что? — ощущение реальности происходящего покидало Романова с каждой секундой.

— Все уже позади. Такие проблемы надо решать на ранних сроках. Только ведь я потратила все деньги, и теперь нечем платить за квартиру. Надеюсь, ты поступишь как мужчина.

— Да, — сказал Арсений и бросил мобильный в воду. — Стойте! — крикнул он зеленой точке, скрывающейся за изгибом гранитного русла.

Романов побежал по набережной, пытаясь разглядеть в реке хотя бы след катера, но на чернильной поверхности Мойки покачивался только старый кожаный футляр.

Глава 21

Рукопись, найденная в футляре. Буква из восьми слов. Куб Нулевича.

*...может показаться, что совпалыч — это инструмент изменения.
Однако мы синхронизируем события также и для того,
чтобы благоприятные обстоятельства
не менялись как можно дольше.....*

(Академик А.Р.Краснов, «Coincedancing».

Лекция для личного состава.

1 сентября 1939 года,

«Гаммарус»)

...таким образом, наша цель – в равной мере изменение и сохранение жизни путём синхронизации случайностей, которые при ближайшем рассмотрении всегда проявляют взаимные устойчивые связи.

Выражаясь образно, совпалыч – это рифма событий, гармоничных между собой по интервалу, цвету и композиции. Вот почему мы стремимся к поэзии, музыке и живописи – это развивает способность синхронизировать обстоятельства. Вот и вся теория.

Практика же возможна в различных формах, из которых самая эффективная и простая – игра. Как утверждал поэт – «в эту игру могут играть двое», а мы добавим, что где двое – там и трое, а «где трое – там я посреди них», говорил другой поэт.

Достаточно фиксировать по одному событию каждые шесть часов: утром, днем, вечером и ночью. Пусть это будут наблюдения, мысли, чувства, встречи, обрывки снов – любые яркие впечатления. Единственное условие – выбирать, не выбирая, то есть неосознанно. Научиться этому несложно, труднее поверить в реальность игры.

Игроки сравнивают результаты и отмечают совпалычи. Поистине удивительными бывают они у людей, находящихся в симпатической связи – влюблённых, друзей, врагов или близнецов. Забавные совпадения замечены в спортивных командах, особенно в группах синхронного плавания, среди музыкантов симфонического оркестра.....

– Глинтвейн и сливовый пирог с корицей, – на скатерти нарисовался фиолетовый заказ. – Еще что-нибудь?

Это заведение с видом на расщелины старого города было приятным местом: за прозрачными стенами подавали вино и свежую выпечку. Вечерами набивался народ, курились кальяны и звучала живая музыка. Тогда становилось тесновато, но невнятное время суток «половина четвертого дня» и тусклое время года «последняя неделя ноября» – способны даже метро сделать пустым, не говоря уже о кондитерской на пересечении Бульварного кольца и Покровки.

– Может быть, немного позже, – сказал Алимов. – Я долго у вас буду сидеть.

Он сделал серию пунктирных глотков и вернулся к чтению. Дешевенькое издание было куплено на развале Кузнецкого моста исключительно по причине знакомого имени на обложке. Книжечка называлась «Неолит», а последняя глава – «Рукопись, найденная в футляре». Алимов читал медленно, не столько пытаясь вникнуть, сколько наслаждаясь привычкой никуда не спешить.

Торопливость и суета кончилась в один момент, когда, перебегая Рождественку, он попал под машину. Нетрезвый водитель оказался племянником нового министра обороны, которому и принадлежал золотистый «Бентли», словавший Алимову ногу и совершенно изменивший течение и образ жизни бывшего альфа-самца «Царь-Банка». Министру удалось не допустить огласки: пострадавший получил компенсацию, лучшее лечение и пенсию участника боевых действий. Несчастливый «Бентли» перекрасили, а несовершеннолетнего Синичкина сослали на берега Темзы.

Сорок пять дней в генеральском госпитале стали самым беззаботным периодом жизни Алимова и добавили в картину мира ранее не различимые тона. После выписки он решил не ходить больше в офис, снял «однушку» с видом на Ботанический сад в элитной новостройке «Медвежий угол» и время полетело, как первый снег – медленно и торжественно. Алимов допил глинтвейн и перевернул страницу. Признак свободного человека – возможность читать не спеша.

Если одно событие приносит проблему, то другое – её решение. И неважно – которое из них случается первым, для любой причины есть любое следствие. События подчиняются общему закону: все зависит от всего. Или, как говорили в Междуречье, «ода форма дали сан». Совпалыч между близкими людьми позволяет предположить обратное: синхронизация случайностей сближает. Совпалыч – это игра для всех, синхронное усилие мировой энергии покоя...

Вопреки надеждам, сладкая жизнь продлилась не дольше трех месяцев. Синичкину пришлось отдать портфель из-за фактов махинаций с недвижимостью, и министр скоропостижно отбыл вслед за внуком. Пенсию отменили. Теперь Алимов проживал остатки, с удивлением и как будто со стороны наблюдая растущую уверенность в том, что упоительное безделье должно и будет продолжаться при любых обстоятельствах. Впрочем, его образ жизни нельзя было назвать ничегонеделанием. Алимов забыл о виртуальных стратегиях, зато купил акварельные краски, и с утра до вечера пытался писать арктические пейзажи, отливающие серебром и ультрамарином, редко выходя из дома, не отвечая на письма, не принимая звонки.

Предугадывая вопрос – можно ли играть одному, ответу утвердительно. Практика одиночной игры в совпалыч называется «усоединение» и выглядит как диалог без собеседника. Со стороны говорящий вслух в одиночестве выглядит безумным, но кто может видеть его со стороны? Говорить так – это как беседовать с новорожденным – вы верите, что малыш все понимает. Со временем ценность произносимого в одиночестве резко возрастает. Вместо слов ненужных и утомительных звучат самые важные. Собственно, на этом фаза усоединения заканчивается – в произнесении этих слов вы совпадёте с другими людьми. Ярким примером таких совпалычей являются синхронные молитвы верующих или признания влюбленных.

Итак, одиночная игра продлится недолго и скоро приведет к более широким синхронизациям, и если есть такая возможность – скорее найдите человека по душе и приступайте.

Алимов поднял голову и огляделся. Встречаясь взглядами, люди замыкают некую цепь — это многих пугает и заставляет отводить глаза. В замкнутых помещениях, таких как вагон метро или небольшое кафе, внимание расходуется на то, чтобы не встретиться взглядами. Это как прогулка по парку, где даже при желании невозможно заблудиться. Пассажиры утыкаются в книги, гоняют по дисплею бессмысленные геометрические фигуры, разглядывают свои руки или ноги окружающих. Это убийство времени не остается безнаказанным — именно в такие моменты мы стареем.

На этой мысли путешествующий взгляд нырнул во что-то холодное, живое и синее. Обладательница цветных очков сняла их и махнула маленькой ладошкой, приветствуя или прощаясь с Алимовым.

Скоро он сидел за ее столиком, продолжая играть в молчаливые гляделки. Улетая в бесконечные колодцы девичьих зрачков, он скорее ощущал, чем наблюдал периферическим зрением отливающие бронзой русые волосы, белоснежную кожу и яркие губы без следов косметики. Это была миниатюрная барышня, юная и тонкая как стебель. В последний момент Алимов заметил неуместную большую грудь, которая до отказа натянула спортивную куртку детского размера.

Поймав направление взгляда, девушка нахмурилась, резко встала и медленно потянула молнию вниз. В следующие секунды мысли полностью отсутствовали, а в сердце пытались ужиться два противоположных чувства. Во-первых, огромной груди не было — под футболкой угадывались милые девичьи холмики, и это было хорошо. Во-вторых, открылась причина неуместных очертаний: тонкую фигурку охватывали прихваченные скотчем кирпичики с детонаторами, и это было плохо.

— Внимание! Прошу обратить внимание! — она запрыгнула на соседний столик и несколько раз повернулась вокруг оси. — Всем меня видно? — звонкий голос окрашивался неуловимым акцентом. — Не делаем глупостей и сидим тихо. Администратору — закрыть входную дверь и подойти сюда!

Она убедилась в том, что все приказы выполняются, и вернулась за столик.

— Меня зовут Анастасия, — девушка казалась смущенной.

— Мих... Михаил, — запнулся от неожиданности Алимов.

— Очень приятно, — сказала террористка. — Я работаю в зоопарке. Кормилицей. Хотите пирожное?

Далее мы стали воевать за имущество, хотя делали вид, что продолжаем сражаться за огонь и женщин

В истории человеческих войн, в этой осадной лестнице с окровавленными ступенями, вздымающейся из первобытных пещер к вертолётным площадкам небоскрёбов, есть пять этажных площадок.

Первая — из камня. Здесь закончились битвы за огонь и женщин. Далее мы стали воевать за имущество, хотя и продолжали делать вид, что воюем за огонь и женщин. Этот этаж был деревянным, как катапульты Карфагена.

На третьей, железной площадке гремят доспехами участники войн за территории. Четвертый этаж — война за ресурсы. Эта площадка самая скользкая — она вытесана из угля и полита нефтью. Последняя площадка — невидима. Мы взобрались на нее, продолжая сражаться за ресурсы, но это — битва за нечто более важное. Достаточно перечислить существующие очаги напряженности, и все станет ясно. Афганистан, Корея, Северный Кипр, Тибет, Ирак, Иерусалим, Египет, Ирландия, Сирия, Арктика...

Это — так называемые «места силы», земли с древнейшей историей, обладающие удивительным влиянием не столько на живущих там людей, сколько в целом на человечество. Таких мест немало, но всё чаще они упоминаются в связи с военными действиями, экологическими бедствиями и террористическими актами.

Разумеется, всё это сильно отдаляет нашу мечту о мировом совпальче.....

— ...два бокала мадеры, имбирный чай, и печеные фрукты в меду, — диктовала она бескровному администратору. — Заложников скоро буду отпускать, а пока — пусть заказывают что хотят, за ваш счет. — Администратор кивнул. — Миш, тебя могу первым выпустить, — это она уже Алимову. Тот замотал головой.

— Тогда давай разговаривать. А то сидим, как эти.

— Да уж, — сказал Алимов.

— Интересная? — кивнула Анастасия на «Неолит».

— Так себе. Товарищ написал. То есть не товарищ, а приятель. То есть — бывший коллега.

— Ну, так о чем книга?

— Да обо всем сразу, — растерялся Алимов. — Странно, что это вообще издали. Честно говоря, не понимаю, зачем такое печатать.

— Затем, что иногда они открываются, — сказала террористка.

— Кто? — не понял Алимов. — Книги?

— Вагоны метро. Если портфель прищемило, или сильная давка, двери еще раз открываются, и тогда можно быстро вскочить, если быть готовым. Современный автор похож на того, кто куда-то не успел и чего-то ждет.

— В самом деле? — он спросил только для того, чтобы девушка продолжила говорить, чтобы не исчезло удивительное состояние, навеваемое чистым тембром ее голоса. — Чего же он ждёт?

— Дай взглянуть.

Показалось, красные лампочки на детонаторах замигали спокойнее, и девушка раскрыла книгу наугад.

Новое письмо

Кому: Иваныч <gammaus2@gmail.com>

Тема: 22 NOW

--

>>Ночь

Никто из нас не остров
Без общих берегов
Не в слове восемь букв
Но в букве восемь слов
Джон Донн давно уж помер
А дух его живёт
Читай свой личный номер
Теперь наоборот
Когда уйдут под воду
Европа и Тибет
Пусть колокол свободы
Звонит и по тебе

>>Утро

Овощной суп
Паштет из чёрного трюфеля
Сухари
Чай чёрный байховый
Лимон

>>День

Тигр! Тигр!
Свет из тьмы!
Твоё имя там, где мы.
Тот, кто имена давал,
Всех имён не называл
Кто нанёс твои полосы
Глазом острым,
взглядом плоским?
Кто чертил твои черты?
Наше имя там, где ты...
(Не окончено)

>>Вечер

Персиковый самогон
Конфеты «Гусиные лапки»
--
Отправить
Не удалось отправить письмо
Потеряно соединение
Нет доступных беспроводных сетей

Взъерошив до неузнаваемости анемичный сигнал спутника, крепко и без предупреждения задул северо-западный ветер. Романов смотрел на беспомощный пульс поиска сети, складывая в голове последовательность операций: смартфон в рюкзак, песок в костёр, флягу в нагрудный карман, фонарь в руку. Далее — бегом с макушки древнего кургана, единственного места на Ахиллесовой губе, где ловятся беспроводные сети.

Сверху хорошо было видно, как извивалась среди сосен гигантская прозрачная змея, как наползала она ледяным брюхом

на низкорослые маслинники, приминала камыш на зеркальных озёрах, ерошила волны почерневшего моря. Дополнив порядок экстренных действий шестидесятиградусным глотком, Арсений поспешил в сторону леса.

Даже в Ботаническом саду холодные сумерки навевают мысли о волках. Никто не усомнится в вашей смелости, если ноябрьским вечером в норд-норд-вест увидит вас бегущим по лесной тропинке, беспорядочно машущим фонарём и говорящим вслух. Да и кто бы мог видеть вас сейчас со стороны?

— Письмо не отправилось, — громко шептала Романов. — Это плохо. Но я его написал. Это хорошо. Меняется ветер. Это плохо. Я иду домой. Хорошо. На причале рассказывали, что волки съели собаку почтальона. Если подумать, то плохо только хозяину. Собаке уже никак, а волкам — хорошо. Постепенно речь перестала быть осмысленной. Когда светлая дорожка вывела Арсения из первого леса, он уже бормотал нечто не для людей: Хорошо. Хор Ошо. Плохо. Лох. Ах. Ох.

Выплеснувшийся крайними опушками на морской берег, второй лес рос реже и был старше. Тропинка не требовалась — сосны ровно отстояли одна от другой, как стержни ядерного реактора. Это был так называемый «мачтовый» лес, в давние чугунные времена посаженный для нужд корабельной верфи. Среди деревьев ветер стих. Между верхушками сосен блестели жемчужины Ориона в оправах рваных облаков. Симметрия места успокоила и вернула поэтический ритм:

Слёзы неба — звёзды риз
Копья света бросят вниз
Кто стрелок и где мишень
Станет ясно в этот день

Там, где мачты нависали над узким оврагом, Арсений скорее догадался, чем почувствовал: его кто-то слушает, внимает новорожденному стиху. Появилось ощущение, хорошо знакомое актёрам и поэтам: колебания гармоничны, публике нравится, можно продолжать в том же духе. Чтобы компенсировать ритм прибавленного шага и заглушить визжащее желание оглянуться, он стал декламировать во весь голос.

Чья незримая рука
Нас зовёт издалека?
Кто, низвергнутый с небес,
Светит нам сквозь тёмный лес?
Тигр! Тигр!
Свет из тьмы!
Твоё имя там, где мы.

Идти осталось немного — под хвойником проступила тропинка и тут же свернула к морскому берегу. Впереди замелькал фонарь над белым домиком, и Романов наконец оглянулся, чтобы не увидеть ничего, кроме редющего леса. А вот прямо по курсу возникли три страшные тени, которые полукругом приближались навстречу. Арсений трижды ткнул волкам в глаза копьём фонарного луча и стал пятиться до тех пор, пока спиной не уперся в дерево.

С нечеловеческой ловкостью всцарапался он на сосну — стирая колени, запытая и подушечки пальцев. Холодный ветер качал тонкую верхушку, полоскал капюшон ветровки, и Арсению пришлось спуститься чуть ниже под защиту толстых веток. Теперь он прекрасно видел трёх серых разбойников, которые сидели под деревом, уверенно внюхиваясь в небо. Их хвосты синхронно мотались и возможно, выметали в темноте незаметные геометрические фигуры.

— Вверху звёзды, — сказал Арсений. — Это хорошо. Внизу волки. Это плохо. Я на дереве. Это хорошо. Мне не позвать на помощь. Это плохо.

Одновременно с новым порывом ветра в рюкзаке на разные лады трижды пискнул проснувшийся смартфон, докладывая о пойманной беспроводной сети и двух новых письмах — одном отправленном и одном полученном.

— Похоже, автор своего дождался, — сказала террористка и отложила книгу. — Ещё раз предлагаю пойти домой. Ты последний у меня остался.

— Хочешь, чтобы я ушел? А как же ты? — спросил Алимов. Девушка пожала плечами.

По стенам прыгали рассеянные огоньки снайперских лазеров, неспособные прожечь пластинки опущенных жалюзи. Обстановка вокруг кондитерской, судя по частым отблескам фотовспышек, быстро накалялась. О том же свидетельствовало и бормотание телевизора, мрачно докладывающего голосом журналиста Солнцева что-то насчёт операции по освобождению заложников и угрозе взрыва в исторической части города.

Лампочки на детонаторах давно погасли, а кирпичики в обрывках скотча валялись под столом. Меньше всего хотел Алимов куда-то идти. Заложники действительно были отпущены, зал опустел и только в углу сидел перед телевизором администратор — сухолицый мужчина средних лет с высокими зальсынами и глубокими морщинами. Незаметный и юркий, он всего один раз осмелился напомнить о себе, когда самовольно принёс бутылку португальской мадеры, поставил на стол большую тарелку с профитролями и зажгёт между Настей и Алимовым высокую свечу.

Скорее этому золотому огоньку, чем друг другу выдавали они сейчас свои пустяшные тайны, невысказанные секреты одиноких людей. Это был строгий канон первого знакомства: путешествия, друзья, кино, музыка, книги. Потом могут быть сны, кошмары, философия, болезни, дурные привычки — что угодно, но не в первый день, когда двое осторожно раскрывают карты, безрассудно смешивают реактивы, вслепую ищут совпадения.

Алимов уже знал, что девушка живёт в Нууке, работает в зоопарке и пишет большую работу о форме полярного круга, прилетела сегодня утром делать важный доклад в географическом обществе, но конференцию отменили. Прежде чем с помощью скотча, картона и пары фонариков организовать захват заложников, она вывесила доклад на независимых серверах. Оставалось лишь привлечь внимание.

— Терроризм — страшное оружие, но у меня не было другого выхода, — сказала Настя. — Я два года следила за ветром и водой, а они открыли огонь. Теперь — будут знать.

Алимова же рассказал о своих акварельных опытах, и обнаружилось, что серебряных пейзажей получилось ровно столько, сколько глав в Настином докладе.

— Совпалыч, — произнёс он совершенно неожиданно для себя.

— Что? — не поняла девушка. — Слушай, можно будет использовать твои работы для моего доклада, раз уж так совпало?

— Давай сыграем в игру, — сказал Алимов, когда стало понятно, что никто не хочет расставаться. — Когда мы находимся в разных местах, происходят всякие вещи. Мы запоминаем и синхронизируем самые сильные впечатления.

— Давай. Только меня отсюда не выпускают, — кивнула она в сторону прозрачных стен. — Жалко, да?

«Снова у всех на слуху знаменитое произведение Квасимира Нулевича «Как бы совсем ничего нет». Вчера на торгах в Лондоне была продана современная интерпретация этой работы, причём цена цитаты неожиданно превысила стоимость первоисточника. С подробностями из аукционного дома «Филипп Докури» — наш корреспондент Дмитрий Чернов...»

Администратор резко прибавил звук телевизора — от такой внезапности фраза Алимова «нет безвыходных положений, что-нибудь придумаем» развалилась на непроизносимые составляющие и в результате не прозвучала. «Возможно, вчерашняя дата войдёт в историю как день, когда у человечества не осталось иллюзий. «Искусство — это деньги, а деньги — это дерьмо» — так озаглавлена статья в утренней «Луне» и подобными утверждениями пестрят сегодня все желтые газеты. Избегая прямых определений, с бульварными собратьями солидарны серьёзные издания: на первой полосе «Нападающего» опубликована статья «Экскременты как мера стоимости», в «Ночном зеркале» появилось интервью управляющего Банка Англии «Не пахнут — не деньги», а тираж «Иллюстрированных новостей Лондона» попал под Закон 1759 года о непристойных публикациях. Что же случилось?»

Тёплый баритон корреспондента Чернова, чуть прихваченный инеем безразличного новостного тона, требовал лёгкой хрипотцы — тогда этот голос можно было бы слушать под аккомпанемент босса-новы. Но хрипотцы не было.

«Как известно, свою самую знаменитую работу Нулевич описывал как «интерьер совершенно прозрачного куба». Этот объект действительно является прозрачным стеклянным кубом размером метр на метр — с 1971 года он принадлежит фонду Кейджа, оценен в 251 миллион долларов и официально является самым дорогим произведением искусства в мире. Точнее, так было до вчерашнего дня, когда за несколько большую сумму на лондонском аукционе не был продан римейк легендарного произведения. Его автор — малоизвестный московский скульптор Барбакару — не нашел ничего лучшего, как изготовить куб соответствующих размеров, используя в качестве материала собранные в зоопарке экскременты африканского слона. Искусствоведы и коллекционеры шокированы не только манерой исполнения, но и тем фактом, что название объекта — «Как бы совсем ничего нет, кроме говна», с этого дня возглавит список самых дорогих произведений всех времён и народов».

— Придумаем что-нибудь, — сказал, наконец, Алимов. — Я теперь тебя никуда не отпущу.

Телевизор умолк и погас. Со стен исчезли точки лазеров, а вспышки фотоаппаратов за полосатыми жалюзи стали повторяться всё чаще, пока, наконец, не слились в короткое замыкание, электросварку, отвратительное подобие бенгальского огня.

— Всё, — сказал незаметно приблизившийся администратор, надевший чёрное полупальто с медными пуговицами. Залысины теперь скрывались странного вида суконной фуражкой. — Сейчас будет штурм. По телевизору сказали — операция прошла успешно, все уничтожены.

От кого: Иваныч <gammarus2@gmail.com>

Кому: Неолит <thelast@list.ru >

Тема: 22 NOW

--

>>Ночь

Вид из окна. Ладгейт-Хилл похож на реку, а собор — на остров.

>>Утро

Вот эмблема с чела человека
Чуть прищуренный третий глаз
Мы на дне Золотого века
И оно дребезжит, как таз
На поверхности плавают маги
Руки-реки текут в моря
Повышается уровень влаги
Увлекая наверх якоря

>>День

После обеда приснился Калипсо. Пушка на бульваре была нацелена в зенит, каждые пятнадцать минут из ствола вылетал радужный пузырь.

>>Вечер

Как бы вообще ничего нет

Два мощных, тонких и многослойных совпалыча — ночной с собором и дневной с тигром — обрадовали и воодушевили. Отмечая удачу, Романов дважды глотнул из персиковой фляги и почувствовал, что ветер унялся так же неожиданно, как начался. Кютики сосен застыли в смоляном воздухе, метроном прибой напомнил о близости морского берега, с причала донеслись обрывки музыки, лай, дым. Романов отметил, что ожидавшие его разбойники забеспокоились. Для усиления эффекта он скачал на каком-то школьном сайте тигриный рык, включил на полную громкость, и через минуту след волков на холодной тропинке замёрз, озяб и простыл.

— Как это — «операция прошла успешно» — спросила Настя, — если штурм ещё не начинался? — От волнения её акцент проявился сильнее.

— Сигнал спутника немного запаздывает, — сказал администратор — У вас примерно три минуты, чтобы одеться и пойти со мной. Моя фамилия Журавлёв.

Он повёл их в тёмные глубины кондитерской: мимо пустых столиков, мимо барменской стойки, мимо двери с изображением мужского профиля и двери с изображением дамы, по сужающемуся со всех сторон коридорчику — к третьей

двери, на которой в чёрном пластиковом овале летел белый ангел с трубой.

Журавлёв вставил в щель медный прямоугольник с хаотично просверленными отверстиями, и дверь открылась. Пахло сыростью, древностью и корнями. Они переступили высокий порог и оказались на верхней площадке каменной лестницы. Из кондитерской послышались дикие крики, посыпалось стекло, раздались выстрелы. Толстая дверь немедленно защёлкнулась, и внешние звуки исчезли. В свете мощного фонаря можно было легко видеть, как длинный коридор разветвляется и уходит вниз. Они стали спускаться вслед за администратором, крепко держась за руки.

— Это трёхмерный лабиринт, — сказал Журавлёв. — Его легко пройти, если совсем ни о чём не думать. У вас получится. Айсбергам привет.

— До свидания, — вздохнула Настя. — Спасибо.

— Книгу наверху забыл, — зачем-то сказал Алимов.

— Ничего, — сказал Журавлёв. — Забыл — значит запомнишь.